

СВ

2(59)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (59)

БЕЛКИН С.В.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2022

Содержание

ФИЛОФЕЕВСКИЙ КОНКУРС ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
НИКОЛАЙ ТОЛСТИКОВ	<i>Рассказы</i> 3

К 60-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Раиса ВОКУЕВА-БЕЛОРУКОВА	«Иван Истомир».....7
Ирина ТАРАБАЕВА	Удивительные приключения тюменского зайца.....10
Михаил РЯБИЙ	Микуль Шульгин: «О, только бы расцвел родимый край!».....14
Габдель МАХМУТ	Правда Сулейманова.....20

ПРОЗА

Александр МАТАЕВ	Муля.....22
	Амнистия.....24
Андрей МАРКИЯНОВ	Предназначение.....35
Сергей БЕЛКИН	Совесть.....52
Евгения ШАПИРО	Жизнь без выбора.....61
Кирилл ФИЛОНОВ	Сестра.....69

ПОЭЗИЯ

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ (31), Елена ДУЛОВА (48),
Евгений ШИРЯК (57), Олеся ЖУРАВЛЁВСКАЯ (65), Михаил ГУМЕНЮК (78)

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Ольга АХТЫРСКАЯ	Про тех, кто у нас был.....82
ЕЛЕНА ЧУХЛАНЦЕВА	Жила-была Лушка.....90

КРАЕВЕДЕНИЕ

Татьяна СОЛОДОВА	«...несправедливо предано забвению». (С.И. Карцевский).....92
Андрей БЕЛОУСОВ	Сибирь и её подвижники.....107
Владимир КРАПИВИН	Далмат Исетский.....114
	Боевал за Отечество.....119
Павел ПЛЮХИН	О Клименте и Несторе из глубины веков!.....121

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья ПАРОМОВА	Судьба художника.....124
-------------------------	--------------------------

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Эдуард АНАШКИН	Горечь и любовь Станислава Куняева.....131
Александр БАЛТИН	Тяжёлая ноша.....136
Евгений МАКСИМОВ	«Именем Рубцова будем узнавать друг друга...».....139
Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Миссия Анны.....144
Станислав ЛОМАКИН	Русский язык – духовная колыбель России...147

У НАС В ГОСТЯХ

Журнал «ПОДЪЁМ» (Воронеж)

Иван ЩЁЛОКОВ (151), Геннадий ПЕТРЕНКО (158),
Александр НЕСТРУТИН (172), Зоя КОЛЕСНИКОВА (179)

Вячеслав ЛЮТЫЙ	Воронежский литературный горизонт.....155
Наталья МОЛОВЦЕВА	Белы снеги выпадали.....162
Римма ЛЮТАЯ	Жизнь в розовом цвете.....176
Сергей ПЫЛЁВ	Человек Господа.....183

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА (188)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ (192)

ФИЛОФЕЕВСКИЙ КОНКУРС ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*****

Николай ТОЛСТИКОВ

СОВЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом. Минута – суп проглочен. С пустой посудиною в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит деловито: «Второе пожалуйста! И десерт!»

КАПЕЛЬКА

Когда-то во время срочной службы Жоржа в армии его на спор прокрутили на лопасти винта вертолёта, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны. Кончилось тем, что перед самым выходом на пенсию оказался Жорж у нас на приходе, бобыль бобылём, единственная родня – брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа отказался принять.

Всё хозяйство и богатство Жоржа – допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на висячий приличных размеров замок. Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля как на бога. Пономарничая – прислуживая в алтаре, он разинув рот ловил каждое слово того. Да вот беда – седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошабарошившись, вылетало обратно.

Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздражённых окриков и упрёков тычется растерянно во все углы, словно слепая курица. И смех и грех! «Уйду! Уйду! Уйду!» – отходя от службы, скулит забитой псиной в укромном местечке умаявшийся Жорж, однако же на следующее утро опять ожидает смиренно настоятеля.

Смотрят все на беднягу жалеючи: точь-в-точь готовый услужить господину послушливый раб – от усердия и беготни аж подмётки сапог того гляди задымятся! Но не так прост наш Жорж! В запертую дверь алтаря снаружи пытается постучаться диакон: обе руки поклажей заняты.

– Отопри, Жорж!

– Не инвалид! В другую дверь обойдёшь! – ворчит недовольно Жорж и не трогается с места. Что ж, каждый по капельке выдавливает из себя раба...

ПОДРОСТОК

Старый заслуженный протоиерей, бородачица с проседью вразлёт, был нрава сурового, жёсткого: слово молвит – в храме все трепещут. А у его сына Алика пухлые щёки надуты, будто у ангелочка, румянькиие, глаза добрые, бесхитростные. Увалень увальнем. Батька не церемонился долго: повзрослевшему сынку predetermined семейную стезю продолжать. За-молвил, где надо, веское своё словечко, и готово: Алик – поп.

Не стал парень отцу перечить – молодец, но только рановато ему было крест иерейский надевать. Служил отец Алик в храме исправно – с молодых ногтей всё впитано. Да вот только приключилась беда или недоразумение вышло: обнаружили у молодого батюшки две вроде бы взаимоисключающие друг друга страсти – велосипеды и компьютеры.

В свободные часы Алик до изнеможения по дорогам за городом гоняет, вечерами за компьютером зависает. Утречком мчится он на службу на своём велике, влетает в ворота церковной ограды, весело кричит:

– Смотри, отец диакон, как я без рук могу ездить!

И выписывает кривули по двору, только крест между раскрывшихся пол курточки на его груди поблёскивает.

Бабки-богомолки озираются, испуганно сторонятся и торопливо крестятся. Юная матушка у Алика – не тихоня, не прочь молодого мужа на увеселения какие-нибудь затащить, хоть на дискотеку. Рвал, рвал себя Алик пополам, да и однажды не выдержал: пошёл в епархиальное управление и прошение «за штат» на стол положил.

– Не дорос я... Подрасту – вернусь!

Проявился-таки полученный по наследству отцовский непримиримый характерок! Старого протоиерея спрашивали, бывало, потом про сына.

– Компьютерную фирму открыл, соревнования в Москве выиграл, – чуть заметно смущаясь и будто бы оправдываясь, говорил протоиерей. – Но... вернётся ведь ещё, даст Бог!

ЦЕНА ЛЮБВИ

Прихожанка, учительница из соседней школы, стоит на службе в храме сама не своя. Потом рассказывает, расстроенная:

– Я классный руководитель у пятиклашек. У них – пора первых чувств друг к дружке, только вот выразить их не знают как. Мальчишка дёрнул приглянувшуюся девчонку за косу, а та в ответ – его за рубашку. Рубашка – сверху до низу тресь по шву! Выразили чувства!

Вечером родительское собрание. И сразу проявилось социальное расслоение. Мальчик – сын банкира, а у девчонки мать – простая рабочая на молокозаводе. Банкир, сытый, холёный, уверенный в себе мужичка, приносит злосчастную рубашонку и расправляет её, располозованную, напоказ, на общее обозрение. «Вот, дескать, какие нравы царят в современной школе!».

Классная руководительница рада бы превратить всё в шутку, но не тут-то было!

– Я хочу, чтобы виновные возместили мне убытки, а именно: испорченную рубашку заменили на точно такую же! – капризно надувает губы банкир.

– Давайте я вам деньгами заплачу! – поднимается с места худенькая, скромно одетая женщина.

– Я в деньгах не нуждаюсь! – сурово отрезает банкир. – Возместите мне в точности утраченное!

– Да простил бы... Экая для вас потеря! – пробурчал кто-то из родителей с задней парты.

– Не ваше дело! – резко обернулся в ту сторону банкир. – Для меня важна справедливость.

Купила женщина, мать-одиночка, на другой день банкирскому сыну такую же точно рубашку. Только носить ее парнишка не стал, наверное, из

«солидарности» с той девчонкой – «казнобой», которой дома от матери без сомнения основательно влетело.

Наши служители собирались у того банкира попросить денег на ремонт храма, да передумали. Хотя... может быть, и дал бы.

ПОЧТИ СВЯТОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дядюшка мой Паля был не дурак выпить. Служил он на местной пекарне возчиком воды, и поскольку о водопроводах в нашем крохотном городишке в ту пору и не мечтали даже, исправно ездил на своём Карюхе на реку с огромной деревянной бочкой в дровнях или на телеге, смотря какое время года стояло на дворе.

Хлебопечение дело такое, тут без водицы хоть караул кричи. Под рождественский праздник в семье нашей запарка приключилась. У мамы суточное дежурство в детском санатории, а у папы какой-то аврал на работе. Как назло. Они ж со мной, годовалым наследником, по очереди тетёшкались. Сунулись за подмогой к тётке Мане, жене дяди Пали; она, случилось, выручала, да запропастилась опять-таки куда-то, к родне уехала. Дома лишь дядя Паля, малость «поддавши», сенцом своего Карюху во дворе кормит.

– Какой разговор! – охотно согласился он, когда родители мои пообещали ему по окончании трудов премию в виде чекушки.

– Малец спокойный, не намаееси!

На том и расстались...

Соседи потом рассказывали, что понянчившись некоторое время, дядя Паля забродил обеспокоенно по двору, потом запряг в дровни Карюху, вынес сверток с младенцем.

– Это ты куда, Палон?! – окликнул кто-то из соседей.

– Раззадорили вот чекушкой-то... И праздник опять же, – скороговоркой ответил дядя Паля, залезая на передок дровней с младенцем на руках и в надвигающихся сумерках чинно трогаясь в путь.

Родители пришли за мной поздно вечером, и каков, вероятно, был их ужас, когда они увидели, как из дровней соседи за руки и за ноги выгружают бесчувственное, покрытое куржаком инея тело дяди Пали и влекут его в дом.

– А где ребёнок?

– Что за ребёнок? Карюха дорогу домой знает, дядю Палю сам привёз: что человек тебе, только не говорит.

А дядя Паля молчит, как партизан на допросе, только мычит невнятно да глаза бессмысленные таращит. Ах как все забегали, заметались!.. В это самое время, ближе к полуночи, на пекарне бабы готовили замес. Пошли в кладовку за мукой и вдруг услышали плач ребёнка. Те, что постарше, суеверно закрестились: «Свят, свят, свят...», а помоложе, любопытнее, прислушались и обнаружили младенца в ларе с мукой.

Тетёшкали и долго недоумевали: откуда же чудо-то явилось – хорошенькое, розовенькое, пока не вспомнил кто-то про дядю Палю, видали, дескать, его в качестве няньки. А дальше бабье следствие двинулось полным ходом: с мужиками-грузчиками дядя Паля тут, возле кладовки, свой законный выходной и заодно праздник отмечал.

Стал раскручиваться клубочек... Родным находка такая в радость, рождественский подарок! Об истории этой до сих пор в городке вспоми-

нают, узнают всё, много ли я в жизни мучаюсь, маюсь, раз в муке нашли. Только об одном хроники умалчивают: как и чем был премирован мой бедный нянька дядя Паля, осталось семейной тайной.

ВЗДЫБЛЕННЫЙ

Очередное заклание поросёнка по поздней осени становилось у нас чем-то вроде семейного праздника. Мать, жалея животину, уходила куда-то с утра и не возвращалась до полуночи. В доме по хозяйству орудовали мужики. Кроме умельца, должно порешить беднягу-хрюшку, собиралась почти вся мужская половина нашей родни в Городке. Так было и на этот раз, только трапезу по знаменательному случаю устроили в недостроенном новом доме.

Пришли дядя Паля, ещё кто-то; все с настороженностью косились на новичка в компании – племянника Пали, худощавого, с испытанным бледным лицом Бориса. Он, часто ероша ладонью жёсткий ёжик отрастающих волос на голове, зыркал по-волчьи исподлобья в ответ.

Побаивались, и не зря: Борис только что откинулся после очередной ходки. Знали, за что и сидел: заготовливал он на пару с соседом в чёрной делянке лес на продажу. Сунулся однажды попроведать присыпанный снегом штабель из хлыстов, а из тех мест чужой трактор с санями поворовски улепётывает.

В кабине его Борис соседку своего узрел, двинулся навстречу яро. Сосед, ведая пресквернейший характерок компаньона, метнул в Бориса топор, но Боря увернулся и выковыривал потом обидчика из трактора крюком, которым брёвна цепляют...

Мужики за «жарким» подвыпили, поосмелели. Дородный дядя Паля даже попытался свысока неразумного своего племянничка жизни поучить, но Борис, раздражённый, сгрёб со стола вилку и воткнул её дядюшке прямо в щеку. Тот взревел медведем и, сграбастав кочергу, бросился вдогонку за досадившим ему тщедушным, но злобным шкетом.

У дома ещё не было ни пристроек, ни палисада, полный простор, и племяшу с дядей ничто не препятствовало бегать вокруг. На очередном их кружке мой папа, с войны ещё едва бродивший инвалидишко, выставил свою клюшку, и Борис, стреноженный, хряпнулся со всего маху об мёрзлую землю.

Пока он очухивался, папа мой, насев на него, захлестнул сзади ему ремнем руки, перекинул свободный конец ремня через балку в недостроенном тоже крылечке и подтянул слабо забарахтавшегося Бориса к ней.

Бузотёр повис теперь вроде б как на средневековой дыбе. Приходя в себя, он яростно задрыгал ногами, суля порешить под корень всю «родову», плевался, изрыгая проклятия на головы несчастных собутыльников. Потом заскулил-таки от боли в вывернутых руках:

– Отпусти! Больше не буду! Клянусь!..

И как подменили мужика: стал тише воды, ниже травы. Дюже скупой своей жене приказал дать денег в долг моим родителям дом достроить. Без процентов и сроков: отдадите, когда богаты будете. Я всех тех перипетий сам не помню толком, мал был: в окно бы выглянуть, да до подоконника не дотянуться. Но ревел, говорят, перепуганный шумом и гамом, хорошим телком.

И просят больше в нашем хозяйстве не держали...

К 60-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*****

Раиса ВОКУЕВА-БЕЛОРУКОВА

«ИВАН ИСТОМИН»

Глава из книги.
Печатается в сокращении

Преодоление

В декабре 1958 года Ивана Истомина вызвали в обком партии. Взяв с собой старшего сына, он вылетел в Тюмень.

– Летели через Берёзово. Минус 56. Самолёт сломался, там застряли, – вспоминает ту поездку Эдуард. – Отец в малице, я в телогрейке.

Во время беседы в обкоме Ивану Григорьевичу была предложена должность редактора национальных литератур в Тюменском книжном издательстве.

Полгода отец с сыном жили в гостинице «Заря» (угол Первомайской – Володарского). Эдуард устроился на работу, ходил в вечернюю школу. Питались в столовой, и только в июле 59-го, получив двухкомнатную квартиру в доме № 58 по улице Республики, перевезли в Тюмень семью. Салехардский дом продали, письменный стол и кое-какие вещи отправили в контейнере.

Всё для северян в Тюмени было новым, непривычным: квартира на третьем этаже, высокие лестницы, жара. Иван Григорьевич из-за своего недуга больше находился дома. Любил балкон. Курил, думал. А когда необходимо было выйти на улицу, спускался вниз, бывало, и на четвереньках.

В течение пяти лет Истомин исполнял обязанности редактора Тюменского книжного издательства по выпуску литературы на языках народов Севера. Он работал с начинающими поэтами, писателями Ямала, Ханты-Мансийского округа. Как знаток языков коренных народов и национальных культур давал консультации газете «Тюменская правда».

Уже через год редакторства Истомина одна за другой в Тюменском издательстве выходят на родном языке книги северян: Ивана Юганпелика, Леонида Лапцуя, Григория Лазарева, Ювана Шесталова, Елены Сусой, Микуля Шульгина, Андрея Тарханова, Прокопия Салтыкова...

Все они, вошедшие в большую литературу при сердечной поддержке Ивана Григорьевича, не подвели учителя и стали профессиональными писателями.

Были ли у самого Истомина кумиры – говорить сложно, слишком мало информации на этот счёт. Константин Лагунов, например, видел влияние М.А. Шолохова на творчество Ивана Истомина. По косвенным же признакам можно предположить, что таковым для северного писателя был А.С. Пушкин.

Тюменский период жизни И.Г. Истомина оказался плодотворным и в плане личного творчества. В 1959-м издаются «Дети тундры» – стихи на русском и ненецком языках, в 1961-м – очерк «Ямал вчера, сегодня,

завтра», в 1962-м – рассказы и повести на русском языке «Счастливая судьба». Тогда же он сочиняет пьесу «Цветы в снегах». Музыка к новому произведению написал известный коми композитор Прометей Ионович Чисталёв (1921–1988).

Вряд ли этот творческий союз был случаен. Истомин с коми-ижемскими корнями, наверное, рассчитывал найти понимание, заинтересованный отклик у человека с его прародине не только на профессиональном, но и на ментальном уровне.

Пьеса была разрешена к показу 23 октября 1963 г. Поставил её в ноябре 1963 г. в Тюменском драматическом театре режиссёр Э.В. Кондэ как первую коми-ненецкую комедию, и выдержала она 50 представлений. Это была первая пьеса в репертуаре Тюменского драмтеатра по произведению местного автора.

Писать Ивану Григорьевичу становилось меж тем всё труднее. Ручку держал в руке и толкал её подбородком. Имея красивый разборчивый почерк, не раз выговаривал детям, просматривая их тетради: «Как вы не можете своими здоровыми руками красиво писать!». А ещё была огромная переписка с редакциями газет и журналов, с издательствами, коллегами.

Иван Григорьевич любил музеи и сам часто работал с музейными фондами. Посыльщиком, как правило, был старший сын. Эдуард имел допуск и делал отцу подборку по заданной теме. Тюменскому областному музею переданы орден «Знак Почёта» и та малица, в которой приехал когда-то в областную столицу ямальский писатель. Некоторые документы Иван Григорьевич передал в своё время в архивы Тюменской писательской организации, обкома КПСС.

В 1963 году Тюменский обком партии предложил группе профессиональных писателей, объединившей шесть энтузиастов – И.Г. Истомина, И.М. Ермакова, К.Я. Лагунова, В.И. Еловских, В.Н. Николаева и М.А. Зверева, – провести учредительное собрание членов Тюменского отделения Союза писателей РСФСР, которое состоялось в феврале того же года. Это событие широко освещалось в областной прессе. Иван Истомин принимал активное участие в работе отделения. Несмотря ни на что, старался бывать на писательских заседаниях, собраниях.

Всегда за рабочим столом с аккуратными стопками бумаг, газет. Всегда в курсе всего, что происходило в стране. Улыбчивый и любопытный. Расположенный к людям. Таким запомнился писатель всем, кто видел его и общался с ним в те годы. Таким благодаря редким кадрам тюменской кинохроники можем видеть сегодня Истомина и мы – обаятельного, жизнерадостного.

Всеобщее внимание и уважение к И.Г. Истомину особенно ярко проявилось в 1967 году, когда он отмечал полувековой юбилей. За заслуги в развитии литературы народов Севера и в связи с пятидесятилетием Указом Президиума Верховного Совета СССР он награждён орденом «Знак Почёта».

*Всюду в северной земле
Пламя слов твоих во мгле
Ярко светится всегда,
Как Полярная звезда.*

По состоянию на 1977 год в окружном краеведческом музее числилось 32 художественные работы Истомина (картины, рисунки). В том же году с января по ноябрь в музее работала персональная выставка И. Истомина,

«национального художника, поэта, писателя», как было указано в музейных документах. Надо заметить, что творчеством художника Истомина интересовался научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР.

В марте 1975 года, к 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Истомин пишет очерк «Память». На восьми машинописных листах он расскажет о себе, родственниках и друзьях в военные годы, о личных переживаниях, трудовом вкладе салехардцев в общее дело Победы.

К 70-м годам относят также следующие произведения Истомина: сказки «Настоящий товарищ», «Необдуманный поступок», «Полезная птица», «Друзья», «Сказка о Солнце», стихотворения «В дороге» (перевод с ненецкого Глеба Семёнова), «Майбырэй» (счастливый) в переводе с коми языка, «Северное чудо» в переводе с ненецкого, «Рыбаки Ямала», песня «Про наших рыбаков» на русском и хантыйском языках (музыка М.И. Гурфель).

В Тюмени Иван Григорьевич начал и закончил большое литературное полотно – роман «Живун», эту, по определению К. Лагунова, «блистательную летопись становления советской власти», отразившую целую эпоху, пережитую народами Севера. Над романом писатель, перейдя в 1965 году на профессиональную литературную работу, трудился семь лет, отложив в сторону все другие свои литературные проекты. В 1970 году он вышел в Средне-Уральском книжном издательстве.

Какая же сила воли понадобилась автору, чтобы, будучи парализованным, выстучать букровку за букровкой, слово за словом, строчку за строчкой? Кто видел его тогда, рассказывают, что больные слабые руки Ивана Григорьевича не могли уже держать ручку, а печатать на машинке удавалось лишь одним средним пальцем левой руки. Рабочий день длился у него 10–12 часов.

71 год прожил Иван Григорьевич Истомин. Учитель, переводчик, журналист, редактор, поэт, прозаик, художник, драматург. Из них 68 – в борьбе и постоянном преодолении недуга. Результат титанического труда – 22 книги.

Умер Иван Григорьевич Истомин 27 июля 1988 года.

Ирина ТАРАБАЕВА

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО ЗАЙЦА

Читавшее поколение знает сказку «Зайка Петя и его друзья», повесть «Мы с Митяем». Эти книги из детства. Их герои запомнились, а вот автор... Самые «прожорливые» с малых лет книгоеды в большинстве своём понятия не имеют, что добрые и поучительные истории сочинил тюменец Станислав Мальцев. Даже библиотекарь из детской «читальни» удивлённо округляет глаза: «Неужели наш писатель? А мы и не в курсе! Имя Лагунова раскрыто хорошо, а о Мальцеве как-то не говорят...» И добавляет, поглаживая истёртую обложку «Зайки Пети»: «А книга-то зачитанная. Часто берут».

В 2004 году член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ Станислав Мальцев получил за «Зайку Петю и его друзей» премию имени Ершова. Руководство области удостоило писателя награды аккурат к его 75-летию. Почти полвека прошло с выпуска первого издания сказки, а приключения ушастого лесного зверька до сих пор «подкармливают» его «родителя». Произведение пережило несколько воплощений. Было переиздано Средне-Уральским книжным издательством в 1965, 1979, 1988 и 2001 годах. И признание на «высшем уровне» достигло-таки автора при жизни (учитывая его скромность и какое-то философское безразличие к славе – редкий случай!). На Мальцева свалились «большие» деньги – 50 тыщ! Он даже размечтался выпустить на них ещё одну книгу, но заплатив налоги, стал спать совершенно спокойно, ни о чём уже не мечтая. Чтобы воплотить в жизнь задумку, писателю понадобилась бы более крупная сумма. Так что рукопись отправилась в стол. А премию... Станислав Владимирович признался: «Издержал на первоочередные нужды: лекарства, долги...»

Кстати, его нисколько не смущало то, что его имя не помнят читатели. «Это закономерность, – говорит. – Вот вы смотрите хороший фильм, знаете артистов, а кто режиссёр – часто понятия не имеете. То же самое с книгой. Люди знают персонажей, а автора...».

Своё сочинительство в рыночных условиях Мальцев называл «грустной историей».

– В Средне-Уральском книжном издательстве, где меня издавали все эти годы, мне прямо так и сказали: «Книги издаём только за деньги!», – делился писатель. – А у меня их нет. Живу на пенсию. Я написал две детские повести – продолжение истории про Кузю Щучкина. Теперь работаю над взрослой вещью о нефтяниках. Но чувствую: это не издать.

Послушать – так его не очень-то беспокоила судьба последних работ. То ли от природы он обладал таким невозмутимым спокойствием, то ли, многое повидав на своём веку, выработал здоровый «пофигизм», защищающий от бьющих по нервной системе проблем.

Он выглядел смирившимся с участью Сократом. Готовым принять как должное всё, что преподнесёт ему мир людей. Без обид. Многого от жизни не требовал. Жил как безупречно честный человек, не умеющий «вертеться», – небогато. Единственное его сокровище – полки с книгами, занимавшие две стены от пола до потолка. Здесь жили Мопассан, Джек

Лондон, Золя, Толстой, Пушкин, Чехов... И далее долгий список. Вот всё, что нашёл...

Мальчишкой он много читал. В Свердловске, где родился и вырос, бегал в библиотеку Дворца пионеров. Сидел с книгой прямо там, в читальном зале. На дом тогда книги не выдавали. Вырос, как сам говорил, на «русской классической и западной хорошей» литературе. Воспитывался Станислав Мальцев с десятилетнего возраста в семье дяди. Отца не знал. Родители разошлись. Мамы рано не стало.

– Было у меня два поворота, которые жизнь определили, – рассказывал писатель. – Первый, когда я спецкором собирался ездить по молодым северным городам, активно писать очерки, собирать материалы для книг. И меня вдруг назначили ответственным секретарём «Тюменской правды». А это должность серьёзная, знаете ли. Тогда я от литературной деятельности ушёл на журналистскую работу. Во многом административную. И второй поворот, когда мне предложили стать заведующим корпунктом агентства печати «Новости». Там, конечно, меньше нагрузка была. Мы готовили материалы о жизни СССР для публикации в зарубежных изданиях...

О своём журналистском прошлом он был не прочь поговорить. Любил профессию. Ещё в школе проявлял стремление к писательству, и к литературе тяга была. А вот о физике, химии, геометрии и тригонометрии вспоминал с содроганием. Получив аттестат, Мальцев твёрдой поступью отправился на факультет журналистики.

– А знаете, как мы в «Тюменской правде» работали? – вспоминал, качая головой. – Хрущёв говорит огромную речь, нам её передают по телетайпу, и мы всю ночь сидим, чтобы утром выпустить газету. Съезды партии, совещания... Тяжело. В агентстве несравнимо легче было. У меня сразу появилось время на литературу. Стал ездить на Север. Встречался с нефтяниками, строителями трубопроводов. Они становились прототипами героев моих книг. Но всё равно не всё сделал на этом поприще, что мог бы.

Мальцев начинал с детективов в «Тюменской правде». А его знаменитый зайка Петя появился, когда Станислав Владимирович стал придумывать сказки для дочки. Постепенно сложилась книжка с традиционными русскими персонажами: Заяц, Лиса, Медведь.

– Как вы считаете, какими качествами должен обладать детский писатель? – поинтересовалась я у Мальцева.

– Ну какие качества? Детская литература должна воспитывать в ребёнке доброту. Тогда, конечно, и сам писатель должен быть добрым человеком. Злой человек добрую книжку вряд ли напишет. У нас была великая детская литература. Были прекрасные писатели. А сейчас, когда не стало государственной системы издательств, стали издавать всё, что якобы (!) хочет читатель. Книжные магазины, ларьки и лавочки заполнены детективами. Необходимо помнить, что добрые детские книги воспитывают в ребёнке лучшие качества. Если они будут в его жизни, он не совершит преступления, никого не обманет, не предаст. Развитию детской литературы должно придаваться государственное значение. Гораздо разумнее (и дешевле!) издавать книжки, чем строить детские колонии.

– Ваш зайка Петя быстро стал популярен. Даже мультик по мотивам книги был снят...

– Совершенно неожиданно мне вдруг позвонили со Свердловского телевидения. У них там была редакция, которая делала мультфильмы. Попросили моего согласия на то, чтобы по ряду главочек книжки сделать мультики. Ну пожалуйста! Несколько мультфильмов прошло по Цен-

тральному телевидению. Сейчас их, конечно, не показывают, потому что они чёрно-белые...

– Нынче всё больше про киборгов снимают, а не про заек...

– Да, и я считаю, что это безобразия! Мультки такие не смотрю, но имею о них представление. Возможно ли сейчас снять мультфильм по книге? Почему нет? Другое дело, что наша мультипликация тоже находится в загоне. Существует ли она вообще, не знаю...

– А почему вы на детской литературе не остановились? Ведь имели успех. Что вас так болтало от заек к трубопроводам?

– Ну одно другому не мешает. Существует множество писателей, которые писали как для взрослых, так и для детей. И я параллельно работал.

Для взрослых Мальцев писал пьесы. И они ставились не только на тюменской сцене, были постановки в Сыктывкаре, в Донецке. Как они там очутились?

– Раньше автор подавал заявку в Министерство культуры. Если заявка устраивала, заключался договор на написание пьесы, – пояснил Станислав Владимирович. – Готовое произведение потом рассылалось во все театры страны. А там уже решали, ставить пьесу на сцене или нет. То же самое было и у меня. В Тюмени поставили «Балладу о вечном городе», только название изменили на «Город моей мечты». Режиссёру так захотелось. Я спорить не стал. Шла она два сезона. Эту же пьесу поставили и в Сыктывкаре. Детскую пьесу «В погоне за тайной» поставили на Украине. Может, ещё какие-то ставили. Но я знаю только об этих трёх. Была ещё одноактная пьеса, которую показывали по тюменскому телевидению.

Жил Станислав Владимирович замкнуто. Своим мирком. По донесениям «разведки», среди литераторов не тусовался. Но всегда находил время (и не жалел его!), чтобы прочесть рукопись молодого автора, даже написать рецензию. А ведь зачастую он не видел того, кто адресовал ему свои литературные труды. Часто рукописи присылали с Севера, из сельских районов.

– А вот когда вы начинали, с вами кто работал? Кто вёл за руку?

– Редакторы издательств. Я работал с ними напрямую. Тогда существовала система планирования. Автор обращался в издательство с заявкой на включение в план его книжки. Описывал краткое содержание. И если издательство интересовало то, что он предлагал, книга попадала в план. А у писателя начиналась работа с рецензентами. Не понравившуюся рукопись к изданию не принимали. Сейчас, когда эту систему порушили, издательства издают то, что принесёт доход. Автор может выпустить книгу только за деньги. Заплатит – любую рукопись с удовольствием издадут. Кто редактировать-то будет? А потом эту книжку выкинут – 1000 экземпляров, и делай с ней что хочешь: хоть торгуй на рынке, хоть раздавай знакомым.

В 2002-м в Екатеринбурге уже в который раз переиздали мальцевского «Зайку Петю». Тиражом 30 тысяч экземпляров. Причём интерес к книге проявило частное издательство. А Мальцев этому как-то не особо и удивился. Раз его книги издают, значит, это кому-нибудь нужно. Значит есть смысл писать. От руки. Как он привык. Он был уверен, что манера нынешних авторов писать на компьютере литературу кончит.

– За компьютером человек не думает о том, что он пишет. Не успевает, – пояснял свою теорию писатель. – А от руки пишешь медленно и думаешь, что пишешь. Так что лучше, как Лев Толстой, писать... ручкой.

P.S. В 2006 году правительство Тюменской области выделило деньги на публикацию рукописи Станислава Мальцева о шаловливом котенке Кузе. Три повести (каждую отдельной книжицей) напечатал Тюменский издательский дом. В 2008-м в Екатеринбурге в издательстве ЛИТУР вновь была переиздана сказка «Зайка Петя и его друзья», а также вышло ее продолжение «Новые приключения зайки Пети». И в 2009 году в Средне-Уральском книжном издательстве с подачи благотворительного фонда «Русский предприниматель» получила вторую жизнь повесть «Приключения Умнюшкина и Хитрюшкина в Стране кошек».

Таким богато изданным книгам был бы рад любой автор – белая плотная бумага, твёрдая обложка, качественная печать, красочные иллюстрации. И тиражи на сегодняшний день неплохие – три тысячи, пять тысяч и даже тридцать тысяч экземпляров. И Станислав Владимирович радовался, но при этом всё равно жалел о тех временах, когда его «Зайка Петя» выходил тиражом в сто пятьдесят тысяч. Ведь тогда гораздо больше малышей могло познакомиться со сказкой.

В 2019-м, в год своего 90-летия, Станислав Мальцев получил из Екатеринбурга тираж очередной книжки для детей «Новые приключения Кузи Щучкина». 50 экземпляров он заказал на собственные средства в издательстве Ridero. Иллюстрации к книге сделала внучка писателя Екатерина Боброва. За последние годы у Станислава Владимировича были изданы антиутопия «ГринБлю – мир без любви», фантастическая повесть «Лох Серёга – экстрасенс и убийца», сборник повестей «Вика-Викуня, история любви», подростковая книга «Всё клёво! Приключения Митяя – полукосмонавта» и детская книжка «Приключения командира Янга, разведчика космоса».

Михаил РЯБИЙ

Микуль Шульгин: «О, только бы расцвел родимый край!»

Неоспорим вклад Микуля (Ивана Ивановича) Шульгина в развитие художественной словесности народов Севера. Его творчество – самобытное явление национальной культуры не только народа ханты.

Общение с ленинградскими поэтами во время учебы на северном факультете пединститута имени Герцена сказалось на его творчестве плодотворно: на его стихи обратили внимание, дали положительные отзывы.

Микуль навсегда запомнил одно решающее событие в своей жизни. Он уже публиковал свои стихи, когда оно случилось. В марте 1961-го в Доме творчества Комарово под Ленинградом состоялась Первая Всероссийская конференция литераторов народностей Севера и Дальнего Востока, в которой приняли участие посланцы из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

По итогам встречи были отобраны стихи в сборник. Его в 1961 году выпускает Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» под названием «Север поет». В литературу входило новое послевоенное поколение.

Поэзия Микуля – доверчивая, своей чистотой она напоминает прозрачность рек и озер, в окружении которых он провел детство и часть юности. Её ритм будто градины во время грозы стучат по крыше, а слова ненавязчиво, но твердо ведут за собой вперед мысли и чувства северного человека.

Кто-то, возможно, сегодня упрекнет самобытного художника: мол, слишком уж громко звучат в его стихах звуки пил и стук топоров, участвующих в возведении новых жилых домов, школ и больниц, клубов и библиотек. Но это дух времени «шестидесятников», несравнимый с наступившим затишьем 1990-х годов.

Но при этом в стихах Микуля Шульгина звучит мысль, созвучная многим произведениям национальных авторов: надо чтить свои традиции и не поддаваться никаким соблазнам, ибо мать-природа не простит насилия над собой. Микуль не кричал об этом во весь голос, впрочем, как и большинство художников 1960–1970-х годов, но касался этой проблемы мягко, со свойственной ему интеллигентностью.

В одном из ранних стихотворений «Дождь прошёл...» он описывает прозрачное небо, обозначив его как «дно». По хантыйским представлениям, это нижняя граница небесного царства. Земля, омытая небесным дождем, тоже священна и богата своими дарами. Поэт находит замечательное сравнение: будто жир, вода лоснится!

Он находит еще одно доказательство своего почтительного отношения к сакральной тверди: на неё садятся птицы...

Птицы – небесные странники и посланники в мифологиях многих народов, и хантыйские сказы не обходятся без них.

Лирического героя охватывает восхищение от этого очищенного, омытого дождём мира, гармонично вобравшего в себя небо и землю накануне его весеннего возрождения. Однако художник пытается финальными строками перевести свои эмоции в иную, чуть ироничную тональность:

*Вдаль скользить на лодке мне бы –
Да боюсь: сломаю небо!*

Это не просто шутливое отношение лирического героя к себе – это добрый совет человечеству: неустройство на земле, нарушение традиционного порядка человеком «сломает» небо...

Наталья Грудинина, замечательный поэт и переводчик стихов северных народов СССР, потомственная петербурженка, ветеран литературного дела в культурной столице, многоопытная наставница молодежи, весьма уважаемая и почитаемая в Ленинграде за свои фронтовые заслуги, очень любила это стихотворение, считая его шедевром. Спустя два десятилетия она читала его наизусть любителям поэзии, пропагандируя тем самым творчество талантливого автора.

Дождь прошёл / Светло весной, / Полон вечер тишиною. / Ветра словно не бывало, / Небо дном прозрачным стало. / Будто жир, / Вода лоснится, / На неё садятся птицы... / Вдаль скользить на лодке мне бы – / Да боюсь: сломаю небо!

22 марта 1971 года Микуля Шульгина приняли в Союз писателей СССР. Вспоминая то время, один из руководителей Тюменской писательской организации, которой ныне исполняется 60 лет, Николай Денисов вспоминал: «Надо сказать, в Союз писателей тогда принимали очень строго: например, с 1970 по 1975 год было принято только четверо...»

В 1975 году выходит главная книга – «Благодарность» – первая на русском языке.

Журналист из районной газеты «Путь к коммунизму» А. Белый отозвался на это событие в культурной жизни округа рецензией, где особо подчеркивал: стихи вызывают глубокие раздумья. «Источником творчества поэта стала жизнь родного народа, неповторимая прелесть северной природы». А еще, отмечал автор, поэт написал о людях, разбудивших тайгу, о новых профессиях сурового края.

Заканчивал рецензент свой отзыв такими словами: «В стихотворениях Микуля Шульгина – размышления о своем месте в жизни, о людях, чьим трудом создается все прекрасное, о человеке-созидателе».

В окружной газете «Ленинская правда» тоже был опубликован отклик за подписью сотрудника редакции В. Андросенко: «Благодарность – вот чувство автора ко всем тем, кто пробудил далекий северный край, кто помог его народу занять равноправное место в братской семье народов Советского Союза, – такое мнение складывается по прочтении книги. И еще – безграничная любовь к родной земле, выростившей его, давшей ему творческие силы, привившей ему понятие о том, что поэт силен соками земли, его породившей». Журналист подчеркивал глубокий лиризм строк о красотах древней Югры, о ее тайге и величественной Оби.

Советский художник не был застрахован от социального заказа в эпоху царившего в художественной словесности социалистического реализма. Однако Микуль в своей поэме «Макар Осьмаров», которую он вынашивал в сердце долгие годы, был искренен настолько, что читатели не почувствовали какой-либо искусственности или деланности этого произведения.

В поэме запечатлен образ советского положительного героя-северянина, охотника-ханты. Да, в его изображении прослеживается традиция социалистического реализма, но вспомним, когда, собственно, и создавалось это произведение – в «оттепельную» пору. Поэтому нельзя винить мастера в том, что он жил, идеологически соответствуя своему времени!

В прорисовке образа Макара Осьмарова ощутима не просто причастность к советской классике, а к лучшим ее образцам. Это не только «художественный» герой, но и «документальный». В нем прослеживаются черты отца автора поэмы – Ивана Филипповича Шульгина.

В поэме немало поэтических находок, замечательных сравнений, метафор и примечательной художественной образности. Замечательное видение с первых строк поэмы возникает перед читателями:

*Накинет елка снежный капюшон,
Застыв, как в белой малице невеста...*

А еще через несколько строк другой образ:

*А утром солнца воспаленный глаз
Мигнет, что время, что пора охоты...*

Сразу же как живую представляется образ человека, по которому поэт прошелся столь иронично:

*На нарте же приказчик с винной фляжкой
Закутан в десять малиц, как кочан.*

Или вот еще один отрицательный персонаж, которому дается меткая характеристика: «глыба с глазками купца».

В поэме в состоянии безнадежности жителей северного края погружает фраза «Среди лесов, объятых волчьим воем...»

Разве можно не восхищаться такими поэтическими сравнениями: «А солнце землю копьями кололо...»; «Тайга смыкалась, темная, как пасть...»; «Враг словно волк среди оленьих троп...»; «А счастье потеплей бобровой шубы»; «Макар шутил, облеплен чешуей: она – как на уряднике медали»?

«Светлый путь» своего народа поэт никогда не связывал с насилием над природой. Поэтическое слово рождалось именно на этой почве и, как бы ни пыталось его упростить «партийное» литературоведение, оно покоряло своей национальной неповторимостью мировое культурное сообщество.

У Микуля как художника проникновение в суть жизни своего народа поистине удивительное. Как тонко он использует языковые богатства, мотивы и ритмы из устного поэтического творчества своих предков в стихотворении «Язык». Какой могучий сплав традиций с воззрениями сегодняшнего дня!

Выросший на берегу реки, особое место в своем творчестве поэт отводил воде как стихии.

Автор прибегает к поэтическим формулам, которые реализуются в тексте в виде простых и сложных метафорических оборотов: «блики солнца, словно бы звезды»; «как огонь, голубые цветы»; «у Великой и Вечной Воды». Обь очеловечивается, как и все, что связано с нею: «паруса режут звонкий воздух»; «галдят перелетные птицы»; «рыбацкие лодки и сноровка идут, и ходко»; теплоходы – «гости издалека»; Обь-река – «работающая».

Особое внимание хочется обратить на поучительность поэтических фраз, которые связаны с народной педагогикой, когда речь заходит о священной речной стихии:

*Ты учишь у воды
Перемалывать лед.*

Не случайно поэт предупреждает читателей в первых строчках стихотворения об особом свойстве реки:

*Горсть воды тяжела,
Как ружейная дробь.*

Это больше чем сравнение. Здесь подразумевается магическое воздействие воды на человека – убеждение народа, истоки которого можно обнаружить в седой древности.

Благодаря метафорам-«архетипам» поэт формирует свое представление о мироздании, где образу реки отводится одна из главных ролей. Река – сакральное место для хантыйского народа: она источник жизни, кормилица. А кроме того, метафора времени, соединение двух берегов – прошлого и настоящего, символ границы.

С образом реки у Микуля Шульгина зачастую соседствуют другие «вечные» архетипические образы.

Река связана с движением.

Этот образ может ассоциироваться с различными чувствами, например, мощью – «Слышу всплеск Оби могучей» («Медовая Обь»). Движение реки связано с движением времени, которое меняет течение «полудиких приобских вод».

Облик земли, которую воспевают художник, невозможно представить без речного образа, характеризующего родной край. Река у Микуля имеет неповторимый национальный колорит, связанный с легендами и преданиями, следовательно, соединяет с людьми, живущими на ее берегах. Поэтому в поэзии водная стихия и народ представляют собой единение Природы как источника непрерывности бытия. Человек и река – творцы жизни, они как бы врастают друг в друга и совершают свою историю в мире. Обь для Микуля – не только колыбель его народа, но и олицетворение силы и красоты, святости и гордости. образу великой сибирской реки свойственна философская глубина. С одной стороны, он пронизан тонким лиризмом, с другой – это символ величия и красоты жизни, её вечности и текучести.

Интересны в поэзии Микуля и другие образы: например, изображение солнца в стихотворении «Лесорубы»:

*Теплое золото солнца
Стекает с крутых небес.*

Свет и тепло практически всегда выступают в связке с этим образом.

У поэта немало многокрасочных сравнений:

*Шпалы стройно ложатся, как строки
Всенародной этой поэмы.
(Иведель – Обь).*

В стихотворении «Газ геологи открыли» для того, чтобы показать «глубину» древности, поэту мало показать внешние признаки, он прибегает к «мифологическому» сравнению:

*К старику мы заспешили,
Он – как ягель седоватый,
Он, в народе говорили,
Дочку Меншикова сватал.*

У любого народа есть свои первозданные праобразы. Например, кедр ханты часто рассматривают как воплощение мирового древа, а образ костра – как выражение единства человека и природы. Подобные образы включены как символы в систему запретов и норм, как часть целостного мировоззрения ханты. Русская классика помогла Микулю-художнику продвинуться как можно дальше в поэзии: он стал задумываться об особенностях человеческого духа.

По хантыйскому поверью, люди и огонь домашнего очага неотделимы друг от друга, поэтому важно не только почитать, но и прислушиваться к голосу огня, чтобы понимать друг друга.

В стихотворении «Костер в тайге» вокруг центрального понятия выстраивается система образов, имеющих особое значение в культуре народа ханты. Костёр как эмблема новой жизни, рассеивающей прежний «зыбкий мрак». Поэт связывает будущее с развитием Советского Союза, единой и дружной семьёй народов. Эту мысль подчеркивают строчки, столь характерные для «просветительского» образа костра:

*Поднимайся к небу,
Словно красный флаг!*

Однако авторское проникновение гораздо глубже: для поэта понятие «костер» выступает не просто в значении определенного символа, это в большей степени приближение к архетипическому пониманию, такому, как борьба света с тьмой, противостояние космоса и хаоса. Образ костра в этом значении таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро. Костер, разведенный человеком в тайге, рассеивает разрушительные силы, что таятся во враждебной неизвестности ночи, это организованное действие, неподчинение неуправляемой стихии, если не утратить над огнем контроль. А еще это напоминание о домашнем уюте, теплой печке. Архетип «дома» противостоит образу тайги, чащобы, леса – дремучести, наполненной демоническими тайнами, враждебными мифологическими силами.

Костер – граница «нашего», «своего», безопасного, гармонично организованного. По ту ее сторону – чужое, враждебное, хаотическое пространство, спрятанное во тьме. Костер выступает в роли сакрального центра, уберегающего человека. Этому языческому представлению о спасительной роли света и огня придет со временем понимание других значений – алтаря, храма, горящей восковой свечи.

Архетипические мотивы связаны у Микуля не только с лесом (где зачастую оппозиция – дом), но и со стихиями мироздания – небом, солнцем, звездами, землей, водой и огнём в том числе.

Поэт пытается противопоставить своего героя бессознательной природе архетипа, корни которого – в архаичном представлении мира. Но нелегко дается в творчестве Микуля Шульгина «переступление порога», ибо это отказ от сакрального во имя «профанного». «Тундровый» человек, так и не ставший «городским» жителем, он в поэзии следует традициям и обычаям, принятым у его народа: почитает лесных и речных божеств, достойно принимая их гостеприимство, и ведет себя так, чтобы не нарушить законов природы: брать столько, сколько следует для пропитания, не устраивать хаос после себя, не нарушать тишину и покой природы. Но жить в ладу с божественными существами, отвечающими за порядок в ту пору освоения природных богатств на Севере, было не просто, а порою и невозможно! Микуль пытается найти компромисс.

1990-е годы стали переломными в творчестве национальных художников. Сменилась власть, и сменилось отношение к художникам слова. Однако по-прежнему этническое и общечеловеческое не только тесно соприкасалось в творчестве Микуля Шульгина, но и взаимодействовало друг с другом, ускоренно развиваясь. Поэт не изменял себе. Его лирический герой – советский человек, северянин, представляющий хантыйский народ в период 1960–1980-х годов. Микуль подчеркивает его стремление жить наиболее полно и ярко, не теряя уважения к себе. Суровые условия Севера требуют напряжения сил, решительных и самостоятельных действий.

Трудно человеку быть одному тогда, когда твой талант стал неостребованным. Время перемен не стало временем Микуля. Он принадлежал к поколению мальчишек, которые с малых лет познали, что за боль и

горечь несет война. Из её пекла сумел вернуться его отец, но так повезло немногим его односельчанам...

Как же он мог отречься от той Родины, за которую проливал кровь родной и близкий ему человек? Нет, он не мог поменять убеждения и мировоззрение... Но в наступившую пору ему как творцу приходилось нелегко, ибо пришлось писать практически в пустоту, когда все «советское и социалистическое» становилось «не форматом». Писать про трудовые достижения страны стало дурным тоном. Предпочтение отдавалось пиару и рекламе. Микуль как человек старой закваски не мог принять этого.

Наступила настоящая трагедия для многих художников слова, когда они, с высоким уровнем грамотности и отточенным профессионализмом, вынуждены были замолчать... Быть грамотным, начитанным, знать родной язык – все это теперь не стало первоочередной задачей для новых подрастающих поколений...

А самим писателям было отказано в материальной поддержке от государства. Они остались наедине со своими творческими способностями и болезненно обостренным восприятием мира. В творческой среде наступили не лучшие времена – расталкивание локтями, вражда, интриги, недоверие, зависть и травля... Талант и профессионализм уже не брались в расчет... Редела и читательская аудитория.

Микуль не принял звериных начал в обществе и стране.

Общественный деятель Югры и замечательный писатель земли ханты́йской Еремей Айпин, вспоминая качества личности Микуля Шульгина, отмечал прежде всего щедрость и отзывчивость: «Его щедрость проявлялась во всем, к чему он имел отношение: и в творчестве, и в широте души, и в помощи и поддержке начинающих литераторов».

В начале 1990-х годов поэт переехал в посёлок Горки Шурышкарского района. Стал трудиться на звероферме. До самой своей смерти 22 июня 2007 года Микуль Шульгин старался сохранять в душе образ творца непреходящих ценностей.

Не только в Югре и на Ямале живет память о поэте. И хотя с каждым годом все меньше остается людей, знавших его лично, ряды поклонников творчества пополняются читателями. Его поэтический язык по-прежнему «острей, чем охотничий нож, ярче костра на снегу».

Творчество Шульгина остаётся актуальным и сегодня, как и то, что поэт воспевал – красоту и могущество северного края. Все в его поэтическом мире живет и дышит, и за всем этим – кропотливая работа над словом.

Габдель МАХМУТ

ПРАВДА СУЛЕЙМАНОВА

В любом обществе обязательно бывают люди, чья мысль опережает время, взгляды современников, которых понимаем с опозданием. Таким был мой земляк и друг, у кого я останавливался жить, будучи в Тюмени, сибирскотатарский поэт Булат Сулейманов, которому я посвятил в общепом- то рядовой рассказ свой «Шамайка» в книге «Земляки». Он был именно таким в свое время – великим в мыслях и движении души и наивным, беспомощным в поступках повседневных, житейских. Как юнец, очарованный наступившей эпохой гласности и зачатков перемен, он пишет, а «Тюменская правда» в качестве полемической наживки публикует статью «Сибирские татары. Кто мы?», где со своей колокольни доказательно, а с точки зрения оболваненной толпы крамольно пишет о проблеме языка, литературы, культуры и искаженной доселе истории сибирских татар. Из этой его статьи я впервые узнал и заинтересовался тем, что, оказывается, сибирскотатарский язык имел свою письменность на основе арабского алфавита, входил в число дипломатических языков.

Ох и развернулась тогда драка! Всем скопом набросились на одинокого, без того битого не раз в течение долгих лет творчества поэта. В этой толпе, слепой и не созревшей до восприятия свежего взгляда, оказались и защищаемые Булатом татары. Он писал: нет языка – нет народа (так называлась другая его проблемная статья), а мой классный руководитель, когда-то как математик доказывавший нам превосходство рубля над долларом, на всю область на примерах своих учеников (без меня – не знал, кем я стану, а то бы вошел в список) гневно распекал оппонента Сулейманова. Мол, ничего страшного не было, зато обученные в русифицированных татарских школах его воспитанники стали больше поступать в институты (чего только не бывает на свете! Мои две сестренки, с первого класса засевшие за парты с русскими учебниками по всем предметам, так и не получили высшего образования, а я, все 10 лет обучавшийся по татарским учебникам, стал русскоязычным писателем).

Но разве об этом болела душа поэта Сулейманова? Он говорил лишь, что нельзя было повально увлекаться этим. Татары, между прочим, любое указание обязательно перевыполнить норовят, как тот русский дурак из пословицы. Мы лучше всех уничтожили свои мечети. Лучше других перевыполнили перевод на русские учебники. И татарский язык стали преподавать в объеме, как я когда-то учил немецкий.

В результате выросло целое поколение, не овладевшее в полной мере русским, зато оторванное от татарской культуры... навсегда. Родной язык остался на уровне разговорно-бытовом для общения с не обрусевшими дедами.

Кому в Тобольске мешала татарская газета? – вопрошал в своих статьях Булат Сулейманов. Почему надо было закрывать татарские клубы, до нуля низвести там татарские школы, учебники, затем за ненадобностью и татарское педучилище? Разве этим завоевывается авторитет у русского человека? До перестройки, когда нельзя было что-либо издать, опубликовать на эту тему, Булат ездил по районам области, выступал в школах, институтских аудиториях, клубах. И, как всегда, на тот самый вопрос тривиальный, как он стал поэтом, объясняя и говоря об истоках,

приведших его к поэтическому творчеству, к перу, начинал рассказывать о перевернутой советскими учебниками истории нашего народа, неверном преподнесении темы взаимоотношений русского и татарского народов.

Еще в те далекие семидесятые, когда мы снова полюбили Сталина, пели оды трудам – государственным и литературным – Брежнева, Булат рассказывал, что сибирские татары, как и все другие татаризированные разные этносы, не с монголами пришли и захватили территории, где живут, а завоеваны чингизидами, колонизированы и как рабы-щиты, рабы-оружие (а часто и добровольно, ведь всегда брали кнутом и пряником) были вовлечены в дальнейшие войны и походы против Руси, Европы.

Раз не с монголами, значит, была у татар другая дорога, приведшая в Сибирь, и шла она с Алтая, и жили татары на своих сибирских просторах за сотни лет до Кучума, с которым воевали, которому покорились насильно физически, но не духом. Затем им пришлось одним с Кучумом воевать против Ермака, другим, помня о завоевании Кучумом, пассивно оставаться в тени.

Эти ошеломительные откровения, правда Булата вызвали шквал самых разнообразных откликов в периодике – от восхищения до полного непонимания. И в те годы, и после его статьи в «Тюменке» требования «читателей» были одни: не может такой очернитель оставаться членом Союза писателей СССР, ату его! Когда в декабре 1990 года в Тюмени собрался съезд населения области для создания ассоциации татар «Сыбыр» (трактовка Сулейманова, хотя, по мне, по произношению надо было именовать «Себер» – от «себеру», т.е. мести, в смысле «сметенный народ» – таково этнонимичное самоназвание сибирских татар), весь зал рукоплескал, скандировал, предлагая Булата в президиум, в докладчики, содокладчики наконец...

Но триумф его тут же сменился трагедией. Рвавшаяся к власти национальная элита, не желавшая допустить его в свои ряды, была хорошо подготовлена: народу, всегда уважавшему мнение властей предрержащих, запустили аргументированный ответ тогдашнего зампреда облисполкома, который и «показал», «открыл» народу «истинное» лицо Булата Сулейманова: дескать, на одном важном мероприятии он, допущенный к трибуне, выпалил не к месту: «Вы, русские, – кильмешяки (приблудившиеся кошки) на сибирской земле»...

Я сидел и думал: неужели мой собрат мог такое написать, да еще принародно это читать? Теперь перечитываю это стихотворение поэта и диву даюсь. Нет сильнее удара, когда бьют человека его же словами. Если б тогда зачитали истинно его строки! «Мы, татары, – не кильмешяки на этой земле – на родине своей поем», – писал он.

После этого злополучного съезда, когда была создана ассоциация, неизвестно чем занимающаяся, Булат прожил неполных два месяца. Ему шел всего-то 53-й год, он был в расцвете своего дарования. Обиду от своих он не пережил. Запил, желая залить израненное сердце, и в одиночестве, не дотянувшись до телефона, застыл...

ПРОЗА

*****

Александр МАТАЕВ

МУЛЯ

У нас в деревне всё как в путнем месте. Даже свой еврей имелся, не то что у некоторых. Звали его Самуил Моисеевич. По-деревенски – Муля. А он за Мулю-то и не обижался. Интеллигентнейший был человек, начитанный. Отец-то у него, Моисей Аронович, в Жмеринке на книжном складе грузчиком работал. Так Муля говорил – неудобно признаться, что завскладом. Некрасиво – еврей – и не грузчик...

Да и чего ему обижаться? Ну Муля и Муля... Он и не обижался. Пока не услышит от кого. И то: услышит – максимум – в зубы даст! Безобидно. Да и на него никто не обижался. Кузнец же! Не кувалдой же! А ведь мог бы...

Если кому-то покажется странным само словосочетание еврей-кузнец – то вот это зря! Самая интеллигентная и умственная работа. Борону починить, лошадь подковать, зуб выдрать – это всё к нему. Ну не в район же за сто вёрст гнать, если разболелся зуб-то? А у Мули ловко так получалось: заставит рот распеперить, ногой в живот упрётся – раз! – и нет зуба! И охнуть не успеешь. Клещи-то из горна у него, калёные, полная санитария. Дак он и примочки свинцовые умел, и горячую подкову в портянке от ревматизма к пояснице привязывал – от всех болезней, значит... И то – у него для растопки целая медицинская энциклопедия имелась, наследство папашино. Поневоле исцелять намастыришься.

Иногда, правда, случались врачебные ошибки. То у пациента радикулит-то излечивался, но появлялся нервный тик и заикание, то размер клещей неподходящий подвернётся – бывало, и по пять зубьев сразу выдирали – а чё ему? Силища немерена, когда бы он их там считал-то? Хуже, если попадались зубы крепче, чем челюсть. Но на то он и мастер: сам бандаж сладит, сам приклепает – интеллигентно всё. Культурно. Ну а у борон и лошадей вообще претензий не возникало.

В общем, культурный был человек, грамотный. А то, что он еврей – в деревне и не думали. Мало ли у кого какие пробелы в биографии? Хуже было, что он совсем не пил – как с таким рассчитываться за работу? Не деньгами же... Да и не женатый он был. Вроде и без изъянов мужик-то – а не сосватаешь, раз не пьёт. А на трезвую – боязно.

Ну да там, вверху, лучше знают – когда чему быть.

Однажды погожим летним воскресеньем скотник Михалыч решил поправить-таки забор. Он вытаскивал клещами гвозди из досок, тщательно разгибал их и складывал аккуратной кучкой. Один особо настырный гвоздь никак не хотел вытаскиваться. Михалыч, тоже настырный, тихо поматюгиваясь, крутился вокруг гвоздя и так и сяк, применяя все известные ему методы. Гвоздь был неумолим.

На ту беду на улице показался Муля. Он был в лирическом настроении, чисто одет, с мытыми руками и причёсанной головой. В руках был дерматиновый портфель. Могло показаться, что он идёт в баню, но баня у него имелась своя. Михалычу недосуг было разбираться в этих нюансах.

– Самуил! Здоровы были! Подмогни-нито? Может, хоть ты с этим извергом сладишь? Умаял он меня! – показал на непокорный гвоздь, как на большой зуб, Михалыч.

– Отчего же не помочь – непременно помогу! Мы ведь не чужие! – интеллигентно отозвался Муля. На последнюю сентенцию Михалыч в запале борьбы с гвоздём не обратил внимания. Муля аккуратно поставил портфель в сторонку, аккуратно снял и повесил на сучок ближайшей берёзки пиджак, взялся клещами за гвоздь, упёрся ногами, мило улыбнулся и рванул!

Полутораметровый забор с грохотом обрушился по всей длине до ближайшей калитки. Михалыч еле сумел отскочить. Полуторагодовой поросюшке Михалыча повезло меньше. Она на свою беду что-то рыла пятаком в тени забора и приняла удар на себя. Когда свинья с истошным визгом выползла на передних ногах из-под досок, волоча задние позади тучного туловища, Михалычу сразу стало всё ясно. Конечно, свинская судьба привела бы к такому финалу уже ближайшей осенью, но теперь-то, в разгар лета, куда девать такую прорву мяса?

– Ну давай уж... чё ещё-то? Помогай ещё, ага... – снова обратился Михалыч к Муле. За поросячьим визгом проблема забора отошла на второй план. Дело в том, что Муля ещё и был незаменим при забое скотины. Он умел так точно и интеллигентно врезать любой скотине кулаком промеж глаз, что та на время впадала в глубокий нокаут, а там без визга и пыли дело завершалось проще и спокойнее. Свинья тоже таким образом была быстренько успокоена, Муля помог Михалычу с неизбежными в таких случаях хлопотами, а потом они предоставили их часть работы жене Михалыча Марфе Владимировне и их дочери Маринке, которые естественно выскочили на этот шум. Обе они обладали приятной дородностью, смуглым румянцем и карими глазами. Маринка мельком глянула на кузнеца, и румянец её раскалился, как в кузнечном горне.

Мужики отошли к берёзкам покурить. Любопытные соседи конечно интересовались обстановкой, но не нашли в происшествии ничего экстраординарного, и интерес затих.

– Ну и что это? И куда это?! – посетовал Михалыч. – Ладно бы осенью – так ведь нет! Свинья – это мясо! Свинья – это ноги! Ноги – это холодец! Холодец – это свадьба или хотя бы Новый год... Какая свадьба! Какой Новый год летом? Куда теперь это всё – в район на базар везти?

– Видите ли, уважаемый Альберт Михайлович... именно об этом я и шёл к вам побеседовать, – мягко тронул его за рукав Муля. – Я имею реализовать своё давнее намерение просить у вас и Марфы Владимировны руки Марины Альбертовны и предварительно обсудить финансовую сторону вопроса.

И он вынул из портфеля бутылку водки, букет мятых ромашек и букет незабудок, завёрнутый в свежую газетку «Путь Ильича».

Неизвестно, что повергло Михалыча в большой ступор – сама речь или бутылка в руках Мули, но он, округлив глаза и забыв отклеить от губы окурок, широким жестом повёл в сторону крылечка: мол, исполать вам, дорогие гостюшки, и извольте в горницы.

Всё было чин-чинарём: бутылка водружена посреди стола, букеты розданы по назначению, а вокруг бутылки как по волшебству возникли грибочки, капуста, огурчики малосольные, всё в культурных чеплашках, и конечно, приличного размера хрустальные рюмки. В каждом при-

личном доме они дожидаются своего звёздного часа где-нибудь в серванте или шкапчике.

Да собственно, никто, кроме хозяина, такому обороту событий и не удивился. Ходили, конечно, по деревне слухи, что Маринка по вечерам пропадает где-то в районе кузни, но отцы-то всегда всё узнают позже всех.

Всё было чинно, всё согласовано, только сроки свадьбы пришлось из-за свинского вопроса назначить на следующие же выходные, для чего молодые с фатой, цветами и свиным окороком на соседском «Запорожце» совершили предсвадебное путешествие в районный ЗАГС и там расписались вне всякой очереди, назвав причиной неожиданную беременность и предъявив вместо справки окорок. Окорок в таких случаях действует даже безотказнее, чем справка. Недели как раз хватило, чтобы нагнать самогона и управиться с делами. Ведь три разгульных дня брачующиеся обязаны были обеспечить его всем односельчанам без исключения. Этот закон из деревенской неписаной конституции соблюдался свято.

Так деревня лишилась последнего еврея, ибо какой же Муля после этого еврей, если женился не на какой-нибудь Саре, а на Марине Альбертовне, да ещё и вынужден был на свадьбе закусывать некошерным холодцом. А то гости же сами всё съедят.

АМНИСТИЯ

Деда Петя сидел на крылечке и подставлял лицо припекавшему солнышку. Он был весь какой-то худой, угловатый, нескладный, как кузнечик на былинке. Колени, локти, уши – казалось, что всё было из острых углов. А уши ещё и просвечивали розовым, как хорошо провяленная вобла. Да он и сам был весь какой-то просушенный и, казалось, невесомый. Вот вроде дунь посильнее – и унесёт деду Петю. Но это только на первый взгляд. Он так прямо держал спину, так достойно носил серые парусиновые штаны, всегда почищенные ботинки, серый выдавший виды пиджак и чистую рубашку в клеточку, что это невольно внушало почтение. А прямой взгляд его глаз цвета ранних незабудок мало кто мог выдержать больше секунды.

Лицо его было иссечено глубокими морщинами и имело цвет пергамента, а абсолютно белый ёжик на голове и голубые глаза всё это весьма колоритно оттеняли.

Деда Петя сидел на крылечке и наслаждался этим теплом, исходящим от тёмных деревянных ступеней, этими ласковыми солнечными лучами, звонкими голосами мальчишек, играющих в очередную «войнушку». В правой руке он аристократически держал самокрутку типа «козья ножка» и время от времени аккуратно выпускал к небу струйку сизого дыма. Деда Петя признавал только фабричную махорку в серых бумажных брикетах и ничто иное. Он так виртуозно скручивал под неё из газетной нарезки длинные узкие кулёчки, что ребятишка на это любовалась, как на цирковой фокус. Ребятишкам, крутившимся туда-сюда по двору, зудело поприставать к нему с какими-нибудь глупостями, но они чутьём понимали, что сейчас-то не надо бы.

Вообще-то деда Петя любил беседовать с ребятишками. Он никогда не опускался до снисходительного тона, всегда разговаривал с ними как с равными. Деда Петя не унижал детей сюсюканьем, даже если собеседнику было два года от роду, и никогда не позволял себе пошлости, тем более мата

при детях. Казалось, он знал всё на свете, его невозможно было заставить врасплох даже самым детским вопросом, но слов он много не тратил. Умел говорить мало, а сказать много. Дети не могли знать, что ему по жизни выпало лиха на пятерых, а жизнь – она всему научит. Если не убьёт.

В описываемое время деда Петя вовсе дедом-то и не был. Ни по возрасту, ни по статусу. Несмотря на пергаментный вид, он был жилистый мужчина выше среднего роста и до старости ему ещё было далеко. А семьи, и тем более детей и внуков, у него не случилось. Причину тогда афишировать было не принято. Деда Петя сидел. Долго. Где-то на Колыме. По пресловутой 58-й статье УК РСФСР.

Кто написал тот донос на обычного сельского учителя? Какой вред он мог нанести трудовому народу, партии и государству? Под какую кампанию «чисток» он попал? Теперь уже неважно. Только пока разобрались и реабилитировали – времени прошло немало. Ладно хоть выжил. Справедливости ради надо сказать, что после реабилитации деду Петю восстановили в партии, присвоили ему звание персонального пенсионера областного значения, что увеличивало стандартную пенсию едва ли не в два раза. На эти деньги можно было жить в полном достатке, да ещё ездить бесплатно на любом виде транспорта, кроме самолёта. Он и ездил. Проведая дальних родственников, разбросанных по большой стране, а чаще всего наведывался к родному племяннику в сибирской деревне.

Он всегда появлялся внезапно, без телеграммы (телефонов не было), жил сколько вздумается, и так же внезапно исчезал. Ему были всегда рады, особенно ребятишки, потому что деда Петя привозил разные разности, а племяннику ещё и картины, свёрнутые в рулон. На картинах благоухали кусты сирени, улыбались бравые моряки с развевающимися ленточками бескозырок, спелые яблоки и прозрачный виноград громоздились около румяно-поджаристой утки, а скромные девушки в беленьких платицах махали платочком удаляющемуся белоснежному кораблю в синей солнечной дали моря.

Но одна картина выделялась из всех. На картине товарищ Сталин и товарищ Молотов гуляют с детьми в сказочно-красивом саду. Дети счастливые, а товарищ Сталин и товарищ Молотов по-доброму так им улыбаются. Да и картина эта даже размером была побольше других. Кто такой товарищ Молотов и он ли изображён на картине, никто не знал. А вот товарищ Сталин был легкоузнаваем. В редкие моменты, когда деда Петя снимал рубашку (например, чтобы на него вылили ведро воды над клумбой) – товарищ Сталин и товарищ Ленин, оба блекло-синие, смотрели на волю с левой стороны груди деды Пети. Они были искусно выведены как бы «два в одном» и имели вид мудрый и целеустремлённый. Никаких других изображений на деде Пете не наблюдалось. Лишь на пальцах одной руки просматривались какие-то синие точки.

Картины эти, а также какие-то важные тяжеленные книги и тёмно-красный альбом тиснёной кожи после отъезда деды Пети племянник хранил на чердаке. Не то чтобы он расходился с дедой Петей по политическим нюансам, они уважали мнение друг друга, но... Художественные предпочтения у них были разные. Племянник был штатным оформителем стенной газеты «Антисанитарии – НЕТ!!!» Он умел виртуозно вырезать трафареты под гуашные заголовки, витиевато писать плакатными перьями на ватмане и рисовать смешные карикатуры на пьяниц, прогульщиков, расхитителей казённого спирта и прочий асоциальный элемент своей родной районной больницы. Таланты эти бывали ежеквартально

поощряемы руководством в виде премии в размере десяти, а то и пятнадцати рублей, что давало племяннику полное основание относиться к дедапетиным художествам свысока. Мол, я, конечно, всё понимаю, но... как художник художнику... Ну не Шипкин...

На чердаке же, на беду дедапетиным раритетам, у ребятишек находился летний «штаб» на старых матрацах и тулупах, над которыми был натянут штопаный-перештопаный марлевый полог от комаров. В пологе для них была подвешена маленькая электрическая лампочка, что придавало пологу совершенно волшебные свойства: снаружи всё, что творится внутри, было прекрасно видно и слышно, а изнутри казалось, что ты в крепости, непроницаемой для вражеских глаз и ушей. А потому в «штабе» творились дела, немислимые «на виду»: игра в подкидного дурака, поедание стыренной у соседей вяленой рыбёшки (она была несравненно вкуснее такой же своей), можно было в разговор «для взрослости» вворачивать непонятные, но такие крутые матерные словечки и рассказывать страшные истории на ночь. А уж если ночь была тёплой, и родители разрешали – как же вкусно было в этом пологе заночевать, воображая себя героем-партизаном! А мудрые родители старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат, чтобы не нарушать эту мальчишечью романтику.

Конечно, такое беспокойное соседство находящимся на чердаке картинам и прочим вещам деды Пети на пользу не шло. Названия на толстых старых книжках были до крайности мудрёными, картинок в них вообще не было, а фамилии авторов (Вольтер, Чернышевский, Энгельс и пр.) не вызывали интереса. Некоторое почтение вызывали книжки с фамилией В.И. ЛЕНИН, потому что его портреты висели много где и о нём было известно, что он в детстве был очень кудрявым и смышлёным мальчиком, а потом сделал революцию. Но остальные книжки безжалостно использовались для вытирания грязных рук и прочих утилитарных нужд.

Шикарному альбому из бордовой кожи с тиснёным портретом Сталина на обложке повезло ещё меньше. В нём оказалось штук десять вшитых пергаментных конвертов с вложенными в них граммафонными пластинками. На пластинках были одинаковые синие наклейки с маленькими портретами Сталина, названия каких-то речей на каких-то съездах и большие цифры 78. Всё это было несущественно, поскольку пластинки были огромные, тяжеленные, прекрасно летали, если правильно запустить их вдоль улицы, и уморительно разбивались, столкнувшись с препятствием. Это было их огромное преимущество по сравнению с лёгкими, сдуваемыми с курса любым ветерком пластинками для радиолы, которые к тому же разбиваться не хотели вовсе – а какой тогда смысл их метать вообще?

Пластинка из альбома пробовалась на радиоле «Гамма-В», но там были только скорости «33» и «45», а скорости «78» не было вообще. Да и иголка для снятия звука была неподходящая. В результате из динамика радиолы доносились звуки, как будто бы огромному великану поставили в челюсть укол новокаина, и он с замороженным ртом пытается утробным басом выдавить слезу из зубного врача. В результате у слушателей на первой же минуте начинало у самих сводить скулы, и бедная пластинка была приговорена к красивой гибели в полёте. А заодно и все её подружки.

Сам альбом и чудом уцелевшая единственная в нём пластинка долго ещё пылился на чердаке, случайно прикрытый какими-то старыми половиками.

Что именно было записано на той пластинке, услышать удалось тоже чудом. Через год в магазине «Уценённые товары» появились списанные

«неликвиды» с базы «Райрыболовпотребсоюза», в числе которых были и новёхонькие патефоны. Стоили они (только не смейтесь) 2 копейки за штуку! То есть квадратный чемодан с кожаной ручкой, обтянутый муаровым чёрным дерматином, с блестящими защёлками, резиновым диском, блестящим ободом, хромированным звукоснимателем, блестящей кривой рукояткой завода пружины и самой шикарной спиральной пружинной внутри механизма – всего 2 (ДВЕ) копейки! Да ещё и в придачу с полсотни патефонных иголок в выдвижном эбонитовом ящичке! Надо ли говорить, что все эти богатства в мальчишечьем хозяйстве находили разнообразное применение. К примеру, патефонная пружина, вынутая из корпуса, прекрасно годилась для изготовления разновидности арбалета, а иголки – например как потайные гвоздики при изготовлении деревянного оружия и спортивного инвентаря. Сам-то чемодан прекрасно подходил отцам под инструмент и запчасти.

Ну 2 копейки-то тоже надо было ещё иметь. Школьный завтрак стоил 10 копеек (6 копеек булочка с повидлом и 4 копейки компот), и если удавалось как-то сэкономить, то излишки обычно тратились на значки, рыболовные крючки и прочие вещи первой необходимости. Однако нужные 2 копейки случились в кармане вовремя, патефон был принесён в «штаб». Вот тут-то и вспомнилось, что где-то завалилась ещё одна пластинка.

Пластинка была продута от пыли и протёрта чистой тряпочкой, затем установлена на диск. Патефону был тщательно «накручен хвост», и когда диск, снятый с маленького тормозного рычажка, набрал обороты, звукосниматель с иглой опустили на пластинку, и появился членораздельный звук.

Сквозь характерные пластиночные щелчки и скрипы послышался глуховатый голос с мягким кавказским акцентом, который доходчиво рассказывал про врагов, внешних и внутренних, про то, как с ними надо вести борьбу, и каких рубежей на пути строительства светлого будущего планируется достигнуть. Конечно, ничего из этого дети тогда не понимали, но сам голос, хрипловатый и какой-то родной, что ли – он завораживал, и его хотелось слушать и слушать. Ну конечно, сказки «Кошкин дом» или «Три поросёнка» слушать было куда интереснее, но голос... Товарищ Сталин давно уже в результате хрущёвской деятельности был персоной нежелательной ни в политических делах, ни в воспитательных, а книги его и пластинки с записями напрочь исчезли из поля зрения населения. Мальчишкам патефоновою внутренности были, конечно, более интересны. А потому слушания эти продолжались недолго.

Больше повезло картинам. Как с толком их использовать – придумать было сложно, а из рогатки стрелять как по мишеням на чердаке было не принято. Но и они постепенно в открытом климате естественным способом быстро приходили в негодность.

Ах как теперь жаль, что мальчишки тогда не могли хоть ненадолго стать большими и умными! Чтобы понять, что некоторые вещи невозможны, а История, какой бы она ни была, цены не имеет вовсе. Хотя возраст ведь не всегда приходит вместе с умом, а ум – с возрастом.

Но главное, чего не знали мальчишки и без чего этот рассказ писать было бы ни к чему, знал только племянник. Ценности деда Пети он ценностями не считал, но главную мечту деда Пети уважал и поддерживал.

А дед Петя мечтал заработать много денег. Сколько это – много – он не знал, но ровно столько, чтобы поставить большой гранитный памятник на Колыме. Памятник всем тем, кто попал в безжалостные жернова

системы, которая зачастую становилась слепой и бездушной, затягивая в свой водоворот и чужих, и своих. Система, как закрученная патефонная пружина, крутила свою пластинку, скрипела игла, подпрыгивала на трещинах, но единожды заведённая, она стремилась до конца отыграть своё.

А деда Петя мечтал заработать много денег, чтобы установить этот памятник и остановить эту машину, чтобы она больше не смогла завестись. Чтобы люди всегда помнили, что не надо больше накручивать эту рукоятку и отпускать тормоз. Ну и конечно, чтобы не забывали ни живых, ни мёртвых.

Деда Петя прекрасно понимал, что честным трудом в нашей стране больших денег заработать невозможно, а потому всячески пытался найти в себе хоть какой-то талант, который бы позволил это положение исправить. Он пробовал писать стихи и прозу, делать макраме и флористические композиции у себя в доме ветеранов, пытался сам научиться валянию из глины, писал картины. Талант, достаточный для достижения цели, всё не проявлялся. В живописи и рисунке он продвинулся больше всего, но как и замечал племянник, был там «далеко не Шишкин».

В областном доме ветеранов, где официально жил деда Петя, условия были просто шикарные. Ветераны жили всего лишь по два человека на комнату, в комнате был собственный санузел и холодильник с телевизором (немыслимое дело по тем временам), кормёжка была четыре раза в день, а по субботам ещё и баня с настоящей парной. Медицинско-бытовой персонал там имел повышенные ставки оплаты, подъедался за счёт стариков, а потому держался за своё место и был исключительно отзывчив. А это трудно, потому что старики частенько болеют и вредничают, что не странно. И ещё – о чудо! – там имелся собственный сад-дендрарий и жилой уголок в составе двух черепашек, птицы-канарейки в клетке и зелёного древесного удавчика, сонно висящего на сухой толстой ветке в стеклянном кубе. Весь этот рукотворный рай областного масштаба находился в тенистом огороженном парке в самом центре большого областного города.

– Ну прямо какой-то коммунизм! – недоверчиво воскликнет читатель, и будет не прав. Отдельно взятые коммунизмы и коммунизмики в стране для отдельных категорий граждан были построены, несмотря на «враждебное окружение». Ну не для всех... Но стремиться было к чему.

А деда Петя имел на сей счёт иное мнение. Его не устраивал персональный коммунизм. Тот, который не для всех. Не сумев поразить общественность талантами настолько, чтобы она дала ему много денег, не решив проблему с памятником, он посчитал, видимо, что не имеет права на этот рай. Он выпал из поля зрения родственников на долгие два года, хотя раньше появлялся каждое лето.

– А не случилось ли чего? – обеспокоился племянник и послал по почте запрос в дирекцию дома ветеранов. Через месяц пришёл официальный ответ, что Пётр Дмитриевич Такой-то как лицо полностью дееспособное выписался и забрал документы из их заведения, сославшись на переезд на место жительства к родственникам. Препятствовать ветерану партии и персональному пенсионеру областного значения ни юридических, ни моральных оснований у руководства не было. К официальной бумаге была приложена записка директора дома ветеранов о том, что в личной беседе Пётр Дмитриевич добавил ещё один, самый существенный момент. Он сказал, что он как коммунист и материально обеспеченный человек не имеет права жить в таких тепличных условиях, в то время как тысячи ветеранов живут в условиях куда как худших. Ещё директор дома вете-

ранов приписал, что он сам как бывший полковой политрук понимает и внутренне поддерживает Петра Дмитриевича и даже не решился его отговаривать. Но вот к кому именно из родственников пожелал переехать Пётр Дмитриевич, он не сообщил.

Письменно опрошенные родственники один за другим уверяли в отсутствии информации по данному вопросу, и вопрос сам собой как-то утратил актуальность.

Прошёл ещё год. Однажды в дверь постучали. Вошедший спросил, дома ли племянник, назвав его по имени-отчеству. Он был довольно молод и имел характерную внешность. Опытный взгляд мог в нём безошибочно определить человека, сидевшего в тюрьме или на зоне. По едва уловимым нюансам в манере носить одежду, разговаривать, тщательном подборе слов, а главное – в особом взгляде. В пронзительном, как у деда Пети, оценивающем взгляде, когда человек за две секунды просвечивает тебя как рентгеном и запоминает. Там – умение быстро и точно с первого взгляда понять, кто перед тобой, вырабатывается до уровня рефлекса. Племянник тоже в жизни всякого повидал, верно заценил вошедшего и быстрым жестом прервал начавшееся было любопытствующее женское кудахтанье.

– Доброго здоровья, – с достоинством промолвил вошедший. – Такой-то Такой-то – это вы?

– И вам не хворать. Да, я буду. А вы как зовётесь?

– Да ни к чему оно. Вам велено передать, – прищелец достал из внутреннего кармана чистый тряпичный свёрток, из него – фотографическую карточку 9 на 16 и протянул племяннику. На карточке явно был изображён дед Петя, но никаких надписей на ней не было.

– Это всё? Может, на словах что?

– Всё. Сказано передать. Теперь мне пора.

– Так победать с нами? А то и заночевать можете, устали небось? Откуда хоть? – прорвалась к разговору племянникова жена.

– Нет, спасибо. Пора мне, – и посланец, развернувшись, шагнул за порог.

Племянник проводил его через двор до ворот, тщательно закрыл ворота на деревянную вертушку и только потом вернулся в дом.

– Ну вот чего ты такой-то? Человек с устатку, хоть порасспросить, что да как, за столом, по-человечески, бутылочку бы поставила...

– Да помолчи ты. Не будет он. И не скажет больше, чем сказал. Почта это.

– Какая ещё почта? Неуж я нашу-то почтальоншу Катерину не знаю? Да и сумка у ей агроменная, а этот гол как сокол! Почта...

– Это другая почта. Эта всегда всё по адресу приносит и квитанцию не выдаёт. Было бы велено что на словах – передал бы в точности. Ну-ка, давай фотку-то. Там наверно всё.

Они положили фотографию на чистую скатёрку и принялись рассматривать.

На фото дед Петя сидел на деревянном крылечке, одной рукой обхватив острую коленку в парусиновых штанах, подставив лицо предзакатному солнышку, спокойно, с прищуром смотрел прямо в объектив и слегка улыбался. В другой руке он грациозно и легко держал двумя пальцами неизбежную «козью ножку», из которой к небу спокойно поднималась тоненькая белесая спиралька дыма. А в самом уголке фотографии проглядывался край казённой вывески.

– Не приедет он, – постановил племянник, – и искать его не велит. По всему – он в каком-то сельском доме престарелых, и ему там хорошо. Зачем слова – всё ясно. Не приедет он больше. Так решил.

Он и не приехал больше. Никогда.

А перед моим мысленным взором с тех пор хранится такая картина: деда Петя с самокруткой с высоты деревенского крылечка наблюдает, как товарищ Сталин и товарищ Молотов гуляют в саду с детьми, а над ними светит неяркое тёплое солнышко, которое заставляет деду Петю слегка щурить незабудковые глаза. И его губы тоже слегка, совсем чуточку, трогает улыбка. Пусть гуляют.

Он давно уже судил их. Собственным судом. Строго и по справедливости.

И по его суду вышла им амнистия, а может, и реабилитация.

Потому что дети должны гулять в саду, а солнышко светить.

ПОЭЗИЯ

*****

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ

* * *

*«Лежит на подоконнике луна...»
Алексей Прасолов*

Лежит на подоконнике луна –
Бери её, как будто хлеб горячий...
Что это – скупно плачет тишина?
Иль может, вечер капает незрячий...

Дождь, словно кот, царапает карниз,
Перемешались шорохи и звуки...
Я, отворив окно, смотрела вниз,
Там двое под зонтом, боясь разлуки,

Слились в один застывший силуэт –
Так вот о чём печалилось безмолвье...
А дождь сильнее, россыпью монет,
Оплачивал мгновения любовью...

Сентябрь 2020

Сергею Есенину

По земле закачаются тени.
И остынет в деревьях сок...
Кто ты? Где ты, Сергей Есенин?
В небе? В песнях? Иль между строк?

От серёжек берёз – Серёжа?
Или ты – тот уставший клён?
Тот, с которым вы так похожи:
Под метелью качался он.

Хоть не все в России такие
По природе и от любви,
Но я чувствую ветер стихии
Роковых перепадов судьбы.

Я б хотела тебе всё высказать
О судьбе своей на бегу...
Где твой дом с потолками низкими
На высоком стоит берегу...

Осень 2012

Розы
романс

Жёлтые розы ты мне преподнёс,
Жёлтые – символ разлуки, печали
И обещание будущих грёз,
Я пережить их сумею едва ли...

Красные розы ты мне подарил,
Эта эмблема разбуженной страсти,
Я бы взяла – что бы кто говорил! –
Но опасенья берут – не пропасть бы...

Белые розы лежат на столе –
Знак наших помыслов чистых и взглядов...
Белые вьюги метут по земле...
Розы не вянут. Со мною ты рядом.

2009

* * *

Лыжня волною серо-белой
В февральский ускользает лес.
Земля, обсыпанная мелом,
С полей восходит до небес!

Ко мне чем ближе, тем синее
Там отбелённая лазурь,

И чувствуются всё сильнее
Предвестники весенних бурь.

От сосен голубые тени
Ложатся в белые снега –
Как будто пали на колени
Те балерины у Дега...

2009

Вчера

Зашло ко мне в гости «вчера»,
Присело на краешек стула...
Настала раздумий пора,
Читаю Сократа, Катулла...

Зыбучие вижу пески
Событий, секунд и столетий...
Разрушить бы смерти тиски
И страха бы выбросить плети!

Я рада той жизни, что есть,
Однако «вчера» у порога...
О прошлом раздумий не счесть...
Но верю я в «завтра» и Бога.

2009

* * *

На стёклах белые цветы,
Узоры, листья, лилии.
Стоят морозные посты,
Ещё не до идиллии.

Ещё везде царит февраль,
Снегами всё окутано,

Звенит дорог и веток сталь –
Весне не быть как будто бы...

И всё же вскроются ручьи,
Картина в красках сменится,
В леса помянут соловьи
И луг в цветы оденется.

2009

Ночью

Здравствуй, ночь, я с тобой поразмыслю,
Что уходят года, как песок,
Ускакала и молодость рысью,
Незаметно седеет висок...

А счастливые детские годы
Оказались уже вдалеке...
Налетели метели-невзгоды,
Ледяной уступая тоске.

Вся в раздумьях, я мёрзла, дрожала...
Почему? – за окном минус три...
Не спасало меня одеяло,
Не согрели меня фонари...

2010

* * *

Мечты возденут паруса!..
Потом скрипят от прозы жизни...
Стремятся думы в небеса.
Всё чаще наползают тризны...

А парус перешить во флаг,
Чтоб гордо реял над Отчизной!..
Скажите, кто нам друг, кто враг?
Условно всё в судьбе и жизни...

2017

Сентябрь 2020

Дорога. Поле. Лес. Деревня.
Картина сердцу дорога.
И речка, мостик, и деревья,
Что окаймляют берега.

Всё вставлено как будто в раму
На дни, на годы, на века...
Ведущая дорога к храму
Близка так сердцу... далека...

2020

* * *

Пшеничное поле,
Дыхание хлеба...
Российская доля,
Просторы до неба.

Берёз белоствольных
Кружат хороводы.
Как дышится вольно
В объятьях природы,

На небе без края
Узор облаками,
А поле сверкает
Росой – жемчугами.

В объятьях России,
Душою хранимой,
Бездонной и сильной,
До боли любимой!

2009 г.

Март

Снова к нам приходит март,
И проснулись почки...
Кот на крыше, словно бард,
Воспевает ночки.

А бессонница в кровать
Прилегла без спроса.
Строчки просят в тетрадь,
Не решить вопроса –

Сколько песен у весны,
Что она скрывает?
Бледное лицо луны
Брови поднимает.

Март мяукает, поёт...
Будет продолженье!
Обновление несёт
И любви рожденье!

2009

ПРОЗА

*****

Андрей МАРКИЯНОВ

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

В тот поздний дождливый вечер, едва я вышел на улицу, раскрыл зонт и остановился под фонарем прикурить, как услышал знакомый голос. Я обернулся. Это был мой старый знакомый, актер театра Царегородцев, человек высокого роста с породистым бледным лицом и тронутыми седой волосами, которые он неизменно носил в виде конского хвоста, перетягивая на затылке шнурком. На голове его глубоко сидела черная шляпа с широкими полями, а воротник и полы черного пальто тонко искрились бисером водяной пыли. Мы пожали друг другу руки, он наклонился ко мне под зонт и пробормотал с досадой и горечью:

– Черт! Вот черт, когда же он кончится. Ненавижу.

Мы не виделись месяца три, поэтому направились на Монастырскую площадь и спустя полчаса сидели в полумраке пустого частного бара, пили молдавский «Херес» и вели тот пустой разговор, что сопутствует людям, не обремененным отсутствием времени. За узкими окнами, стуча по карнизу, ровно сыпал октябрьский дождь, блестели черным стеклом тротуары, а здесь, в этом маленьком баре, бесшумно гнали тепло калориферы, вращал под потолком блестящие лопасти вентилятор, и беременная хозяйка с размытым желтым лицом, облокотившись на стойку, потягивала из банки безалкогольное пиво. До закрытия оставалось немногим более часа.

– Не взять ли нам чего-нибудь покрепче? – сказал со вздохом Царегородцев. – Грустно что-то. Слышишь, как стучит этот мерзкий дождь? Так и хочется надраться как следует. Да я и надерусь, если ты составишь компанию... Нет, нет, не возражай, – добавил он, поднимая руки. – Выпьем немного и поедем ко мне. Познакомлю с моей юной подружкой, посидим, как положено. Тем более ты мне обязан за тот сюжет с однорукой сутенершей, помнишь?

– Такое не забывается, – ответил я. – Значит, с подружкой. А кто она такая, откуда? Давай-ка выкладывай.

– Кажется из Тулы, точно не помню. Познакомились на концерте «Диксиленда» в антракте примерно месяц назад. Оказалось, учится в театральном. В общем, теперь она у меня, – продолжал он, сдвигая брови. – И все вроде бы чудесно, если не считать, что иногда утомляет своим необузданным темпераментом. И какой-то бесстыжей наивностью, что ли, которую путает с непосредственностью.

– Ну, таких полно в ее возрасте, – возразил я, закуривая, – это нормально. Можно еще добавить, что она противоречива в суждениях и непоследовательна в поступках. А если в компании начинает восхищаться снобами, ты от неловкости не знаешь куда глаза девать.

– Хм, – произнес Царегородцев. – Пожалуй, ты прав. Но это неважно. Главное, что мы встретились и поедем ко мне.

Я улыбнулся, что оставалось делать? Впрочем, все к тому и шло. В кармане моего плаща лежала приличная сумма, полученная от издателей

столичного журнала, и я решил, что настала пора вкусить московских щедрот в обществе старого друга.

– Итак, пойду возьму все, что нужно, – сказал Царегородцев, потирая руки. – А ты посиди покури. Поверишь, я два месяца не наливался ничем, кроме пива. Теперь вот печень, что-то не пойму, да и вообще последнее время я не в своей тарелке. Пить с кем попало не могу, а в одиночестве не умею. Ну да, что тут объяснять, ты ведь знаешь мои замашки.

И он поднялся и достал из кармана плотный, коричневой кожи бумажник. Пришлось сообщить ему, что подаренная мне «сутенерша» благополучно поселилась на страницах журнала, и я обязан исполнить свой долг, который, как известно, платежом красен. Тогда он сдался и великодушно позволил мне оплатить заказ.

Мы выпили по две рюмки замороженной водки, закусывая осетриной с зеленью, и наливали по третьей, когда входная дверь отворилась и на порог ступили новые посетители: молодая женщина с непокрытой головой и девочка лет шести, одетая в белые комбинезон, берет и ботиночки. А женщина... Она рассеянно оглядела зал, убрала на затылок влажные волосы и, на секунду закрыв глаза, глубоко вздохнула и решительно направилась к стойке. Ее светлый плащ с поднятым воротником и узким поясом, стянутым в талии, местами потемнел от дождя и при каждом шаге складками собирался на бедрах, низкие светлые боты оставляли на паркете следы.

Они расположились напротив нас у окна под светильником, и я хорошо видел их лица и стол, на котором вскоре появился заказ: плоская бутылка водки, бутерброды с красной икрой, две банки «колы» и плитка шоколада в золотистой обертке. Этот шоколад и банку «колы» женщина подвинула девочке, и та принялась разворачивать и распечатывать, а затем сдержанно пить и есть, глядя в окно и не произнося не единого слова. Молчала и мать. Она свинтила с бутылки пробку, точным движением налила половину бокала, но когда подносила его к губам, я заметил, что рука ее дрожит, а правое веко подергивается. Я оглядел ее внимательней. Это была женщина лет тридцати, русоволосая, с высоким лбом и тонкими чертами бледного лица, холодную красоту которого ничуть не портили усталый взгляд и отсутствие макияжа.

Мы снова выпили, закусили, и тут хозяйка проговорила со странной задумчивостью во взгляде:

– Какой воспитанный и милый ребенок...

Потом достала из холодильника стаканчик мороженого и, протягивая его через стойку, добавила, возвышая голос:

– Иди сюда, милая... возьми-ка вот, скушай.

Девочка обернулась на голос и слезла со стула. Глаза ее, большие синие и серьезные, вопросительно обратились на мать.

– Вернись на место, – сказала спокойно женщина, и дочь послушно повиновалась. – И никогда ничего не смей брать у чужих. Если нужно, скажи – я куплю.

Девочка вздохнула и снова отвернулась к окну, подперла кулачком щеку. Но тут, задетая за живое, не выдержала, вмешалась хозяйка:

– Послушайте, ну зачем вы так... Я ведь от чистого сердца!

– От чистого сердца подайте нищим на паперти, – сказала женщина. – А мы как-нибудь обойдемся, правда, Настенька?

И она опять налила, выпила, а после закурила длинную сигарету и отерла ладонью лоб. Царегородцев налил в рюмки и наклонился ко мне.

– Совсем нехорошо, сейчас она станет пьяненькая, – заметил он тихо. – Я за малышку беспокоюсь. Все-таки ночь – всякое может случиться. Может, вызвать такси, проводить?

– Пожалуй. Только вот не знаю, согласится ли, ты же слышал, как она оттянула барменшу.

И я скосил глаза на хозяйку, с мрачным видом перетиравшую на подносе стаканы. Царегородцев поерзал на стуле.

– Ладно, попробую, – сказал он и тяжело поднялся, придерживая полы расстегнутого пальто. Его породистое удлиненное лицо стало по-отечески строгим и озабоченным. Он решительно направился к женщине, выдвинул свободный стул и по-хозяйски уселся.

– Разрешите присесть, я всего на два слова, – сказал он с невозмутимым спокойствием.

Она выдохнула в потолок тонкую струю дыма.

– Вы и так уже сидите. Но Бога ради, что за проблемы?

– У нас все нормально, – сказал мой приятель. – А вот у вас, кажется, проблемы могут возникнуть. Поэтому мы предлагаем пустяковую услугу, если вы, конечно, не против.

– Да? Очень интересно. Продолжайте, я слушаю.

– Видите ли, уже довольно поздно. А путешествовать ночью в дождь с ребенком по пустынному городу было бы крайне опрометчиво. Будет правильней, если мы проводим вас до места, можете на нас положиться. Мой друг, к слову сказать, человек порядочный, насколько это нынче возможно, более того, он писатель.

– Вот оно что. То-то я думаю, лицо знакомое. Должно быть, видела на фотографии... Ну а вы кто, поэт?

– С чего вы взяли?

– Да Бог его знает, говорите слишком складно.

– Польщен, но я не поэт.

– Тогда кто вы, красавец? Может, художник? Или музыкант?

– Нет, я актер, – нахмурился Царегородцев. – Ну так что? Проводить вас домой?

– Ах да, домой. Что ж, большое спасибо, но вы напрасно беспокоились, мы живем в трех шагах. А впрочем, как хотите. Хотите выпить со мной?

– С удовольствием.

– Тогда налейте мне на палец. Благодарю. Закусывайте бутербродом.

Они разговаривали минут десять. А потом мы все вместе покинули бар, вывалились из его жаркого чрева на сквозящую сырость дождя и ветра, на блестящий лужами тротуар, у бетонных бордюров которого плавали мертвые черные листья. Иногда, ослепляя фарами, мимо пронеслись автомобили, и рев их моторов в дождливом мраке уснувшего города казался особенно злым и надрывным. Я взял Настю за руку, и она покорно засеменила рядом, временами оглядываясь на мать, занятую беседой с Царегородцевым. Один раз мы остановились перед большой лужей, я подхватил девочку на руки и, подняв над головой, стремительно перенес на твердое место. Мне показалось, она перестала дышать, а очутившись на ногах, еще постояла, зажмурив глаза и прижав кулачки к подбородку. Потом протянула мне руку, и мы весело продолжили путь.

– Похоже, ваш друг обожает детей. Он женат? – услышал я за спиной. Я оглянулся, они шли совсем близко.

– Кто, он? – ответил насмешливо Царегородцев. – Нет, не женат, он вообразил, что не создан для брака. Хотя кто его знает, может по-своему он и прав.

- Вот как? Интересно. И что значит «по-своему прав»?
- То и значит... Понимаете, когда он пишет, а пишет он всегда и всюду, даже в постели с женщиной, живые люди интересуют его по большей части в качестве сырья. Его реальный мир – это выдуманные им истории. Хорошо, если в одной из них его гипотетическая жена займет строчку-другую, перед тем как он потеряет к ней интерес.
- С ума сойти. А на вид такой душка.
- Он и есть душка. Просто не хочет унижать женщину столь мрачной перспективой. Такой уж он человек.
- Ну а вы? Вы тоже разделяете взгляды вашего друга?
- Да теперь уж и сам не знаю. Я был женат трижды, но как выяснилось, всякий раз ошибался. Тут поневоле задумаешься.
- И ошибались, конечно, в женщинах?
- Ничего я не знаю. Я ведь актер, полжизни провел на сцене: чужие мысли, чужие чувства, поступки и те не свои. Пойди теперь разберись, какие из них настоящие.
- В таком случае поздравляю – вы настоящий актер.
- Тем временем, следуя указаниям Насти, я свернул в тоннель низкой арки между домами, и скоро мы оказались у одного из подъездов восьмиэтажного, величаво-мрачного здания времен сталинской гигантомании, освещенного по фасаду круглыми матовыми фонарями на бурых чугунных стойках.
- Ничего домик! – буркнул Царегородцев, входя последним в освещенный портик подъезда и опуская, встряхивая в сторону зонт.
- Да, квартира удобная, – сказала женщина. – Она мне от отца досталась, он уехал с мачехой в Гамбург, живут там уже три года.
- Я и не предполагал, что вы немка, – заметил Царегородцев, пытливо вглядываясь в ее лицо. Потом, спохватившись, обернулся ко мне: – Да, познакомься – это Мария.
- Я представился и, пожимая ее холодную руку, сказал:
- Очень приятно. У вас очаровательная дочь. Только вот зачем так поздно водить ее в подобные заведения? Или не с кем оставить?
- Пряча руки в карманы плаща, она посмотрела на девочку.
- Можно сказать и так. Впрочем, она привыкла поздно ложиться.
- И добавила, остановив на мне озадаченный взгляд:
- А вам-то, собственно, какое до этого дело?
- Я же говорю, дочь у вас очаровательная. К тому же вы меня заинтересовали. Удивительно, например, почему до сих пор вы не присоединились к родителям?
- Это долгий и скучный разговор, а нам пора, уже поздно.
- И все-таки? В двух словах...
- У дедушки мы были в прошлом году, но маме там не понравилось, – объяснила девочка. – Ведь правда же, мама? Скажи, а то он не верит.
- Забавно, – сказала она, не слушая дочь, – неужели все писатели так бесцеремонны или мне одной повезло?
- Что вы имеете в виду?
- Ну вот то самое. Вашу невозмутимость, самоуверенный тон, невинные вопросы: не с кем оставить, почему не уехали и прочее в том же роде. Но мне, слава Богу, кое-что уже рассказали о ваших профессиональных пристрастиях, поэтому я не в обиде.
- Царегородцев закашлялся.

– Позвольте узнать, что именно?

– Что? Ну например, что вы всегда и всюду пишете. Удивительно. Всегда и всюду. Даже в постели с женщиной. Прямо Хемингуэй какой-то...

– Вы мне льстите, Машенька.

– А вы не обольщайтесь. И не стоит интересоваться мной в качестве сырья для ваших произведений.

– Почему?

– Потому что материал неподходящий.

– Да вам-то откуда знать?

Она удивленно взглянула на меня.

– И простите меня за мой тон. У меня и в мыслях не было вас обидеть.

– Правда?

– Именно так. Будь у нас больше времени, вы бы поняли, что я не совсем то, что вы могли обо мне подумать.

Она наклонила голову к плечу и с минуту молчала, с насмешливым любопытством разглядывая меня. Потом пожала плечами и сказала, вынимая из кармана бумажник, доставая из него визитную карточку:

– Бог вас знает, кто вы такой... Но все равно. Вот возьмите, это старая визитка отца. Позвоните как-нибудь, если не пропадет интерес.

И еще сказала, обращаясь к Царегородцеву:

– Ну, нам пора, спасибо, что проводили. Приятно иметь дело с порядочными людьми. Настя, а ты ничего не хочешь сказать?

Настя, смущенно стоявшая в сторонке, тотчас подошла ко мне и, подняв голову, с детской прямоотой заявила:

– Пока. Позвонить не забудешь?

– Постараюсь.

– Не передумаешь?

– Нет.

Она улыбнулась, и они ушли, а мы какое-то время еще стояли под дождем у подъезда и, задрав голову, смотрели на мрачную громаду безмолвного дома. Но вот наверху одно за другим осветились три высоких окна, и Царегородцев сонно промолвил:

– Пятый этаж. Налево, – и затем ободряюще: – Все. Берем такси и едем ко мне, у меня зуб на зуб не попадает от этих пеших прогулок.

Возле арки я обернулся, еще раз посмотрел на темный силуэт здания, на три освещенных окна, и тут же с фотографической точностью вообразил себе ее мягко освещенную спальню, да и саму ее, уже готовую лечь в постель в одной только черной сорочке, особенно ловкой в перехвате тонкой талии – вставшую одним коленом на край кровати и потянувшуюся вперед, чтобы откинуть с подушек белоснежное одеяло. И как только вообразил себе это – испытал легкий приступ волнения, того смутного волнения, что случается иногда в пору бабьего лета.

Через час мы были на месте, в Северо-Западном округе, в одном из тех относительно новых районов, архитектура которых вызывает у меня раздражение и невеселые мысли о перспективах клонирования. Когда Царегородцев открыл ключом дверь и мы оказались в прихожей, со стороны кухни к нам выбежала темноволосая, до пояса обнаженная девушка в шортах, с узким смуглым лицом, гибким телом и острыми грудями, похоже всегда готовыми к бою.

– О, пардон! – прошептала она с улыбкой смущения, но с места, однако, не тронулась, дав мне возможность по достоинству оценить ее упругий живот и молодое стоячее вымя с наконечниками алых сосков.

– Не нужно, Юля, – снимая пальто, сказал Царегородцев. – Не нужно позировать, он не художник. То есть он, конечно, художник, но только другого плана. Он художник пера.

– О, я догадываюсь, – сказала, кивая, Юля, и прикрыла ладонями груди. – Но ведь это тоже очаровательно. Вы в какой манере работаете?

Пока я искал что ответить и смотрел в ее маслянисто-карие глаза, Царегородцев нетерпеливым движением ослабил галстук и, подмигнув мне, внушительно заявил:

– Он работает в манере Кортасара, но это не может быть тебе интересно. Иди оденься и для начала принеси коньяку, сырость на дворе прямо окаянная.

– Почему он так груб со мной? – обратилась она ко мне, и глаза ее, полуприкрытые смуглыми веками, затуманились. – Он всегда причиняет мне боль, всегда! Правда, я не злопамятна. А этот, как его... он испанец?

– Да, некоторым образом, – ответил я без улыбки и вполне ей сочувствуя при одной только мысли о театральных массовках, где, вероятно, пройдет ее молодость.

Должен признаться, у Царегородцева я задержался, уступил его настойчивой просьбе «надраться» и, к стыду своему, уступал еще пару дней, пока не почувствовал, что тело мое деревенеет, а желудок рискует расплавиться. От этих дней в памяти осталось: широкий низкий диван, желтый сумрак гостиной с открытым окном, куда входит влажный осенний ветер, полированный стол, похожий на витрину винного магазина, а у стола трагически рыдающая Юля с наброшенным на плечи белым платком. И рядом вдребезги пьяный, страшно бледный Царегородцев, тупо требующий от нее «не заламывать в этом акте руки».

Домой я вернулся в такую же сырую полночь, в полуобморочном состоянии забрался в ванну и открыл горячую воду, мечтая умереть или выжить. Через час, закутавшись в халат, выпив чашку бульона и полстакана водки, я сидел в кресле, перелистывал книгу романов Фриша и воскрешал в памяти сонную тишину частного бара, влажные глаза хмелеющей женщины, ее красивый рот и спокойный голос, чем-то меня взволновавший в тот вечер. Мария....

И я вдруг испытал столь острое желание позвонить ей немедленно, что тут же поднялся, вышел в прихожую и достал из кармана визитку, внимательно изучив ее. Вернувшись в кресло, бросил взгляд на часы (без четверти три) и сразу остыл, с тупой покорностью вложил карточку в книгу и закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться.

Как странно, ее отцом был доктор Потоцкий, известный нейрохирург, несколько лет назад уехавший в Германию, чем в свое время не замедлила воспользоваться местная пресса, утверждая, что причиной послужил некий скандал, связанный с его профессиональной деятельностью. Все это я хорошо помнил. Как сообщал один уважаемый еженедельник, волну подняли менее удачливые конкуренты – они с методичностью опытных анонимов докладывали куда нужно вплоть до бульварных газет о том, что за большие деньги хирург делает сложнейшие операции, используя в своих целях препараты и технику государственной клиники, где он и работал. Те больные, по причине безнадежности отправленные домой умирать, а впоследствии воскресшие благодаря Потоцкому, ничего не подтвердили, но прецедент все-таки место имел. После недолгих переговоров с богатыми и деловыми немцами он принял предложение одной из

клиник Гамбурга, где и стал, по словам того же еженедельника, ведущим в своей области специалистом. Да, все так. Но Мария... Что удерживало ее в России?

Задремал я только под утро и дремал бы, вероятно, порядочно, но в девять часов так неожиданно и резко прозвонил телефон, что от ужаса я едва не вывалился из кресла. Звонил Царегородцев, сетовал на мое исчезновение, из-за чего, по его выражению, он чуть голову не сломал, ища объяснение столь необдуманному поступку. Под конец озабоченно поинтересовался:

– А чего это у тебя голос такой убитый? Все грустишь о своей зеленоглазой немке?

– Она не немка. И откуда ты взял, что я грущу о ней?

– Да ладно тебе. Позавчера всю ночь втолковывал мне, какая она необычная да какая несчастная... Ты что, не помнишь? Я уж было совсем собрался съездить за ней – да слава Богу, Юля остановила. А если бы не остановила?

– Хорош бы ты был.

– Вот-вот. Пора бы уж знать тебя, так нет, опять развесил уши.

– Это точно.

– Послушай, я в творческом запое, ушел на больничный. Ты сейчас давай отсыпайся, а вечером приезжай ко мне, будет уха, ну и по рюмочке «Посольской», если желаешь.

– Хорошо, приеду, – сказал я не очень уверенно. – Но пить не буду, от одной мысли с души воротит. Кстати, как там здоровье у Юли?

– Плохо, брат. Пластом лежит «безгласна и виду неимуща». Я и уборкой один занимаюсь. Зря мы ее напоили, она ведь в крепких напитках мало что понимает.

Попрощавшись с Царегородцевым, я поднялся из кресла, закурил и подошел к окну, раздернул шторы. Дождь давно кончился, тротуары подсохли и на голубом небе, уже по-зимнему блеклом, фосфорически тускло пылало невысокое холодное солнце. А ветер сменился, он дул теперь с севера – то гнул верхушки голых деревьев, обрывая с них последние листья, то кидался вниз и кружил меж домов, растаскивая по асфальту обрывки мокрых газет, обносил порывистой зыбью блестящие оловом лужи. И одиноко, бесприютно на холодном ветру, на самой вершине тополя против окна моталась из стороны в сторону серая ворона, поминутно распуская взъерошенные крылья, и сиротливо и даже как будто растерянно каркала...

Я постоял, покурив. Затем сварил себе кофе, попутно размышляя над словами Царегородцева, и решил, что пил я в тот вечер, смешивая все подряд, потому и отшибло память. После чашки горячего кофе с сигаретой я улегся в постель и долго лежал с открытыми глазами, пристально смотрел в потолок. И наконец уснул и проспал без сновидений до самого вечера. И пока приводил себя в порядок, брился, мылся и одевался, город совсем погрузился в сумерки – только на западе, там, где пропало за крышами солнце, все еще стоял янтарный полусвет, а небо над ним было прозрачного, зеленоватого тона.

Закурив, я прошелся по комнате, пробуя на ощупь выбритый подбородок, подошел к настенному зеркалу, оглядел себя в нем. Все вроде бы скромно, ладно – темная рубашка, темный пиджак, волосы причесаны и влажно блестят. Вот только лицо, несмотря на бритву и контрастный душ, уже не так свежо и молодо, как хотелось бы. Впрочем, это-то вместе

с синими глазами и некоторой сухостью черт смотрелось еще подходяще даже на мой придирчивый взгляд. Удовлетворенный, я одернул пиджак и направился к столу, сняв телефонную трубку, набрал по памяти номер. После пятого гудка ровный женский голос ответил:

– Я слушаю – говорите.

Я бодро отрекомендовался:

– Добрый вечер, это Хемингуэй.

– Что?

– Добрый вечер, Мария.

– О Господи, это вы. Вы откуда звоните?

– Из лачуги своей, разумеется. Имею смелость пригласить вас поужинать.

– Что, прямо сейчас?

– Так точно. Царегородцев обещал уху, быть просил непременно.

Она помолчала.

– Уху. Уху я люблю, но к сожалению... к сожалению, это невозможно.

Вы же знаете, у меня ребенок.

– Мы могли бы взять Настю с собой.

– Нет, дорогой мой, по гостям я ее не вожу. То, что вы видели – ну то, что она была тогда ночью со мной... В общем, на то были свои причины.

– Понятно. Ну что ж, очень жаль. Может, как-нибудь в другой раз.

– Подождите-ка. Послушайте, а ваш Царегородцев сильно расстроится, если вы не придете?

– Да нет, не думаю – он там с дамой. А почему вы спрашиваете?

– Если у вас кроме Царегородцева ничего не предвидится, приезжайте ко мне. Правда, рыбы нет, но закусить я что-нибудь приготовлю.

– Отлично.

– И прихватите, если у вас есть деньги, что-нибудь выпить покрепче.

Девятая квартира – не забудете?

– Не беспокойтесь, выезжаю через пять минут.

А спустя полчаса я выходил из лифта в освещенном холле пятого этажа, где было всего две квартиры, с красной ковровой дорожкой между ними, посередине изрядно вытертой. Она ждала меня, стоя на пороге, левой рукой взявшись за ручку открытой двери, а правую опустив вдоль тела, выставив правое колено вперед. На ней были домашние брюки без стрелок и широкий кремовый свитер с круглым воротом и поднятыми до локтя рукавами. Я остановился, и мы молча уставились друг на друга. Она выжидательно. Я, приятно опешив – так хороша она мне показалась в своем скромном наряде, с гладко причесанными волосами, с той особой женственной стройностью тела, которую не спрячешь ни под какими одеждами.

– Ну что же вы встали, входите, – сказала она, смутившись, и забрала у меня кейс, где находился мой «джентльменский» набор – коньяк, водка и пунцовая роза в фольге, купленная в цветочном ларьке у пожилого восточного человека с чугунным носом и белым каракулем на висках. Я кивнул и послушно вошел вслед за ней в прихожую, где всю правую стену занимали черные раздвижные шкафы, а у входа в зал стояло старинное зеркало в массивной черной раме, крепившейся на черном подзеркальнике в виде низкой тумбы с короткими гнутыми ножками. Поставив кейс на подзеркальник, она ловко помогла мне снять плащ, повесила его в один из шкафов и, поймав меня за руку, увлекла через сумрачный зал в угловую комнату с двустворчатыми

дверями, в прошлом, очевидно, служившую кабинетом: массивный рабочий стол у окна, кожаный черный диван, вдоль стен высокие книжные стеллажи. Еще там была пара глубоких кресел, дорогой, но старый ковер на полу и настольная лампа под зеленым абажуром, стоявшая на журнальном столе.

– Поставьте стол к дивану и располагайтесь, полистайте что-нибудь, пока я хожу на кухню, – сказала она, уходя.

– Не забудьте про кейс, там заказ, – сказал я ей в спину.

Она ушла, но скоро вернулась с тонкой фарфоровой вазой, в которой покачивалась на стебле бархатисто пунцовая роза.

– Спасибо, – сказала она и поставила вазу на столик. – Разве я тоже ее заказывала?

– Нет, но я слышал, что женщины любят цветы.

– Это правда, – сказала она, вздохнув, и коснулась ладонью цветка. Потом сходила на кухню, принесла сервированный поднос, и через пару минут мы, не чокаясь, выпили, налили и выпили снова.

– Хорошая водка, – сказала она удовлетворенно. – Вы молодец, взяли именно то, что нужно.

– Нехитрое дело. Просто видел, какую вы заказали в баре, вот и взял ту же самую. Кстати, а где же ваш милый ребенок?

– Спит, я уложила ее пораньше. Как-то все неожиданно. И вообще неловко – вы понимаете?

Поскольку столик был мал, мы сидели, почти касаясь друг друга, и чтобы лучше видеть меня, она отодвинулась и села боком, положив ногу на ногу, а левую руку на отвал дивана.

– Тут у вас среди книг много медицинской литературы. Почему ваш отец не забрал ее в Гамбург?

Она закурила и тоже посмотрела на книги.

– Здесь есть и мои книги, я ведь тоже по образованию врач. Правда, теперь уже бывший, три года как не работаю.

– Хм. А на что вы живете?

– Что?

– Извините, любопытство меня доконает.

– Извиняю. Деньги не проблема, их посылает отец. Для него это не очень накладно, а для нас даже больше, чем нужно. Хотя больше никогда не бывает... Но давайте выпьем, – вернула она и решительно взяла со стола наполненную рюмку, легонько стукнув о рюмку мою. Мы выпили, она затянулась и замолчала, сосредоточенно рассматривая сигарету. Через минуту подняла на меня глаза и спокойно спросила:

– Я вам нравлюсь?

– Конечно.

– Кажется, вы мне тоже.

Она смотрела мне прямо в глаза. И от этого взгляда в горле у меня пересохло.

– Садитесь ближе.

Я пересел. Она улыбнулась, коснулась прохладными пальцами моих щек и подарила мне тот легкий теплый поцелуй в губы, от которого, как писали когда-то, я тотчас сомлел. Затем отстранилась, взъерошив мне челку.

– Поедем к тебе ненадолго? Хочу посмотреть, как ты живешь.

– Что ж, если ты хочешь... Но может быть позже?

– Я здесь не могу. Потом расскажу почему.

И тут где-то в глубине комнат что-то упало, зазвенело, послышался приглушенный неразборчивый голос. От неожиданности я вздрогнул, а она неспешно поднялась и произнесла ровным голосом:

– А вот и начало моего рассказа...

Она взяла тонкий стакан, наполнила его водкой и ушла, плотно прикрыв за собой двери. Я тоже налил в стакан изрядную дозу и выпил одним глотком.

– Кто это? – спросил я, когда она вернулась.

Она села рядом, сложила на коленях руки, и ответила с мрачным спокойствием:

– Кто? Это мой муж. Инвалид, негодяй и пьяница.

– Ты права – одевайся, едем ко мне.

– Нет, милый, вечер любви отменяется. У меня все желание пропало. Тем более Настя проснулась.

Я погладил ее по голове, вид у нее был неважный.

– Причем тут вечер любви? Давай-ка рассказывай, что происходит. Что у вас с мужем?

Она невесело усмехнулась.

– Как у всех когда-то – любовь. А три года назад он перевернулся на машине с какой-то шлюхой. Вскоре после отъезда отца. Паралич. С тех пор выполняю свои врачебные обязанности – воруя его с места на место, меняю пеленки и водкой пою.

– И сама за компанию причащаешься.

– Знаю. Но так как-то легче.

– А что, родных у него нет?

– Была мать, да только умерла лет пять назад. Есть еще сестра, но у нее семья, кому он нужен.

– Он ведь тебя благодарить должен за то, что ты для него делаешь.

– Он и благодарит. Б...ю, например, называет. Сейчас у меня много разных имен. Называет и заглядывает в глаза, улыбается, черт бы его побрал! Как будто это я виновата в том, что он перестал быть мужчиной. Впрочем, на него грех обижаться, это типичная реакция калеки.

– В таком случае сдай его в богадельню, – предложил я грубо.

– Что ты, не могу – я же врач. Знаю, что такое эти дома инвалидов.

– И как же ты жила эти годы?

– Так и жила.

– Но ведь не могла ты быть все это время одна?

– Значит могла. То есть, нет, конечно – пыталась несколько раз изменить положение. Не получилось. Я почему-то невольно все время сравнивала этих мужчин с мужем, и что совсем ненормально, стала находить между ними немало общего.

– Тогда зачем ты дала мне визитку?

– Черт, да откуда я знаю. Когда ты сегодня позвонил, я вообще потерялась, как девочка. Давай-ка выпьем еще, налей мне, пожалуйста.

– А с кем он оставался, когда вы уезжали к отцу?

– Господи, ты ходячий вопросник. Наняла сиделку, одну знакомую медсестру. Потом она призналась: если бы не наше знакомство, ушла бы на следующий день, так достал он ее своими мерзкими выходками.

– Какими выходками?

– Нет, ты невыносим. Пойду приготовлю кофе.

Она поднялась, но я остановил ее, силой усадив к себе на колени. Она вздохнула, погладила меня по щеке и сказала:

– Ну и черт с ним – помоги мне раздеться.

Она стала приезжать ко мне. Приезжала обычно по вечерам, часа на три-четыре, и не было никакой возможности оставить ее до утра.

– Что ты, не могу, – сказала она как-то на мою просьбу остаться. – Он хоть и калека, но в пьяном виде может перепугать ее до смерти. – И подумав, спокойно добавила: – Если он что-нибудь сделает с ней, я отравлю его, не задумываясь.

Выпивать она стала реже.

– Ты не беспокойся, – говорила она после двух рюмок коньяку, садясь ко мне на колени. – Я вполне себя контролирую. Просто раньше я выпивала с горя, а теперь... Чувствуешь разницу? – и смеялась, прижималась ко мне и гладила меня по щеке. Иногда, лежа в кровати и глядя в окно, она о чем-то задумывалась, и если я тревожил ее, переводила взгляд на меня и говорила что-нибудь примерно такое:

– А если бы в тот вечер ты не встретил Царегородцева? Неужели мы тоже не встретились бы? Раньше я даже думать об этом боялась. А теперь нет. Я верю, что для нашей встречи было предначертание. А ты?

Я садился рядом, целовал ее глаза, целовал теплые, удивительные своим вкусом губы и отвечал:

– Ты права, мы бы все равно когда-нибудь встретились. На улице, в трамвае, на прогулочном катере – для меня это ясно, как Божий день.

Однажды она неожиданно позвонила мне до обеда, чего обычно не делала. Мы расстались с ней поздно вечером. Я отвез ее домой и, вернувшись, заснул только под утро – просматривал свою переписку с В. Астафьевым и кое-что отобрал для газеты, готовившей материал на смерть этого достойного человека. Сонный, я прижал трубку к уху и услышал в ней характерный шум города: приглушенные звуки автомобильных сигналов, чьи-то отдаленные голоса.

– Если ты спишь, – сказала она вместо приветствия, – а я думаю, что это так, то встань и подойди к окну, посмотри какая чудесная погода. Просто чудо какое-то. Ночью выпал снег, а сейчас мороз и солнышко. Мы с Настей ходили за билетами в цирк, теперь гуляем в Монастырском саду, у самой площади. Не хочешь нас повидать?

Прогоняя сон, я потряс головой.

– Я-то хочу. А вот Настя – она еще не забыла меня?

Она рассмеялась.

– Успокойся, тебя забыть нелегко. Заодно можно перекусить где-нибудь, например, в том баре, помнишь? У меня к нему особое чувство. А у тебя?

– Отлично. Ждите в баре, иду одеваться.

Когда я вошел в зал, они сидели за столиком в самом углу, друг против друга, пили кофе и закусывали бутербродами. Хозяйка тоже была на месте – обслуживала у стойки клиента, с тихой улыбкой поглядывая на них, еще более располневшая и медлительная.

– Привет, – сказала она, едва я уселся. – Ты знаешь, она сразу узнала нас, а ведь прошло столько времени – так что пришлось извиниться за твою выходку. Поболтали немного. Скоро родит, это будет третий ребенок. Сильная женщина, просто удивляюсь таким. Я бы, например, ни за что не решилась... – и она задумчиво прищурила на меня глаза. – А ты как думаешь, не поздно мне подарить Насте братика?

Ее серебристая лисья шубка была распахнута, темный шарф лежал на плечах. И у меня сердце сжалось от любви к этой женщине с алыми прозрачными пятнами на щеках, с русыми волосами, упавшими на высокий лоб, и зелеными прищуренными глазами, задумчиво глядевшими на меня и, как мне казалось, совсем не требующими ответа.

– Конечно, не поздно, – неожиданно заявила Настя и в наступившей тишине совсем не по-детски вздохнула. Потом сняла с головы лебяжью шапочку, из-под которой волной скатились золотистые кудри, взрослым движением откинула их на плечо, и добавила, исподлобья оглядев нас обоих: – Раз вы теперь любовники...

– Ну как тебе этот милый ребенок? – сказала она с непонятной усмешкой, и прикурила от зажигалки. – Может, сделаем ей подарок?

Голова у меня пошла кругом – я терялся в догадках.

– Ты... Ты не шутишь?

Она смотрела на меня не мигая.

– А что?

– Нет, ты это серьезно?

– Ладно, я пошутила. Но мне всегда хотелось иметь сына. Представляешь, как это было бы здорово. Иногда я даже воображаю его себе – таким славным, внимательным...

– И с такими же синими глазами, как у него? – безучастно вставила Настя, продолжая исподлобья глядеть на меня.

– Что это с тобой сегодня? – сказала Маша и наклонилась к ней, облокотившись на стол.

– Почему ты не позвонил? – едва слышно спросила Настя, и ее пушистые ресницы затрепетали. – Ты же мне обещал. Я ждала, ждала.

– Господи, девочка! – воскликнула Маша, взяв ее за руки. – Он звонил, это я виновата. Что же ты, милая, ни разу не спросила меня о нем?

Тут Настя отвела от меня глаза и застенчиво прошептала:

– Я подумала, может он сам вспомнит. Правду ты говорила, что все мужчины одинаковы и заняты только собой...

Как-то в конце зимы мы побывали у Царегородцева, закатились к нему уже ночью, осыпанные искрящимся снегом – и он только глаза расширил от радостного изумления, когда она встала на цыпочки и, смеясь, стала целовать его в щеки, а потом ласково прильнула к нему.

– Царегородцев, милый, если бы ты знал, как я люблю тебя за то, что ты шлялся в ту ночь под дождем. Царегородцев, где твоя женщина? Ах, вот вы где. Дайте я поцелую вас, милая.

И Юля, на которой из одежды была только рубашка Царегородцева, с умирающими глазами подставила щеку и, глядя морозный мех ее шубки, восторженно прошептала:

– А вы Маша? Вы и есть та самая Маша? О Боже, как это все романтично...

В ту ночь она впервые осталась у меня до утра.

Сейчас, когда я приблизился к финальной части рассказа и восстанавливаю в памяти события того февральского дня, у меня снова начинают дрожать руки, и чтобы унять эту дрожь, я выпиваю рюмку водки, подхожу к окну и закуриваю сигарету. Сейчас тоже февраль, и тоже падает снег – он падает отвесно и медленно, так медленно, будто собирается совсем остановиться, и постепенно я успокаиваюсь, возвращаюсь к столу...

Почему она осталась в ту ночь у меня? Трудно сказать. Утром я повез ее на такси домой – и попали мы как раз на пепелище. Пожарные орудовали внутри дома, а из трех выбитых окон пятого этажа, что выходили на фасад, все еще валил дым. У подъезда плакала пожилая женщина, рядом стояли двое пожарных и милиционер без шапки, а на углу машина скорой помощи. Мы выскочили из машины одновременно с двух сторон. Сбив с ног одного пожарного, она бросилась в подъезд, но милиционер успел обхватить ее сзади и приподнял, пытаясь прижать к стене. Она закричала, лицо ее стало страшным. Подоспевшие врачи быстро вкололи ей что-то, под руки усадили в машину и увезли. Все это произошло так стремительно, что я даже опомниться не успел.

Позже я узнал: причиной оказался пьяный отец – то ли уронил зажженную спичку, то ли бросил тлеющий окурок на ковер у кровати. Он и погиб первый. А Настя, вероятно, была жива до последних минут, но пожарные не успели – она надыхалась угарного газа и умерла, находясь в своей комнате под кроватью. Там и нашли ее вместе с плюшевым медвежонком, которого она обнимала за шею.

Доктор Потоцкий прилетел на следующий день и сразу после похорон увез Машу в Гамбург, мне она даже не позвонила. Да и зачем? Как тут ни суди, а во всем виноват был я. Ведь если бы не тот злополучный вечер, когда мы встретились с Царегородцевым, ничего бы этого не случилось.

– Случайных встреч не бывает, – сказала однажды она. – Для нашей встречи было предназначение. Я верю в это. А ты?

– Чье предназначение, Маша? Чье?

Прошло чуть больше полугода. Я жил как во сне, с тошнотворным чувством вины, медленно спиваясь и падая все ниже и ниже. И напрасно Царегородцев вместе с доброй Юлей всячески пытались образумить меня. Жизнь потеряла смысл и не вызывала во мне ничего, кроме тяжелой усталости.

Однажды осенним вечером раздался телефонный звонок. Пьяный от бессонницы, я снял трубку, спросил «какого черта?» – и мне тихо ответили:

– Добрый вечер, Хемингуэй. Не хочешь взглянуть на сына?

ПОЭЗИЯ

*****

Елена ДУЛОВА

Малая родина

Сибирский город не был молодым.
Зелёных улиц сказочные арки
Весной благоухали нежно-сладким
И окунали в белых яблонь дым,
В сиреневый туман, в зелёный шум.
Дощатых тротуаров скрип натужный
Рассказывал про гвоздики и лужи,
Был говорливым от июльских дум.
Нас улица встречала теплотой
Бревенчатых осанистых домишек,
С калиток выбегавших ребятишек,
Влекла по школам шумною гурьбой.
А в палисадах ландыши цвели,
Саранки, астры, диво-георгины.
И мы, любуясь будто на витрины,
С уроков не спеша домой брели.
И выросли из старых городов
Со скрипом петель у косой калитки,
И тротуар – уже в бетонной плитке,
Пищит приветно сторож-домофон.
Считаем в новостройках этажи.
Сбербанк онлайн... (полжизни в телефоне)...
Но памяти серебряные кони
Летят назад, где ландыши в тиши...

* * *

Как ты живёшь? С чем утро входит в дом?
О чем поёт метель, с чего вскипает чайник?
А долетают ли к тебе мои печали?
И просыпается ли память о былом?
Листая дни в томах насущных дел,
Щемит ли сердце, пустоты коснувшись?
Рассвет ты замечаешь? – Он потухший,
И снег поблёк, повсюду просто мел.
Всем краскам будто не хватает сил
Увидеть солнце, отразиться в звёздах.
Ритм обесточен. Проза, проза, проза.
И словно кто-то радость погасил...

Оттепель

Декабрьский дождь за оттепелью шёл.
Залил слезами снег и тротуары,
Дорожки леденеющим муаром
Накрыл тончайший и прозрачный шёлк.
Стонал на крышах к вечеру металл,
Карнизы плакали, и в палисадник-дворик
Летел ничком, как будто пьяный дворник,
Очередной ледовый капитал.

Такое чувство, словно отмечать
Двенадцать месяцев какой-то праздник сели –
Июнь, май, август, март с хмельным апрелем.
Наверно, кто-то чуда сгоряча
Так сильно ждал (ковидом удручён) –
Подснежников, мечты и зимней сказки,
Сломать запреты, уничтожить маски,
А силу мысли просто не учёл.
И что же завтра?
Завтра будет май!
Похоже, в чудо верить всё же нужно.
Корзинку разыщу – и в лес по лужам,
К подснежникам...
Прости, меня, зима.

Подзарядка

Утро ткнулось в занавеску,
Обходя печаль.
Буквы льются в эсэмэску:
«Приходи на чай».

Этим зыбким утром ранним
Натянулась нить,
Отпустить поводья надо
И поговорить.

Блюдца к чашкам – устарело –
Позабытый звон.
Парность душ и парность тела –
Основной закон.

Подзарядка от ладони
О твоё плечо –
И поговорить спокойно.
Просто...
Ни о чём.

Снегопад

С высоких врат распахнутого неба
Летели крошки хлопковой халвы,
Пшеничной булки, сахарного хлеба,
Ища приюта в странах меховых.
Но не ванилью пахли, а ручьями,
Дождём осенним, утренней росой,
Непринуждённо падали, журчали
Безмолвием, целуя мне лицо.

Ностальгия

*«Годы табуном несутся вдаль,
Вслед смотрю – поворотить?*

Да где уж.

Гул земли, позвякивает сталь...»

...Потеплее на ноги наденешь

Вязаные тапочки-следки.

Абажур, очки, искусство слога:

«Прыть с конями унесла годки

Лёгкость, безрассудство эпилога...»

И стекло заплачет от дождя –

Осень редко щурится от солнца.

Снежный скарб небесная ладья,

На ветрах скользят, несёт к оконцу.

И как в детстве, сидя у окна,

Ждешь, когда вернутся мама

с папой.

Памяти немая пелена

Прошлое напомнит:

Вечер, лампа...

Здесь светло, в окне – теней оскал.

Скрип крыльца, шагов тугая

поступь,

Ключ в замке защёлкал, застонал,

Сердце рвётся радостно и остро.

И тепло. Хоть мамино пальто

Из снежинок и росы дождливой.

«Зайчик передал!»

Я вижу, что

Сидя на пеньке, он боязливо

Лапкой держит горсточку конфет –

Белый ангел с добрыми глазами.

Плачет дождь, стуча в стеклопакет

Крупными осенними слезами...

Когда я буду там

Когда я буду там, на высоте,

Откуда дождь, и снег, и зной приходит,

К тебе приду я тенью на холсте,

Осколком солнца в пасмурной погоде.

Улыбкой тихо лягу на устах,

Чуть-чуть морщин черкну от глаз по краю,

Любимых строк немного прочитаю,

Что отзовутся эхом в трели птах.

Я буду целовать теплом луча.

В дождливом ритме попрошу прощенья.

Пусть мало сердцу в знаках утешенья,

Но так случилось. Съела воск свеча.

Я ветром стану гладить, целовать.

Дарить конфеты радостных моментов

И мимолетность лёгких комплиментов

Тебе напомнят любящую мать.

Когда я буду там, на высоте,

Уйду на повышение земное –

Я всё равно век проживу с тобою

Среди стихов, любви и этих стен.

Эйфория

Внедорожника мощь. Светофора цвета,
Плавно газ – и шипами по горке.
«Шестьдесят» – городская велит суета.
Но «сто двадцать» – табло на подкорке.

И качели держать на балансе нет сил,
А за рамками – беды и морок.
Шашлыка бы на завтрак, эмоций вкусив,
Но обычно там кофе и творог.

Эндорфины под печень забились и ждут –
Не вломили б за шалости клизмы.
Жёлтый... газу... обгон... отрываюсь от пут.
И пишу по пути эйфоризмы!

Когнитивный диссонанс

Прекрасный вид отсюда,
со скалы,
на горизонта синий гобелен.
Здесь,
с этих мест,
слетают вниз орлы,
да небо задевают камни стен.

И каждый путник, с свитой иль без,
как на ладони, с точкою сравним,
минуя реку, каменный отвес,
уже знаком характером своим.

Забава эта,
впрочем, чуть скучна –
хотя у замка список мал свобод –
есть ветер перемен и тишина,
и плачущий о ком-то небосвод.

И мой дракон,
Подобный янтарю.
За эти годы – неотступный раб,
подогревает чашу для фондю
и зажигает к ночи факела.

Он аккуратно надувает жаб,
И я смеюсь от их глупейших «лиц»,
а он с усмешкой – вот вам и пуш-ап!
Готовьтесь – вон ползёт наследный
принц!
По вечерам под миллиардом звёзд –
стейк на копье иль птица на углях...
А я молю – хоть чёрт бы не принёс
желающих меня повызволить...

Первое января

Утро крадётся рассветною кошкой,
Лапою сумерки с окон смахнув.
Эхом салютов хрустальная крошка
Дремлет гирляндой в еловом плену.

Детская поступь встревожит соседей.
Сонные веки с покоем в ладу.
Спят в рваных шубках соленые сельди
В самое тихое утро в году.

ПРОЗА

*****

Сергей БЕЛКИН

СОВЕСТЬ

В поезд, отправлявшийся по маршруту Свердловск – Нижневартовск, садились дождливой ночью. Билеты достались только в общий вагон – в те давние, как теперь принято называть, «советские» времена это было делом вполне обычным. Народу набилось – повернуться негде. В крайнем купе (если назвать так отсек общего вагона с тремя «сидячими» нижними полками, не считая «лежачих» верхних) оказались занятыми все девять мест.

Пока рассовывали по багажным полкам чемоданы – галдели, сопели, мешали друг другу. Наконец устроились, утомонились. Ждали отправки. Бородатый светловолосый мужичок средних лет, которого я заметил ещё в зале ожидания свердловского вокзала, сняв намокший дождевик, присел было на нижней полке с краю. Но вскоре поднялся и, забросив свёрнутый плащ на пока ещё незанятую верхнюю полку, взгромоздился туда же и сам. Улёгся, положив под голову тощий вещмешок.

Стоявшая до этого в проходе девушка в зелёной куртке, заправленных в резиновые сапоги трикотажных брюках с белыми полосками по бокам и повязанной на голове темной косынке робко присела на освободившееся после бородача место. Примостившись на самом краешке, как будто боясь потеснить соседей, осторожно выпростала из-под промокшей косынки две жиденькие косички и как-то слишком сосредоточенно стала рассматривать свою ладонь, на которой виднелись тёмные пятнышки мозолей.

Рядом со мной на нижнем боковом месте расположилась моложавая женщина с девочкой лет четырёх. Женщина была чем-то расстроена – как выяснилось, не совсем удачной поездкой: муж со старшим сыном ехали в этом же поезде, но в другом вагоне. Дочка хныкала, расстроенная мать нервничала, стараясь утихомирить девочку, раздражённо потряхивала её на коленях.

За вагонным окном по мокрому, блестящему от фонарей перрону сновали припоздавшие к началу посадки пассажиры и провожающие. Вокзальные часы показывали половину двенадцатого. Поезд отправлялся через пять минут.

В вагоне то и дело гасли тускло мерцавшие под потолком светильники, наступала почти полная темнота. Проводница ходила по вагону с фонариком, проверяла билеты. Людей было много – пропустить кого-либо было немудрено. Поезд наконец тронулся, освещение стало нормальным. Голос проводницы слышался уже в конце вагона. В купе оживились, расслабленно завздохали, оказавшаяся у противоположного окна «везучая» пожилая пара неторопливо выкладывала из саквояжа на свободный столик нехитрую домашнюю провизию.

Девочка, не перестававшая до этого кукситься, сидя на маминых коленях, тормошила мать:

– Мама, а мама! Мы море увидим? Увидим, да, мама?

– Увидим-увидим, – мать явно не хотела огорчать дочь.

- А когда оно будет?
- Скоро, доча, скоро.
- А какое оно, море? Большое?
- Большое.
- И черное? Бывает ведь черное, бывает, да, мама?
- Увидим и черное, и синее. Всё увидим.

Забравшись по примеру бородатого попутчика на верхнюю боковую полку и освободив своё нижнее место для мамы с дочкой, я невольно прислушивался к их забавному диалогу.

- Вот ты сейчас поспишь, потом встанешь – и будет море.
- Только ты разбуди меня, ладно?
- Хорошо-хорошо, договорились, разбужу.
- Я только маленько посплю, я не хочу много.
- Ну ложись давай, вот так, закрывай глазки. Спи, моя хорошая. Утром папа с Андрюшей придут. Вместе будем море смотреть.

Девчущка смиренно лежала с открытыми глазами, ни о чём больше не спрашивала. Потом повернулась на бок, подложила под щёку ладошку и скоро уснула. Однако спокойно спала недолго. На жестком сиденье спать было неудобно, девочка во сне ворочалась. Сморённая сном и усталостью мать, сидя рядом, поминутно вздрагивала, осторожно отодвигала дочь от края.

Забылся в полудрёме и я. Разбуженный через какое-то время вошедшими на очередной станции громогласными «мешочниками», глянув вниз, увидел такую картину: та самая невзрачная девушка с косичками, почти девчонка, бережно держала спящую у неё на коленях девчущку и, чуть склонившись над ней, прикрывала собой от падающего сверху света. Намучившаяся мать, прикорнув в своём углу, казалось, спала.

Вагон то слегка покачивало, то начинало изрядно болтать. За окнами чернела густая осенняя ночь. Появившийся в проходе бородач – выходил, видимо, в ближний тамбур покурить – постоял, задумчиво глядя на девушку с ребёнком на коленях, потом легко забрался на прежнее место. Смотрел уже оттуда. На вид ему можно было дать лет сорок – возможно, борода его старила, но сложением он походил на подростка: невысокий, поджарый, ловкий. Серый свитер крупной вязки был ему великоват, из закатанных по локоть рукавов, будто из раструбов, торчали обветренные жилистые руки. Скорей всего он был из того командированного люда, вся жизнь которого проходила тогда в бесконечных переездах по нашим северным стройкам.

– У всех билеты есть? – спросил нестрого, чуть озабоченно возникший в проходе высокий мужчина в форменной одежде. В купе было тихо.

– У всех, значит... – мужчина двинулся дальше, равнодушно скользя взглядом по сонным лицам, смутно белеющим в полумраке вагона. Следом за ним шла и уже знакомая всем проводница.

– У меня!

Почти все, кто не спал, невольно повернулись на этот негромкий возглас.

– У меня! – срывающимся голосом повторила девушка в зелёной куртке.

– Что у тебя? – ревизор вернулся, недоумевающе посмотрел на молоденькую пассажирку с ребёнком на руках.

– Билета нет... – голос девушки дрожал, чувствовалось – она готова разреветься.

– Почему нет? – мужчина уже строго и подозрительно посмотрел на вагонную проводницу. Та стояла в растерянности, изумлённо переводила взгляд то на бригадира, то на пассажирку. Наконец пришла в себя:

– Как нет? У всех же были. Ты что, дорогуша? – склонилась к девушке, будто пытаясь получше её разглядеть. Та молчала. Головы не опустила, смотрела прямо перед собой.

– Придётся пройти со мной, – бесстрастно сказал мужчина. Девушка встала, осторожно передала девочку матери. Пошла за бригадиром.

– Вот сучка! Подвела-то как. Молчала бы уж! Он прошел бы и всё, – проводница оглядела пассажиров, как будто ища какой-то поддержки.

– То я и смотрю: схватила Светку и не отпускает, – подала голос молодая мамаша. – Теперь понятно, зачем это ей. Замаскировалась, чтоб не тревожили лишний раз.

– Так никто же за язык не тянул, – продолжила своё проводница. – Припухла бы уж. Ну сучка! Вернётся, я с ней поговорю...

– Надо-надо ей, бессовестной, мозги прочистить, – поддакнула мамаша. – Да она поди не вернётся. Стыд-то должен быть.

Однако девушка вскоре вернулась. Молча села на прежнее место.

– Ну, разобрались? – участливо спросил сверху бородач.

Девушка, всё так же пристально разглядывая свою ладошку, молча кивнула.

– Штраф заплатила?

– Умгу, – не поднимая глаз, опять кивнула девушка.

– Зачем ты ему сказала-то? – неожиданно ласково заговорила женщина с девочкой на руках. – Он же не требовал, спросил только. Можно было не говорить.

– Сказала и всё! – девушка повернула раскрасневшееся лицо к свету, глаза её влажно блестели. – Вам-то какое дело?

– Да ты не расстраивайся, девка, – пробасил бородач. – Ну сказала. Не могла значит не сказать. Не привыкла пока.

– К чему тут привыкать? – обиженно поджав губы, спросила мамаша, в голосе которой уже не было доброжелательности. Видно, неожиданная дерзость девчонки её задела.

– Врать-то, говорю, пока ещё тяжело. Ты, девка, из деревни, я вижу. Ничего, привыкнешь. Все привыкают... – бородач свесил голову с полки, поглядел в темное окно, потом перевёл взгляд на сторбленную фигурку девушки и добавил глухо, словно не очень хотел, чтобы его слышали все: – А может, и не привыкнешь. Дай-то Бог...

– Скажут тоже – привыкают... – хмыкнула молодая мать, укладывая дочку рядом с собой.

– Именно! – бородатый приподнялся на локте. – Вот вы...

– Что я? – насторожённо перебила женщина, подняв голову и искоса глянув на верхнюю полку.

– Вот вы, говорю... Так привыкли, что и не замечаете уже, когда врёте, даже не задумываясь.

У женщины брови вверх поползли – такого она явно не ожидала.

– Елозите вы перед всеми – вот в чём вся штука, – с нажимом продолжил бородач. – А чтобы всем угодить, всегда врать приходится – словами ли, поступками... И не надо на меня так тарашиться! Девка вот соврать не смогла, а вы её как... Проводница-то как её обозвала? Язык не поворачивается повторить. И ты туда же – про стыд заговорила, про совесть. А девчонке совесть-то и не дала смолчать...

– Как с цепи сорвутся прямо и несут черт-те что, – пробурчала женщина и принялась поправлять под головой всё ещё не спящей дочки свёрнутое пальтишко. Решила, видимо, не ввязываться в полемику.

На голоса пришла проводница. Увидела безбилетницу, состроила ничего хорошего не предвещавшую улыбку:

– Пришла, дорогуша! Зайдём-ка ко мне на минутку...

Девушка поднялась, как будто виновато посмотрев почему-то на бородача, пошла за проводницей.

– Эх, люди!.. – вздохнул бородач. Остальные промолчали.

– А ты, мамаша, – снова негромко, но с прежним нажимом заговорил бородач, – если ещё раз скажешь Светке своей...

– Что?!

– Если ещё раз про море соврёшь...

– Ну-ну, что будет-то?

– Увидишь когда-нибудь, да как бы поздно не оказалось. Сейчас-то тебе этого не понять, а объяснять, вижу, бесполезно... – бородач повернулся лицом к стенке, и больше его никто не слышал. Была уже поздняя ночь, измотанные пассажиры дремали, кое-как притулившись кто где мог.

...Утром, проходя по вагону, проводница – немолодая усталая женщина с добрым деревенским лицом – возле наших мест задержалась:

– У вас, что ли, девчонка-то сидела?

– Безбилетная? Ну у нас, у нас! А мы потом не видали ее, не приходила больше. Высадили, что ли?

– Оставила ее у себя. Часок, наверно, поспала, потом сошла в Талице, – проводница присела на свободное боковое место, положила руки перед собой на поднятый столик (к утру народу в вагоне стало поменьше), сцепив пальцы, помолчала.

– Жалко её, дурёху. Сто рублей домой везла. В городе на строительстве работали, от училища. Ну и получили – месяца за полтора, за сколько ли там. Ей сотенную выдали. Она и задумала сторублёвку-то сохранить. А кроме этих денег была ещё у неё какая-то мелочь, но на билет не хватало. У товарищей постеснялась занять: только что получила, и сразу – просить! А ей охота, значит, привезти домой целую бумажку – спасу нет, как охота. Семья, видать, большая. Отца нету. Она старшая. Сотенных, может, и в руках не держивали. А тут первая заработанная! Можно девку понять. Вот и решила... на преступление.

Пассажиры, слушая рассказ проводницы, смотрели на неё поначалу как будто даже с некоторым недоверием. Задумчиво покачивая головой, женщина облегчённо вздохнула:

– Да не выдержала вот... Светлая душонка-то!

– Ну и что теперь, разменять пришлось? – спросил кто-то, высунувшись из-за вагонной перегородки.

– Деньгу-то разменяла... Зато совесть сохранила. Когда открылась мне вот так-то, как рассказываю, я и вспомнила, что у меня, пожалуй, две полу-сотенные найдутся. Хоть не одной бумажкой, а всё равно крупными. И вот сколько ей этой ночью пережить пришлось, а всё крепилась, даже головы вроде не повесила. Но тут, верите, нет, сую ей деньги, а она ревет. Говорю ей: что ж ты, дурёха, ревьешь, я же просто твои остатки мелкие – пятёрки с десятками – заменить предлагаю, радоваться же надо. А сама... тоже реву.

У проводницы голос вдруг сел, и она даже будто невидимую слезу смахнула. Медленно поднялась, но не уходила, стояла в раздумье, смотрела в окно: поезд подходил к небольшой станции.

– Так со слезами и уснула у меня. Перед Талицей разбудила её – она снова в слезы, ревет да обнимает меня: тётя Маша, говорит, тётя Маша! А я ей: не плачь, дочка, не плачь...

Проводница достала платок, высморкалась, часто моргая влажными глазами, повернулась и пошла к себе – надо было готовиться выпустить уже приехавших да принять свежих уезжающих. Остававшиеся в вагоне «свидетели», казалось, теперь уже как-то по-особому просветленно молчали. Даже давно проснувшаяся Светка притихла рядом с матерью.

На станции поезд стоял недолго. Вскоре станционные постройки остались позади, и только по шоссе дороге, что тянулась вниз вдоль железнодорожной насыпи, неслись поначалу соперничающие с поездом в скорости гружёные машины. Вдали блеснула излуцина реки.

– Мама, это море, да? – с надеждой спросила Светка.

– Нет, доча, это не море, это речка.

На небольшом мосту колёса звонче и даже будто бы чаще обычного простучали по стыкам рельсов, за вагонными окнами сплошной тенью промелькнули металлические укосины, и вновь возникло глухое, как прежде – размеренное, постукивание колёсных пар. Взгляду открылось плавное встречное кружение опустевших полей и желтеющего вдали перелеска. После внезапного грохота и мельтешения казалось, будто поезд сбавил вдруг ход.

– Мама, а вон там – море?

– Нет, доча, это какая-то большая-пребольшая лужа...

Про бородача, который сошел с поезда ранним утром, вслух никто не вспоминал.

ПОЭЗИЯ

*****

Евгений ШИРЯК

Вокзал

Я случайно пришёл на вокзал, где живут на бегу поезда
И особый тревожащий запах колёсного пота.
Чемоданы таскают людей. Семафором мигает звезда,
Словно азбукой Морзе пытается вызвать кого-то.

Над предчувствием встреч и разлук, неизбежностью долгих путей
Нависает немывтым стеклом грязно-серое небо.
В расписаньи – сплошные дожди, и не будет хороших вестей,
Ожидать их от всех позабытых ну просто нелепо...

Как давно я замкнул горизонт. Он застыл, нету сил разорвать
Бег привычной сермяжной петли от работы до дома.
А когда-то хотелось любить, а когда-то мечталось летать.
И конечно же, жить, но не так, а совсем по-другому.

Отчего же тревожит вокзал, через душу летят поезда,
Как по нервам бегут провода обжигающим током?
Значит что-то ещё впереди, и моя не погасла звезда.
Звёзд на небе не счесть, почему же моя одинока?

Падший ангел

Все, что будет потом, это будет, наверное, поздно.
Проклиная свой крест, но притом никого не виня,
Я держался, как мог, я цеплялся зубами за воздух.
Жаль что воздух без крыльев, уже не спасает меня.

Не пытался сбежать, и свою понимая природу,
От небесного кормчего вновь принимая узду,
Я пытался стоять, опираясь ступнями о воду,
Только с этой стихией я часто бывал не в ладу.

Зла усмешка земли, что плевала в меня валунами,
Словно взлёт воробья... Только в этом вины моей нет.
Не тянул за язык, но старался хвататься за пламя,
Как смешной мотылёк, что до смерти стремится на свет.

Да, я помню – без воли богов не падёт даже волос.
И с покорностью кроткой приму и суму, и тюрьму...
Но кричу в небеса, надрывая ослабленный голос:
– Я полвечности здесь! Если нужен – то где и кому?

* * *

Колдовские зелья научу
Под луною полною варить,
И скользить по тонкому лучу,
Шепотом стихами говорить.

Голубей с ладони выпускать,
Кошкой смотреть на короля,
Верить, и бороться, и искать,
Слышать, как вращается Земля,

Доверять строительство дворцов
Мокрому прибрежному песку...
Всё тебе поведать я готов,
Только не желаю про тоску.

Пробегать по острому ножу,
Остужать рассерженную кровь –
Я про всё на свете расскажу,
Только не умею про любовь...

теЖду...

Говори мне! Так трудно без внешнего голоса...
Тихий шорох в динамике – хуже, чем просто молчание.
Как пройти по мосту, что больше крученого волоса?
Увернуться от вечности и не свалиться в отчаянье?

Не давай мне остаться с собой – я к себе недоверчивый.
Слишком много я знаю в себе апокрифов затерянных.
Душу ложкой мешая в котле – пересоль переперчена,
Вдруг, промыта водой, станет постной, растерянной?

Я не верю себе. А судьбе? Не встречал, чтобы свериться,
И в глаза заглянуть, отраженьем смиряя сомнение.
Что ж, тогда улетай, чтоб жар-птицей в полнеба распериться...
Долог путь сквозь Петра с Иоанном к Евгению.

* * *

Где играют водой перекаты,
И гранит бриллианты река,
Я пришел, чтоб ребёнком поплакать
В колыбели речного песка.

Длится век, и весна не приходит,
Игнорируя времени бег.
Ветер старыми руслами бродит,
Изменяя течение рек...

Доверяться соседям не стоит.
Первородным дыханьем богов
Одиночество грусть упокоит
Мимоходом, тихонько, без слов...

И спускается ночь понемногу.
Словно заяц от ночи бегу.
Чьи-то звёзды бессмертному богу
Зажигают на том берегу.

Мы втроем – я, вселенная, осень.
Сброшен груз неудач и побед.
Мне легко, пусть ветрами заносит
На песке отпечатанный след.

И сквозь самые дальние дали
Проникает тот ласковый свет.
Обернуться? Остаться? Едва ли...
Я бегу, а усталости нет...

Зима в Париже

В пустой запылённой квартире
Под кровельной крышей Парижа
Два славных смешных человека
Лежали в сплетённых объятьях.
А рядом растерянный ангел,
Не в силах забраться повыше,
Печалюсь и шмыгая носом,
В ладонях держал её платье.

Спешили прохожие мимо,
Гонимые белой метелью,
И в летних открытых кофейнях
Гостей разогнало ненастье.
Застыла зима над Парижем...
Но двое на смятой постели,
Забыв о прогнозах погоды,
Опять умирали от счастья.

Я твёрдо забыл её имя
И скрылся в гостиничном баре,
Баюкая рюмку «Мартеля»,
Предчувствуя горечь дороги.

Но глупый растерянный ангел,
Моё привлекая вниманье,
Прилюдно меня оскорбляя,
Мне платье бросает под ноги...

Смыкаю опухшие веки –
Оставьте, всё поздно, всё пусто.
Не ангел ты, бес-искуситель,
Но ты одного не заметил:
Что я не из этой вселенной...
Погасли и высохли чувства,
Вот-вот остановится сердце,
И я оторвусь от планеты.

И что для меня эти двое,
И это ненастье и сплетни.
Коньяк благородный в бокале,
И снег на парижской брусчатке?
Я скоро уйду... Я-то знаю –
Чудес не бывает на свете.
Я сплю... Ухожу... Леденею
Отброшенной в лужу перчаткой...

* * *

Хочется мелодии, чтобы не берёдила.
Слов – как колыбельная, – дрёма да покой...
Хоть насилуй радио, хоть спонсируй медиа,
Много кнопок в пультике – но канал не мой.

Как-то не включается то, что больше хочется,
То, чем сердцу верится, чтоб душой прильнуть.
Снова вавилонское к небу лезет зодчество,
А потом обломками преграждает путь...

Свиристели

Засвистали-налетели
Злые птицы свиристели.
Свиристели – злые птицы,
Захотели покормиться.

Стали рвать с моих ладошек
Капли крови, клочья кожи
И в глаза смотреть тревожно:
– Ты не против? Значит можно?

Я ответил: что пристали,
Недоверчивая стая!
Я не против, рвите смело
Опротивевшее тело.

Недоверчивое сердце,
То, что жилы водкой с перцем
Вместо крови с молоком
Жжёт калёным кипятком.

Эти руки, что ни строчки
Не заполнили до точки.
Эти ноги, что до Бога
Не осилили дорогу.

Рвите, клюйте всё, что недо...
После вашего обеда
Стану легче на весах –
Принимайте, небеса...

Тот, кем...

Тишина... Солнце выставив краешком,
День проснулся былинкой в стогу.
Отражается в зеркале ранешнем
Тот, кем быть я уже не могу.

Тот, кого намечтал в одиночестве,
Добрый, сильный и ласковый зверь...
Моё имя, фамилия, отчество –
Пропись к датам «тогда» и «теперь».

Слух пропал, и потеряно зрение,
Зря дыханье своё берегу.
Пробежав от признанья к презрению,
Я пытаюсь уснуть на бегу.

Свет в глаза – воздух в лёгких сбивается.
Сердцем в рёбра с натугой стучу.
Рваной тенью на соснах мелькается
Тот, кем быть я теперь не хочу.

Не судьба мне забыться на облаке,
Пахнет чем-то больничным кровать.
Вдалеке растворяются облики.
Тех, кем мог бы когда-нибудь стать...

Тёплым ветром – улыбка прохожего,
Как ладошкой по волосам.
Воплотится в стремленьи к хорошему
Тот, кем стану когда-нибудь сам...

Медведь

К январю я бреду,
Как к берлоге медведь.
Вот спую и уйду,
Чтобы больше не петь,
Чтобы тихо лежать
У древесных корней
И не жить, не дышать,
Чтоб болело сильней.

Солью жгло через край,
Всё горело внутри.
Да звенело – вставай
И вокруг посмотри!
Одинокий рыбак

Над пустой полыньёй...
Что-то сделал не так.
Что-то сделал со мной.

– Ты диковинный зверь,
Чело-рыбо-медведь.
Хочешь – верь, хошь – не верь –
Снова сможешь запеть.

Леска вьётся из рук –
Я куплюсь на блесну.
Пусть медведь близорук –
Носом чует весну.

ПРОЗА

*****

Евгения ШАПИРО

ЖИЗНЬ БЕЗ ВЫБОРА

Так случилось, что в отпуск я отправилась одна. К морю я приезжала много раз, но всегда с мужем и дочкой. Дочь стала взрослой, отпуск теперь проводила со своей семьёй, а Лёшу не отпустили на работе.

Доехала без происшествий, устроилась в отдельном номере. Сумку не стала разбирать, решила дойти до моря.

Обычно я море как декорацию к общему действию воспринимала: люди загорают, купаются, копошатся. А оно ко всем должно проявить внимание: покачать на волнах, поиграть в догонялки с убегающими от волны карапузами, осторожно лизнуть их за пятки да умудриться при этом не смыть построенные на берегу песчаные замки. И я рядом с морем, но почти не замечая: смотрю, чтобы не опрокинуло волной дочь, чтобы каждый миг виднелась голова мужа, заплывшего за буёк.

Так и получилось, что много раз видела, а первый раз наедине с морем оказалась. Растерялась.

Волна с шумом прибежала, вздыбилась, на миг остановилась, замерла в любопытстве первой встречи, словно раздумывала, достойна ли я внимания. Потом демонстративно громко обрушилась вниз, отвернулась и убежала восвояси в море. Словно в бесконечности своего существования, море утратило интерес к надоевшим непрошеным гостям.

Но волна снова возвратилась, мол, раз ты пришла, то я, море, готово поговорить. Внутри меня заглянуло: что беспокоит?

Всё тебе рассказать? Мало ли какие вопросы у меня внутри? Это секрет. Я их и себе не озвучиваю. А с тобой мы совсем не знакомы. И вдруг расплакалась, как в детстве от обиды. Но молчу.

Море в ответ слегка заштормило, сердито забурчало, бликами солнечными усмехнулось – никакого понимания между нами.

Но каждый день шла к нему навстречу. Заведено здесь так. А иначе зачем приезжала? Потом начала в одном ритме с ним дышать: вверх поднялась волна – вдох, вниз упала – медленный выдох. Может, так и полюблю море, не с первого взгляда.

Обратные билеты были куплены ещё дома, муж с дочкой звонили регулярно, поэтому совершенно ни о чём серьёзном не думала: солнце, море, ветер.

Последний день отдыха: поезд завтра утром. Собрала вещи, пошла к морю прощаться. На скамейку села, смотрю на волны обманчивые: бегут без конца, а сами с места не трогаются. Слова придумываю, что им сейчас скажу.

Мужчина подошёл и загородил весь вид на море. С кем и как я теперь прощаться стану словами, пока не найденными? Терпеливо жду, а он ни с места. Глаза поднимаю – и не верю самой себе. Сердце часто-часто затрепетало. Толя. Первая любовь моя.

– Таечка, ты?

– Вот это сюрприз!

– А я, дурак, стою столбом и боюсь спросить эту серьёзную женщину, не она ли моя озорная подружка из детства?

– Что, совсем не узнать? Хотя бы притворился, сказал, что мало изменилась.

– Так ты и не изменилась, лишь узнать трудно.

В общем, морю не досталось от меня слов прощальных. Надо же, как совпало: Толя первый день как на отдых приехал, а я последний здесь провожу – пересеклись случайно. Хотя я не верю в такие случайности – подарок судьбы. Решили отметить событие в кафе. Зашли в его номер, чтобы он переоделся, да так и остались там. Нам же не столько застолье надо было, сколько поговорить хотелось. Вспомнили проказы школьной юности.

Заговорили о своей сегодняшней жизни. Непостижимо, столько лет не виделись, а стали друг другу рассказывать такие мелочи, словно нам было необходимо высказать все недавние события, мысли. А всё то, что накопилось за десятки лет, пока мы не виделись, нас не интересовало. Или мы всё это время жили так, словно были друг с другом рядом? Не мысленно, а на подсознании, недоступном даже для нас самих?

Захотелось открыться в мыслях, для других неинтересных, но каждому для себя очень важных, потаённых. Мне казалось, что Толя поймёт меня. Как одиноко чувствую себя в последнее время, когда выросшая дочь стала жить своей семьёй отдельно. И даже встречи с внуком не возвращают ту близость, которую имеешь, живя одной семьёй. Как появилась холодность в отношениях с мужем, которую я приписывала моей болезни. Но даже улучшение в моём здоровье не привело его в нашу спальню. Словно он берёт мой покой. А я устала быть хрустальной вазой, стоящей в комнате напоказ. Нет, о спальне я, конечно, промолчала.

Толя один к морю приехал. С женой развёлся, дети отдельно живут. Он говорил, что вчера не состоялась встреча с партнёром, намечавшаяся по дороге сюда. Что надо быть всегда преуспевающим, тогда каждый на встречу примчится вовремя, а любая неудача в бизнесе отодвигает случайных людей на недоступное расстояние. И что иногда в провальных проектах есть и свои плюсы: удаляют из общения лишних людей.

Сначала с трудом выискивала мельчайшие признаки того Толика, которого любила: вопросительный взгляд с искорками ироничной улыбки, вежливый, чуть насмешливый полупоклон. Когда привыкла к новой внешности, показалось, что совсем он не изменился. В памяти новый образ поселился.

Но больше всего отдаляло старательно скрываемое, но вырывавшееся наружу осознание им своей значимости, того, что состоялся. Вдруг молчание повисло. Неужели мы все запасы красноречия вычерпали? И в тишине почти безразличным голосом:

– Ты ещё любишь меня? Останешься сегодня?

Меня холодом слов заморозило. Тон приглашения совсем не ласковый, даже не романтический. Отвернулся в телевизор. Только сейчас заметила, что тот был включён всё это время. А в уголке Толиного глаза слезу увидела, чуть обозначившуюся, не выкатившуюся.

Ох, слабы мы, женщины, против слёз мужских. Ладонь моя его вечернюю небритость ощутила. Поцелуи непривычны. Уже не вспомнишь, какими они были тогда, первые. И счастье, что радость встречи его со мной искренняя: значит, принял меня сегодняшнюю, не помолодевшую за столько лет.

Казалось, всё на свете забыла... А в постель лечь не смогла. Дура, конечно. Но не смогла. О Лёше подумала. Он в моей жизни единственным мужчиной был.

И чувство неловкости перед Толей. Кто же знал, что так заговоримся?

Уснуть в своём номере долго не могла: совсем незначительные события из прошлого вспоминались. Вдруг подумала, а как моя жизнь сложилась бы, если Толик после школы не уехал бы поступать в военное училище? Были бы с ним вместе? Какой она была бы, эта, другая жизнь?

И не смогла представить: только видела себя, прильнувшую к его груди, слышала торопливое биение сердец, чувствовала лёгкое поглаживание по спине – а вокруг ничего не видно, всё туманом окутано. А что можно рассмотреть о жизни, которой никогда не было и уже не могло быть? Заснула, когда светать стало.

Утром отправилась домой, в привычную жизнь. Не только отдохнувшей, но наполненной новыми ритмами чувств. Случайная встреча с Толей словно подняла мою ценность в собственных глазах, можно сказать, омолодила. Вот Лёша удивится. В зеркало я не смотрелась, но чувствовала, как губы раздвигаются в улыбке. Интересно, не свечусь ли я от радости? А казалось бы, такой пустяк: мимолётное свидание с когда-то любимым человеком.

Телефонный звонок разбудил от сладких снов наяву. Звонила дочь. Голос был встревоженный, тихий.

– Мамочка, ты только не волнуйся. Ты едешь в поезде?

Ничего себе вступление, заволновалась я.

– Еду я, еду. Что там у вас?

– Мамочка, а ты сейчас не одна в купе?

– Не одна. Никто тебя не слышит. Что за секрет ты хочешь рассказать?

– Мамочка, ты не волнуйся. Я тебя очень-очень люблю. Мамочка, папа наш умер.

– Как умер? Когда? Он мне вчера днём звонил. Леночка, как же это?

– У него сердце не выдержало. Он ночью умер. Мамочка, ты себя береги. Я тебя жду.

Дождалась сигналов отбоя. Положила телефон на стол. И вдруг закричала, как исстари бабы на Руси голосят. Рот себе рукой закрыла, крик внутрь затолкала, только хрипела да рыдания сотрясали.

Потом кто-то в белом халате что-то уколол. Соседи по купе принесли чай сладкий.

Я смотрела в окно, ничего там не замечая. Молча. Из глаз текли слёзы. А в голове бегала по кругу и билась в сознании одна и та же мысль: он умер, когда я примеряла на себя другую жизнь, без него? Неужели почувствовал? Это что – я его предала? Только подумала, а его сердце не выдержало? Так не бывает. Мало ли кто и что вообразит. Если бы каждая мысль реализовалась, бардак был бы в мире, пыталась успокоить я свою совесть.

Откуда-то из памяти выплыли бабушкины слова, что нельзя думать о человеке плохо, чтобы не навредить. Так ведь ничего плохого и не думала – на день отвлеклась.

Есть ли разница: сделал что-то в реальности или только подумал? Всю дорогу совесть на своих весах взвешивала: виновата – не виновата? А потом всё замерло, и лишь пульсировало в голове: «Я предала его, предала».

Ночью я спала. Точнее, провалилась куда-то, где не было ни снов, ни мыслей.

Встретили меня с поезда дочь с зятем. Хорошо, что пришли, сил не было на себя, и уж точно не до сумок. Я не смотрела детям в глаза. Почему? Они не могут знать, что я его предала в мыслях. Ни одному человеку это не сказала. Но я-то знаю. Вдруг вина клеймом легла на лицо?

До дома держалась, а там сразу на диван легла. Только ненадолго. Тело мужа в морге. Дочь, пряча глаза, сказала, что надо идти в милицию, а она меня ждала. Ничего не понятно. Какая милиция? Зачем, если сердце не выдержало?

Молодой следователь задавал вопросы о нашей семье, отношениях с мужем. Какая теперь разница, если он умер?

Совесть не дремала, вновь уколола: если бы не поехала в этот отпуск, могла бы лекарство вовремя поднести, и всё обошлось бы. Куда ни глянь, со всех сторон виновата.

Следователь повёл на опознание в морг. Лёшенька мой. Холодно как. Казалось, больше уже сегодня ничего не смогу пережить... Проводил меня в кабинет, усадил на стул, дал стакан с водой, смотрит с сочувствием. Тут и объяснил, почему меня в милиции ждали. Муж умер не в домашней постели. Точнее, в домашней, только не в нашей. Это другая женщина не подала ему вовремя лекарство. Откуда она могла знать, что оно у него всегда при себе? Вряд ли он проблемами здоровья с любовницей делился.

Следователь от меня слёз, истерики, наверное, ждал? А у меня на душе такое облегчение, даже благодарность, что не я его погубила. Сердце, что от собственной вины то лихорадочно скакало, то в комок сжималось – вдруг расслабилось, боль отпустила. Как иначе бы дальше жила?

В душе жалость к нему как к живому. А что он чувствовал? Может, он тоже свою измену переживал, мучился? Так сильно, что сердце не выдержало?

Потом подруга добрая нашлась: рассказала, что длились его романы не один год и женщина была не одна за это время.

Правду мне решила открыть. А зачем мне она, эта правда? Как с ней теперь жить? Как осознать, что мужа с кем-то ещё делила? Не какого-то там теоретического, а Лёшу? Единственного. Которому верила больше, чем себе.

Замерла в молчании, не в силах слова сказать. Чувств не было. Такая женская боль от предательства: и изменил, и умер. Никакого выбора мне не оставил: не могу его уже ни простить, ни наказать. Сам себе и судьёй, и палачом оказался.

Лёшу мы похоронили. Памятник поставили. Ухаживаем за могилой. Цветы следующей весной высажу. Он анютины глазки любил.

Хожу на работу. Дом в порядке содержу. Всё делаю, как положено. Пусто в душе. В мыслях тоже. Жить надо дальше. А как?

ПОЭЗИЯ

*****

Олеся ЖУРАВЛЁВСКАЯ

* * *

Каждую ночь я засыпаю в три.
Мысли кричат, мне не давая заснуть.
Каждую ночь я хочу, чтобы ты говорил,
Чтобы глаза открывал мне, и в самую суть
Мы уходили от множества голосов –
Тех, что сидят у меня в голове. Внутри
Маленькой комнаты, запертой на засов,
С тяжелым амбарным замком на дубовой двери.
Каждую ночь я прошу тебя: не оставь...
«Отче наш, иже еси на небесах...»
Я никогда не просила, и вдруг представь –
Он оградил меня ото всех.
В маленькой комнате, запертой на засов,
С тяжелым амбарным замком на дубовой двери,
Тысячи лиц его и его голосов,
Вместе со мной засыпающих ровно в три.

(октябрь 2014)

* * *

Дети Севера спят. А дождливый порывистый ветер
Клонит кроны деревьев таёжных на юго-восток.
Имя каждого спящего в строгом хранится секрете.
Отдаваясь от стен, чуть доносится их шепоток.

Дети Севера слишком давно не ходили на капище.
Снится им золотая богиня Конды – Сорни Най.
Укрывает их сон будто мягкой медвежьей лапцей,
Шепчет, словно лесной ручеек: «Вспоминай, вспоминай...»
Детям Севера снится тайга с вековыми кедрами,
Снится им белый мох под босыми бегущими стопами,
Золотые боры, на грибы и ягоды щедрые,
И таежный дневник, что исписан звериными тропами.

Когда кончится дождь и утихнет порывистый ветер,
Когда реки войдут в берега, с глаз падет пелена.
Имена, что так долго хранились в строжайшем секрете,
Вдруг откроют.
И мы прочитаем свои имена.

(июль 2015)

* * *

Трещит
мой непробиваемый щит
по швам.
Защит
белой ниткой, и точно останется
шрам.
А ты...
Как ты там?
Без меня? Не тесно в груди?
Еще
пару дней... пару лет... пару жизней
жди.
Ещё
пару зим под сорок
перетерпеть.
Ещё
сотню раз присниться...
О чём жалеть?
И думать
без пауз,
пытаясь переболеть...
Как ты?
Какой ниткой свой шрам зашивал,
ответь...
А мой
шрам
зарубцевался уже
на треть.
(октябрь 2014)

* * *

Беснуется море внутри меня. Точит скалы.
В мощном водовороте швыряет фрегат.
Там, на борту, экипаж с непокорным оскалом
Борется с бурей, и кажется, даже ей рад:
И боцман бывалый, уставший от нудного штиля,
И бойкий матрос, захиревший от тишины,
Ничуть не боятся свирепой воды под килем,
И вымокнуть в брызгах холодной соленой волны.
И слышно сквозь ветер, старательно парус рвущий,
Сквозь грохот упавших рей и треск парусов,
Как песни мотив возникает, становится гуще
В могучем, размеренном тембре мужских басов.
В противостоянии этом с девятым валом,
Давно преступив всевозможных границ черты,
На палубе, светлой от молний, стоишь у штурвала
И правишь фрегат напрямую сквозь бурю ты.
(октябрь 2015)

* * *

Мой дракон изрыгает огонь из зубастой пасти,
Хлещет в разные стороны пламя, взмывая ввысь.
Убегают, звеня доспехом, от этой напасти
Все самые смелые рыцари, что здесь собрались.
Он ломает деревья с домами и крошит стены
Крепких замков в округе, от них остается пыль.
Не боится его только дед у пустой таверны:
Он с усмешкою смотрит, покрепче держа бутыль.
В момент опустевший город спалил крылатый.
Табун королевских коней, зверюга, погрыз...
А мне все равно! Даже если предъявят к оплате,
Скажу: «Выводили чумы переносчиков – крыс!»
Ну вот, надо драпать. Дракон успокоился вроде:
Стоит, догрызает от замка оставшийся мост...
Рукой прикоснусь осторожно к чешуйчатой морде:
«Прости... Я случайно тебе наступила на хвост...»

(октябрь 2014)

* * *

Март кроил паруса, строил лодку из дерева гофер.
И скользил, и струился в руках его парусный шёлк.
Я влюблённо смотрела на Марта классический профиль,
И пыталась запомнить, пока он опять не ушёл.
Март кроил паруса и, меня проверяя на прочность –
То язык отнимал, то учил, как ребёнка, ходить.
Каждый год я пыталась ему написать хоть строчку,
Но за несколько лет ни одной не смогла посвятить.
Я сжигала слова, я все письма бросала на ветер,
И летели по ветру бумажной они эскадрильей.
Но однажды одно из них Март прочитал и ответил,
Что кроил паруса. Передумал – и выкроил крылья.

(январь 2017)

* * *

Расцветёт невесомый
под сердцем цветок.
Ты ему – ветерок.
Ты ему – ручеек.
Время льётся сквозь пальцы
в горячий песок.
Ты – в груди уголёк.
Ты – вдали огонёк.
Грусть нахлынет волной
и затянет в поток.
Ты как море глубок
И как море далёк.

(июнь 2017)

* * *

Мам, он живет во мне вспышками, всплесками,
Яркими искрами, треском костра.
Мама, его появления резкие.
Память – обрезки, а я пуста.
Мам, я пишу его имя на коже
Подчеркнутым хрупкой своей ключицей.
Мама, все это невысказано сложно,
Но наша с ним встреча никак не случится.
Мам, он уходит, а жизнь не гаснет.
Не меркнет мир, не трещит броня.
Мама, мне кажется, это НАС нет.
Будто бы ОН придумал меня.

(2014)

* * *

Мне бы вывернуться наизнанку, чтоб тебя вытащить.
Соскоблить острием со стенок своей души.
Чтобы новый образ вместо тебя в себе выточить.
Чтобы голос твой в голове навсегда заглушить.
Чтобы больше не поддаваться приступам ярости,
Чуя, как под ребрами боль и обида шевелятся.
Это так глубоко сидит, что верней всего в старости
На беззубой десне хлебной крошкой перемелется.
А пока оно глохнет. И вновь накрывает жгучими,
Глотку рвущими криками, спрятанными в ладонь.
И молчанье твое не потушит меня: горячее,
Оно льется в мой бешеный, плотный, пунцовый огонь.

(2014)

* * *

Я, крепко обняв нарядную куклу,
Сажу в самолёте. Ей страшно взлетать.
Пусть рядом сидящий сочтет меня глупой.
Плывать.
Взлетим. Я её отложу аккуратно
В сторонку. Отмечу – до встречи лишь ночь.
Посадка. И я эту куклу обратно
На руки к себе прижимаю, как дочь.
И чувствую в сердце своём самолетик –
Перроны, вокзалы, небесная синь...
Я вечно в пути, постоянно в полёте.
Саму себя трудно простить.
Я, крепко обняв нарядную куклу,
Сажу на вокзале. До встречи лишь ночь...
Пусть каждый, кто видит, сочтёт меня глупой.
Плывать.
Меня
ждется
дочь.

(Вокзал, Екатеринбург, декабрь 2015)

ПРОЗА

*****

Кирилл ФИЛОНОВ

СЕСТРА

(рассказ)

Стояло сухое жаркое лето. Редкие, коротенькие дожди с грозами да тёплые ночи не могли не запомниться Лильке. Знойными днями грезилась родная Алма-Ата – солнечный, ласковый среднеазиатский город с неповторимыми садами, парками, с его вкусным мороженым, приветливыми жителями, говорливыми торговцами на восточном базаре. Лилька любила Алма-Ату, и казалось, что нет более тёплого места на земле.

Не хотелось, ой как не хотелось студентам прощаться с большим сибирским городом Томском, но уезжать всё равно было нужно. Завершилась защита дипломов, но сердца студентов грела мысль о будущей новой жизни – их ждала интересная работа, знакомства с коллективами, людьми, с кем придётся трудиться. Лильке предстояло учиться ещё год. В Томске царила полная свобода. На светлолицую, худощавую и глазастую девушку накатывало какое-то необъяснимое ликование – чувство эйфории и восторга, когда хочется делать простые милые глупости: прыгать, танцевать и кричать что есть силы звонким, ещё детским голосом задорное «ура!».

Лиля вернулась в общежитие с простой обстановкой, обшарпанной, но всё же вполне пригодной мебелью. Неприхотливым студентам не важны условия: главное – крыша над головой и весёлая компания. В тесной уютной комнате оставалось собрать чемодан, перекусить на скорую руку и – домой, в Алма-Ату. Девушка заметила на столе записку. Небольшой, с неаккуратными краями кусочек листка был исписан ровным, но быстрым, немного поспешным почерком, будто человек, писавший записку, сильно торопился.

Лилька прочла: *«Любимая моя сестричка! Меня направляют на достойную работу, которую я ждала давно. Времени нет, нужно спешить. Всё взяла с собой, но зимнее пальто и тёплые вещи не вместились, попросту не хватило рук. Ах да, едва не забыла! В узел с одеждой я положила посуду! Несколько тарелок, чашка, кастрюля и сковородка – вес небольшой. Дорогая, у меня просьба к тебе: привези мне этот узел, на тебя вся надежда. Только смотри не разбей тарелки!..»* Далее следовал адрес.

«Но где же сама посуда и вещи?» – подумала девушка, не сразу заметив возле кровати мешок внушительного размера.

– Вот это подарок! – невольно вырвались слова. От бывшего восторга не осталось и следа. – Как же тащить этот узел?

В душе Лилька протестовала, но послушаться старшую сестру Тамарку не могла. В записке была указана деревня, куда уезжала Тома, но как же добраться до места назначения?

У сестёр не было родителей. Папа погиб на фронте. Он командовал ротой связи в Прибалтике. Мама сильно переживала смерть мужа, и сразу после войны тяжело заболела. Умерла она в сорок шестом году, а Лилю и Тамару забрала мамина сестра. Жили они бедно. Тётя Вера, заменившая близкого и самого дорогого человека, старалась дать девочкам всё необходимое: как могла одевала, кормила. Работала тётя Вера на двух

работах. Утром она уходила в быткомбинат, где была закройщицей, а после основной работы мыла полы в конторе домоуправления. Воспитывала своих, как она говорила, «девиц» в строгости, хотя была и нежна. Приходила тётя Вера домой ни жива ни мертва – упасть бы в постель, да брала работу: платье сошьёт – лишняя копейка в радость. Уложит спать девчонок, а сама за выкройку садится.

Лилька ещё в школе хотела стать врачом. Бывало, притащит домой грязного, блохастого и больного котёнка, выхаживает его, лечит, молочком отпаивает. Тётя Вера ругается: «Зачем этих заморышей домой несёшь, инфекции разносишь!» Потом увидит, как старается Лилька, переживает, сидит, будто над ребёнком, и раздобрится. Смотришь, сама уже наглаживает нового члена семьи. Тамара посмеивалась над сестрой: «Приходите к ней лечиться и корова, и волчица!»

Погодки, две сестры, оканчивали школу в разное время. Тамара выпустилась первой, а Лиля – через год. Старшая до последнего не знала, куда поступать.

– Ещё не знаю, где буду учиться, – нехотя отвечала Тома. Она даже не задумывалась над вопросом поступления, а когда пришло время подавать документы, подумав две минуты, на выдохе сказала: «В педагогический!»

Светловолосая девушка словно старалась не походить на других: красила волосы в тёмный цвет, одевалась по моде, а потом отдавала свои наряды Лильке, которая хотела походить на старшую сестру. Тётя Вера шила девочкам наряды, но Томка всегда просила их делать разными, рассказывала, какой фасон у наряда должен быть. Тётя покорно исполняла пожелания привереды.

Уставшая от тяжёлой работы тётя Вера как-то вечером, после мытья пола в домоуправлении, пришла уставшая и раздражённая.

– Не понимаю, зачем тебе педагогический? – спросила тётя Вера, доставая из сумки купленные только что пряники.

– А куда ещё? – безразлично говорила Тамара.

– Ты должна выбирать сердцем, ответственно!

– Лиля, кем ты хочешь стать? – спросила тётя Вера, сворачивая продуктовую сумку. Усталые глаза тёти смотрели пристально, растрёпанные волосы были неаккуратно подколоты шпилькой. Ещё недавно тётя Вера выглядела моложе. В свои сорок лет она высохла и согнулась. Сутулая спина в последнее время особенно искривилась.

– Я буду врачом, – сдержанно проговорила Лиля.

– Вот, учись у родной сестрёнки!

– Ни на кого смотреть не буду!

– Не повторяй, а учись её целеустремлённости! – поправила Тамару тётя Вера. – Пойми, что кроме вас двоих на земле никого нет ближе! Учитесь друг у друга! Я не могу вам заменить родителей, мне очень тяжело было все эти годы, пока вы росли. Да, я старалась как могла, давала вам тепло и уют, учила, кормила, одевала. Теперь вы стали большими и вправе выбирать свой путь в жизни, но мне бы хотелось видеть вас счастливыми людьми, поэтому выбирайте будущую профессию сердцем! Особенно это касается тебя, Тамара! Тебе легко давались предметы, ты умело считала и любила математику, но учиться не хотела, была вертлявой – поведение хромало всегда. С тобой мне было труднее, чем с Лилей!

– Ах, вот как! – обиделась Тамара. – Я была чужой!

– Это неправда!

– Я чувствовала, что Лиля ближе вам с первых дней!

– Вы для меня одинаково родные! Даже теперь, когда вы стали большими, я работаю на износ: мою пол, крою одежду массового спроса! Приношу с работы выкройки, и вечерами, уставшая, умудряюсь ещё шить вам платья! Я не знаю как угодить, сажусь вновь за машинку, думаю, что нужно шить свеженькие наряды! Какая глупая у вас тётя Вера, наивная...

Едва не расплакавшись, тётя Вера хотела уйти на кухню, но Тамара с обидой в голосе проговорила:

– Не нужны мне ваши платья! Вы никогда не задумывались, почему я держусь с вами на расстоянии? Только Лиля для вас божество! Мне твердили всегда, что равняться нужно на младшую сестру. А чтобы мы не путались под ногами и не давали поводов для сравнений, я... знаете, вот возьму и уеду подальше от всех! – крикнула Тамара.

– Не делай глупостей, доченька! – взволнованно сказала тётя Вера. Она специально назвала Тамару дочерью, чтобы задеть её чувства, пытается напомнить, что именно она стала матерью двум маленьким девочкам, когда умерла их мама.

Смущённо, волнуясь, Лиля называла тётю Веру робким, едва уловимым на слух словом «мама». Пусть не всегда, пусть несмело, но называла. Лишь Тамара не могла пересилить себя. Кажется, она вовсе не думала о такой мелочи.

Уехала Тамара в далёкую и холодную Сибирь. Кажется, старшая сестра затаила обиду на всех: на тётю Веру, Лильку и вообще на весь белый свет. Вроде никто не враждовал, но осталась между родственниками недоговорённость. Поступила Тамара в пединститут, на физмат. Писем домой почти не писала – так, несколько слов: «У меня всё хорошо, получаю стипендию, денег хватает, питаюсь нормально...» В начале зимы от Томы пришла бандероль. Прислала сестра своей младшенькой Лильке новое светло-голубое платье. В бумажном пакете вместе с платьем лежало письмо, адресованное Лиле.

«Дорогая моя сестрёнка, – писала Тамара, – ты даже не представляешь, как я скучаю без тебя! Мне не хотелось говорить о старых обидах, но тётя Вера наговорила нам обеим много глупостей! Она припомнила всё: и неудавшуюся жизнь свалила на нас, и потерю надежд, и тяжелую работу. Разве наши с тобой платья, вечернее шитьё испортило ей жизнь? Дорогая, это не ропот на трудности, а жалобы на испорченную судьбу! Я специально купила тебе голубенькое летнее платье, чтобы тётя Вера не тратила своё драгоценное время на шитьё обнов. Обидные слова близкого для нас человека кольнули моё сердце! Мне хочется, чтобы ты знала: ни в чём мы не виноваты! Не показывай письмо тётю Вере, про платье скажи – подарок.

Хочу рассказать тебе о Томске. Город старинный, много особняков прошлого века. Летом в городе жара под сорок, а зимой – морозы под пятьдесят! В городе продают настоящие кедровые орехи, Лилька!

Знаешь, приезжай сюда! Будем учиться вместе, нам порознь жить нельзя! Встаёшь утрами на занятия, а на душе холодно, сразу вспоминаю маму... Приезжай, Лилька, сестрёнка!..»

Тогда и Лилька решила поступать в Томск. А сейчас ей нужно было найти Томкину деревню. «Ехать автобусом?» – мысленно спрашивала она себя и тут же отвечала: «Что-нибудь придумаю, найду – не на острове живу!».

Бодрые мысли как-то обнадёжили, появились силы, и девушка решительно собралась искать сестру в далёкой местности. Она отправилась в

чём была – в лёгком светло-голубом платье, подаренном Тamarой, и босоножках – не переодевшись. Взяла сумочку с деньгами, взвалила на спину огромный узел и побрела на автостанцию – искать рейс в деревню Кузьминки.

Походила девушка по асфальтированной площадке, вокруг тишина: нет ни автобусов, ни пассажиров. Решила она спросить в кассе про рейс на Кузьминки. В небольшом окошке виднелась деловито-неприветливая девушка лет тридцати. Кассирша считала деньги, записывала цифры в большой журнал.

– Вы что! Автобус на Кузьминки ушёл тридцать минут назад!

– Как ушёл? – запаниковала Лилька.

– Спать надо было меньше!

Встревоженная, она едва не разрыдалась, как неожиданно к ней подошел пижонского вида немолодой мужчина. Словно чего-то опасаясь, подозрительно оглянувшись, он вполголоса спросил:

– Слышал, тебе в Кузьминки. Могу подбросить, правда, в кабине занято. Есть место в кузове. Там уже трое.

– Долго ехать? – бодро заговорила Лиля, глядя на водителя как на чудное спасение.

– Часа три. Будет остановка на обед.

– Я согласна.

– Деньги вперед.

В кузове находилось две женщины, которые помогли взобраться и устроиться возле кабины, чтобы меньше трясло. В будке рядом с водителем сидело двое мужчин. У одного из них был грубый шрам на левой небритой щеке, у второго была чёрная густая борода. Через маленькое оконце сзади кабины пассажиры часто оглядывались на Лильку и переговаривались. Девушка заметила, как на ветру раздувается её светло-голубое платье и видны оголённые колени.

Ехали быстро. Ветер трепал Лилькины волосы, не давал поговорить с попутчицами. Машина грохотала, ревел мотор. Уплывавшая вдаль просёлочная дорога тянулась к горизонту длинной извилистой змейкой. Вдоль дороги стояли густые леса. Девушка задумчиво смотрела вдаль, кажется, позабыв о том, что её ждёт впереди: найдутся ли далёкие Кузьминки. О чём только думала Тамарка, когда собиралась в дальний путь! За много километров – в Алма-Ате – разве знает тётя Вера, что Тамара бросила свою сестру и помчалась в какие-то Кузьминки, где её, видите ли, ждёт работа!

Двое из кабины нахально поглядывали на ровные белые ноги девушки, и Лиля, смутившись, пересела ближе к краю борта.

Машина остановилась на окраине большого села, недалеко от фермы. Жара сменилась какой-то не по времени года сентябрьской прохладой. С востока потянулись серые низкие холодные тучи. Стало пасмурно, накрапывал мелкий дождь. Лиля была в одном платье, она быстро продрогла. Попутчицы объявили, что они приехали, пожелали счастливого пути и торопливо скрылись за углом деревенской улицы. Возле машины стали слышны грубые мужские голоса. В кузов заглянуло трое мужчин: подозрительный шофер, всё время воровато оглядывающийся по сторонам, пассажир с неровным уродливым шрамом на левой щеке и бородатый мужик в кожаной куртке. Бородач был явно навеселе, что-то громко говорил своим собеседникам и при этом сильно матерился, словно забыл правила приличия. Он встал на колесо, заглянул в кузов и выругался так, будто перед ним стоял телёнок, которого он должен был купить.

– В кабину хочешь? – спросил бородатый, но Лиля ничего не ответила.
– Там теплее, – добавил водитель. Его голос глухо доносился издали.
– Поеду в кабине, иначе не согласен, поняли меня? – заорал пассажир с уродливым шрамом. – А ты, пацан, садись в кузов!..

В кузов забрался парень лет восемнадцати с какой-то задорной, совсем детской длинной чёлкой.

– Тебя как зовут! – серьёзно спросил юноша, глядя немного задиристо.

– Лиля.

– Алексей, – представился человек, дружественно подавая руку. Лиля поздоровалась, но резко отдернулась, как от огня.

– Ты городская? – спросил Алексей.

– Да.

– Сразу вижу вас – городских, – с лёгким пренебрежением сказал пассажир. – А я вот деревенский...

Лильке хотелось спросить: видимо, это предмет отличительной гордости, но не стала – не хотела вести беседу с незнакомым человеком.

– Учусь в политехническом, – не без гордости проговорил Алексей, – на заочном факультете.

– Хорошо, наверно, учишься? – не смогла удержаться от вопросов Лилька, пытаясь подколоть пассажира, чтобы он не задирал нос.

Парень охотно рассказал о себе. Он оказался на редкость общительным человеком, но действительно серьёзным. Лиля поведала о поручении сестры.

– Слушай, а ты не боишься садиться в машину с незнакомыми людьми? – спросил Алексей, всё так же немного задиристо глядя на Лилю.

– Мне добраться надо...

– Просто они что-то затевают против тебя, мне кажется...

– Я заметила. Они подозрительно смотрели всю дорогу на меня через окошко.

– До твоего села осталось километров семь, если раньше остановить грузовик, можно уйти. Я подам тебе твой узел, а ты беги в кусты. Притаись и жди, пока машина не поедет дальше, а потом топай вдоль дороги, пока не увидишь огни деревни.

Вдали, за деревьями, мерцали отблески заката. Мелкий дождь то припускал с новой силой, то вовсе переставал накрапывать. От холода и нахлынувшего страха Лилю стало буквально трясти. Грузовик резко затормозил посреди хвойного леса. Послышались быстрые шаги. В кузов начал карабкаться водитель. Мощные руки цепко держались за борт.

– Беги! – закричал Алексей. Оттолкнувшись от противоположного борта машины, он со всего маху пнул водителя прямо в лицо. Пижон упал вниз. Алексей схватил узел, быстро спустился. Рванув Лильку за худенькую слабую руку, шмыгнул в густые придорожные заросли. Ветки царапали девушке лицо, цеплялись за платье. Сзади слышались гневные крики догоняющих мужчин.

– Я их задержу! – крикнул Алексей. Передав девушке узел с тёплыми вещами и посудой, оттолкнув её, побежал вглубь леса.

Лиля побежала что было сил, но внезапно запнувшись, упала, расцарапала локоть. Тарелки, казалось, разбились вдребезги. Развязывать узел было некогда. Поднявшись, беглянка вновь пустилась наутёк. Звуки погони утихли – это Алексей увёл догонявших преследователей. Перепуганная Лилька продолжала бежать, будто спортсменка, у которой открылось второе дыхание.

Вскоре она устала и остановилась, пытаясь отдышаться. Лиля дрожала от страха. Не видела она долгожданных огней деревни. Страшные звуки сумеречного леса не давали ей покоя. Где-то рядом громко ухали неведомые птицы, были слышны подозрительные шорохи не то людей, гнавшихся за ней, не то животных, готовящихся напасть на Лильку. Она приседала возле трухлявых пней, пыталась закрыть уши своими маленькими, но не по-девичьи жилистыми руками, чтобы не слышать приглушённых звуков ночного леса.

Наступила полная тьма, сопровождавшаяся каким-то сумасшествием: скрипели покачиваемые на лёгком ветру деревья, таинственно потрескивали сучья, будто на них наступали люди. В каждом шорохе слышались шаги. Лилька не разбирала дороги – всё дальше и дальше, понимая, что заблудилась в этом жутком лесу.

«Ужас! Какой ужас!» – шептала Лилька.

Постепенно короткая летняя ночь начала медленно отступать, показался робкий рассвет, наполняющий лесную мглу тёплым радостным светом. Первые лучи утреннего солнца прорвались сквозь плотную шапку густо растущих берёз и размашистые ветви елей. Девушка вышла на просёлочную дорогу. Утро было тёплым, несмотря на то, что вечером накрапывал дождь и было холодно. Лёгкие облака медленно плыли по тёплому небу.

Извилистая дорога была пуста, но вскоре показалась лошадь, запряженная в скрипучую повозку. Жуткий скрип, казалось, раздавался далеко. В телеге сидел бородатый старик в потёртом коричневом пиджаке. Лиля обрадованно пошла навстречу повозке.

– Дедушка, вы куда едете? – проговорила Лиля, подойдя к человеку. Дед растерянно поднял взгляд, лошадь остановилась.

– А зачем тебе это знать, милая?

– Мне нужно попасть в Кузьминки.

– Я еду в район. Это в другой стороне. Твоя деревня недалеко отсюда.

Человек доверчиво улыбнулся и по-доброму добавил:

– Меня спровадили в школу привезти книги.

– В школу? – спросила Лилька, будто готовясь вскоре увидеть сестру, но не стала спрашивать, знает ли старик Тамарку – пусть везёт, самое главное – подалее уехать от места, где на неё едва не напали незнакомцы. Пусть через район, лишь бы не одной бродить по лесам. Лиля сразу воспряла духом: на лице исчезло изнеможение, распрямились усталые плечи.

– Ой, а меня с собой возьмете? – она была сама не своя от радости. Возница согласился: почему бы ему не подвести эту забавную девчонку, да и вдвоём ехать веселее. Лиля доверчиво посмотрела на старика. Уют и домашность исходила от чудного деда. С непринужденностью, словно при разговоре с родным человеком, Лиля рассказала всё, что с ней произошло за время путешествия. Старик её не перебивал, не задавал вопросов, только в конце рассказа покачал головой и заметил:

– Оно видно сразу – молодо-зелено. Кто же едет на ночь глядя незнамо с кем незнамо куда...

Солнце стало припекать. Листва берёз блестела от прошедшего вечером дождя. Где-то пела одинокая птица. Её голосок был слышен издали. Кричи не кричи – кроме двух едущих через лес в округе никого не было. Будто просила птица: «Отзовись, отзовись!» Под мерный скрип повозки Лильку сморил глубокий и спокойный сон. Пробудилась она от лёгкого, нежного прикосновения попутчика. Возница проговорил мягким и добрым голосом:

- Эко тебя сморило, девонька!
- Мы приехали?
- Подъезжаем.

Старые дома ещё дореволюционной постройки – особнячки из дерева – уютно расположились вдоль узких улочек, поднимающихся в горку. Лиля заметила церковь: белое здание с покосившимся неподалёку забором. Берёзовая рощица подступала к старинным стенам, словно поглаживала высокую колокольню своими раскидистыми ветвями.

Телега подъехала к большому трёхэтажному зданию с колоннами. Оно напоминало скорее дом культуры. Крутая лестница вела к площадке с массивными дверями.

– Это что, театр? – удивлённо спросила пассажирка, оглядываясь вокруг. Старик не услышал вопроса, а лишь растерянно посмотрел на попутчицу, сомневаясь, она ли о чём-то спросила.

- Нет, девонька, это новая школа! – с гордостью ответил дедушка.

Взвалив на спину тяжеленный узел с посудой, Лилька оглянулась и увидела подводу, похожую на ту, что привезла её в район. Она подошла к телеге, в ней лежали учебники. Рядом с лошадью стоял мужчина лет сорока и курил, поглаживая пегую кобылу по морде.

- Вы случайно не в Кузьминки едете?

- Нет, но буду проезжать мимо – в село Листвянку дорогу держу.

Попутчик оказался неразговорчивым, дорога прошла в полном молчании, от того показалась длинной. Одно радовало Лильку, что телега не скрипела, как по дороге в район. Вспоминала Лиля паренька, который помог ей удрать из грузовика. Всё размышляла: удалось ли ему сбежать от разозлившихся попутчиков.

Ближе к вечеру показалась деревня Кузьминки. У каждого дома разбиты клумбы и палисадники с яркими и пышными бархатцами, переливающимися на ярком летнем солнце. Деревня была как на ладони. Дорога вела с горки – к неширокой заросшей вдоль берега камышом речушке. Когда въехали на центральную улицу, Лиля заметила мальчика в синих шортах. В правой руке он нес удочку.

– Мальчик, скажи, где живёт учитель математики Тамара Степановна Гладкова?

– Тама, – недовольно проговорил малец, показывая в неизвестном направлении пустым ведром, – за школой третий дом справа.

- Ты что такой сердитый?

– А чего она, ваша Тамара Степановна, ставит двойки! Не успела приехать, уже три шкуры дерёт!

Лиля рассмеялась и пошла дальше пешком, простившись с мужчиной в подводе. Она следовала мимо двухэтажной деревянной школы с зелёным деревянным забором. Свежая краска ярко блестела, сливаясь с яркой травой. Добротный дом стоял немного отдельно от остальных. В окне виднелась знакомая фигурка сестры. Тамара с кем-то оживлённо разговаривала, но увидев Лильку, заторопилась выйти на улицу. Послышался топот ног, дверь распахнулась, и Тамара закричала от радости:

– Лиленька, приехала! Молодец! Пошли в дом. Я давно места себе не нахожу – как ты доберёшься.

Сестра трещала без остановки, видимо, чувствуя вину. Лилька молчала – в ней кипело негодование. Прошли в горницу. При виде радостного лица раздражение переросло в дикую ярость.

«Радуюсь?! Радуйся, как твой близкий человек чуть не был настигнут бандитами, шёл по ночному лесу, вторые сутки голодная, без сна, ради чего? Да пропади она пропадом – эта посуда и твои дурацкие шмотки!» – подумала Лилька. Она с силой ударила ненавистным узлом прямо об пол. Раздался звон разбитой посуды.

– Получ-ч-чай свои черепки, остолопка! – отрывисто закричала Лиля, заплакав в голос. Тамара бросилась было к узлу, но тут же повернулась и принялась успокаивать сестру.

– Ну что ты, что ты! – гладила Тамара её по голове. – Бог с ней, с посудой! Надо было никуда не ехать, а вещи я бы забрала сама.

– Что! – с обидой и негодованием шипя проговорила Лиля. – Выходит, можно было не ехать?! Ах вот оно что! Я столько километров тряслась по разбитой дороге, чтобы ты мне заявила: «Бог с ней, с посудой!»

– Не стояла тёплая одежда таких больших трудов, – спокойно ответила Тамарка, продолжая поглаживать сестру.

– Убери свои руки! – отёрнулась Лиля от старшей сестры. Негодуя, девушка хотела высказать, что Тома не права во всём. Её обида на тётю Веру, высокомерие к людям – признак слабости и дурного характера.

– Не буду с тобой мириться, пока не напишешь письмо тёте Вере, пока не попросишь прощения у человека, искренне переживающего за тебя, за твою судьбу! За нашу судьбу!..

– Ну что ты! – опешила Тамарка, впервые увидев всегда мягкую и добрую сестру твёрдой и даже упрямой. – Ерунда...

– Нет, не ерунда! – Лиля решительно пошла к выходу, но взволнованная сестра подскочила к ней. – Хорошо! Что ты как маленькая! Подумаешь, два человека не поняли друг друга, бывает...

– Ты должна помириться с тётей Верой! – твёрдым голосом говорила Лиля.

– Честное слово, извинюсь! – заулыбалась Тамара. – Пожалуйста, только не смотри на меня исподлобья!

Лилька быстро успокоилась, понимая, что может испортить отношения с единственной сестрой.

Только после ужина Лиля рассказала о своих приключениях. В который раз она пережила всё то, что произошло. Вспоминать было очень трудно, но слёзы уже не текли по горячим от волнения щекам, они остались там – в лесу, где её едва не настигли незнакомцы. Из головы не выходила судьба Алексея: где он? что с ним? Глубокой нежностью наполнялось сердце, когда возникал его образ – равнодушного, умного, отважного человека – настоящего защитника. Выслушав сестру, Тамара подняла взгляд и тихо произнесла:

– Знаешь, сестрёнка, посуда бьётся на счастье...

Вокзал был полон народу. Лиля уезжала на каникулы в Алма-Ату, а Тамара возвращалась в Кузьминки учительствовать. Пассажиры сновали, то и дело толкая друг друга.

– Ну теперь точно в путь, – вглядываясь в глаза, весело проговорила Тамара. – Передавай привет нашей тёплой Алма-Ате! Скажи, что я обязательно приеду.

Вышли на перрон, залитый солнцем. Раздался оглушительный, похожий на вой, гудок паровоза. Пар потянулся за вагонами.

– Двоек своим сорванцам не ставь, училка! – засмеялась Лиля. – Жалуются: три шкуры дерёшь, говорят!

– Как без двоек?..

– Кстати, смотри! – протянула конверт Тамара. На нём было написано: *«Город Алма-Ата. Зелёный переулок, 7, квартира 11. Бардышевой Вере Павловне».*

– Молодец! – обрадованно крикнула Лилька и обняла сестру.

– Думаю, что тётя Вера будет рада!

– Она ждёт это письмо...

Лиля попрощалась с сестрой и запрыгнула в вагон. Раздался гудок. Поезд дёрнулся. Махнув рукой, Лиля хотела было занять место в вагоне, но неожиданно увидела Алексея. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, участилось дыхание.

– Алексе-е-ей! – Лилька окрикнула парня, но её голос беспомощно растаял среди шума. Алексей шёл по перрону. Он словно почувствовал, что его зовут, его ждут и, наверно, любят. Парень оглянулся. Всё тот же чуб, по-мальчишески свесившийся на брови, большие добрые глаза...

– Лиля-я-я! – узнав знакомую, человек растерянно откликнулся, будто давно ждал встречи. Алексей бросился догонять поезд. Он попытался ухватиться за поручень последнего вагона, но высокая платформа закончилась, и паренёк остановился возле будки стрелочника, задохнувшись от быстрого бега.

Огромные клубы паровозного дыма пронесли мимо Лилькиного вагона и белой пеленой сплошной стеной непреодолимо разделили двух разминувшихся в жизни людей.

ПОЭЗИЯ

*****

Михаил ГУМЕНЮК

Январь

Зима, мороз, тропиночка в овраге,
До горизонта – тундра да снега
Белым-белы, как чистый лист бумаги.
Седая дымка тянется в лога.

Златится лес по горизонту бликом.
В мохнатых елях пробивая свет,
Чарует даль, и манит алым ликом
В лучах заката солнечный букет.

Безмерна тишь, не шелохнутся звуки...
Так редок сердцу неземной покой!
Замри, душа, скрести, как странник, руки –
Ты красоты не ведала такой!

Февраль

Зима устало переводит дух,	Лесная мышь шуршит, уже не спит,
На белом снеге пятнышки капли,	Шаманы-вороны кричат к ненастью.
Лес оживлённый видится вокруг,	Весна грядёт, торопится февраль,
И обнажают корни кедры, ели...	Метель и вьюга спрятаны в обозе,
Теплеет ветер, солнца яркий вид,	Уже не зябнет путник на морозе.
Ещё весны так призрачно участие!	Красивая зима уходит. Жаль.

Март

Убежала зима белоликая,
В подолах свои спрятав метель.
Воробьи возле леса чирикают.
С каждым днём всё живее капель.
Есть весны уже вестники первые –
Над ложбинкою к речке склонясь,
Распускается серьгами вербными
Серебристая белая вязь.
Сохранить бы ей цветики ломкие,
Перед ветрами страх превозмочь...
Ветки ивушки нежные, тонкие...
Будет лето ей сниться всю ночь.

Апрель

Распогодилось. Топится снег,
Полноводье зреет в долине.
Полновластный апрель взял разбег,
Даль туманится облаком синим.
Зарябил в берегах краснотал,
С веток падают снега комочки,
Зайчик солнечный радужкой встал,
Куропатки вспорхнули на кочке.
В тундру канула вьюга чуть свет
В синь безбрежную. В дымке белёсой
Улыбается солнце мне вслед
Конопатым мальчишкой курносым.

Май

Нежность вербовых почек
Будоражит мне взор.
В каждой ветке цветочек,
Утончённый узор.

Лес задумчивый серый
Млеет в дымке седой,
Глубь коленями мерит
В лужах с талой водой...

Льдины тонут в глубинах,
Расшумелась река...
Затопило ложбины,
Заливные луга.

Ночью гуси кричали...
Ночь лукава, бела
Усыпила печали,
И душа расцвела.

Июнь

Ушла зима. В тайге трубят олени,
Бегут ручьи и бьются в берега;
Вскипает снег в холодной тёмной пене,
Водой вешней залиты луга.

На небосводе солнышко резвится,
Пронзая неба голубую высь.
Земля в блаженстве, дождик к ней стучится,
И лёгкий бриз играет им каприс.

А над рекой, где мёдом пахнут ивы,
Где облаков коснулись кедрачи,
Спит оленёнок, крошечка пугливый.
Плывут в лазурь гусиные ключи...

Июль

Север в нежных объятьях рассвета.   В росных травах на лоне леса
Запах тундры пьянит, словно сон.   Предвкушаем грибные дни.
В партитуре полярного лета
Птичьи трели звучат в унисон.   А пока лес манит едва ли –
Там в глуши заблудиться риск.
Где-то дождь загулял, повеса,   Стынет солнце в речной эмали,
Приуныл ветерок в тени.   Охлаждая горячий диск.

Август

Красноцветье невзначай
Осень распушила,
Усыхает иван-чай...
Было ль лето? Было!

Помнишь, льнул к твоим устам
Пригубить морошку,
Серебром роса в кустах
Падала в лукошко.

Край болота – тёмный бор,
Ссорились кукушки.
Елям радуги узор
Золотил макушки.

В лес багряный поспешу,
Воротить бы лето...
Только листья ворошу –
Лето скрылось где-то.

Сентябрь

Поник кипрей, в зените бабье лето,
И грибников ждут россыпи маслят,
Вся тундра залита багряным цветом,
Над ней, как в сказке, лебеди летят.

Стремглав примчалась золотая осень –
Нежданно, вдруг, как снег, как звездопад.
Душа в раздумье ждёт чего-то, просит...
Жаль, не воротишь молодость назад.

Вновь покидаю тундру, очарован,
Рябины гроздь факелом несу.
В лучах заката снова коронован
Сентябрь в багряно-золотом лесу.

Октябрь

Пестреют рощи позолотой.
Зов журавлиный осень кличет,
Печалит небо над болотом,
Летит, прощается, курлычет.

Уснули в озере кувшинки,
Мороз скользит по водной глади,
И тихо падают снежинки,
И лето прячется в овраге.

А вдоль реки, над берегами,
Горят рябиновые свечи...
Порхают пуночки над нами,
И гаснет солнце. Скоро вечер.

Ноябрь

Унылость. Мрачная пора.
Завис лохматый смог.
Мерцает ранняя заря,
И стужа бьёт в висок.

Петляя, вдоль реки бежит
Песца ажурный след,
Проснувшись, лемминг задрожит,
Уж близится рассвет.

Печальный лес вздремнул, затих,
Метель боготворя,
И грусть моя рождает стих
К исходу ноября.

Багряно вспыхнул солнца луч,
И озарилась даль,
И в отражении от круч
Вдруг заблестел хрусталь.

Покрылась инеем река,
Замедлила свой ход,
Прижалась крепко к берегам
И обернулась в лёд.

На белой иве трепетал
Листок на ветерке,
Он иве-матери шептал
О вѣтле, о реке.

Декабрь

Глубь чащи леса, скрип, шаги,
Пути и солнышка – ни зги,
Спадёт с еловых буйных лап
Пушисто-белый снежный крап.

И белка, юркнув колесом, –
Комочек рыжий невесом,
Взлетает с шишкою на куст.
И только шелест, треск и хруст,

И тишина. Мерцает блик...
Век светотени невелик,
Лишь глазки-бусинки горят,
Лишь ветры с кедром говорят.

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

*****

Ольга АХТЫРСКАЯ

ПРО ТЕХ, КТО У НАС БЫЛ...

Петух Сопляк

Курочки появились у нас с лёгкой руки живущей неподалёку бабы Гали. Она держала над нашим невеликим хозяйством постоянное шефство и была инициатором всей нашей «продовольственной программы». Дети ходили к ней частенько за молоком, за излишками её овощной и помидорной рассады, просто поведать... Младшенькому «сыночке» было тогда года три...

Однажды дети вернулись восторженные:

– Мама, знаешь какой у бабы Гали петух! Он как наш Вова! Вот если ему согнуться-наклониться вот так...

Баба Галя пояснила, что петух – породы бройлер, от роду четырёх месяцев...

Несколько лет спустя в нашей стае освободился закуток, и мы надумали завести курочек. Вот и отправились к бабе Гале. Оказалось, что сами куры-бройлерши цыплят не высидивают. Для этой цели нашлась простая несушка, которая тайком нанесла яиц в старый ящик с железом за гаражом и собралась их выпаривать. Баба Галя думала было охладить её пыл в бочке с дождевой водой, а тут и мы явились с планами на птицеводство...

Из подложенных вперемешку с простыми бройлерских яиц благополучно проклюнулись только две серенькие курочки. Из остальных же обычных – мелкие белые петушки... Курица добросовестно, с громким квохтаньем водила цыплят по огороду, разрывая в поисках червей землю вокруг только что окученных помидоров, от чего листва на тех желтела и засыхала...

...Рябым молодым крупным курочкам дети дали имена. Ту, что темнее, назвали Тучкой. К концу лета подросшие белые петушки пытались кукарекать, хотя получалось какое-то недоразумение. Один из них выделялся особой драчливостью, даже наскочил было на Вову, возмущённо завопившего на весь двор:

– Такой ещё сопляк, а уже кидаешься!..

Посмеялись сестрёнки, а кличка Сопляк у петуха осталась.

Наступил сентябрь – дети пошли в школу. А Сопляк по мере возмужания становился всё наглее, нападки – всё невыносимее. Взрослых он ещё остерегался, а вот погодков, Машеньку и Вову, совсем замучил.

День гулял Сопляк по двору, потряхивая гребнем и высоко поднимая когтистые ноги, придирчиво осматривая круглым глазом свои владения... Но стоило стукнуть щеколдой ворот вернувшимся с учёбы детишкам – Сопляк летел туда с растопыренными крыльями и свирепо пытался достать их клювом в приоткрытую щель... Иногда дети успевали забраться на толстые берёзовые чурки во дворе; и он бегал вокруг в бессильной злобе, пока его не отгоняла метлой мама или старшая сестра Катюшка.

Скоро, опасаясь клевучего петуха, перестали заходить и соседи. Сопляк же освоил ещё и метание камнями!... Может быть, сначала это получалось у него случайно – захватить скрюченными когтями камень и отшвырнуть... Но с каждым днём петух Сопляк всё увереннее и мощнее метал в сторону ворот обломки кирпича...

Когда же он взлетел на спину доившей корову хозяйки и больно долбанул сквозь косынку в голову, терпение хозяев лопнуло...

...А рябая тёмно-серая курица Тучка прожила долго. Отличалась она кротким нравом, степенностью и тем, что несла крупные яйца кофейного цвета – часто с двумя желтками.

Пудель Артемон

Курица Тучка опять не смогла взлететь на седло. Другие несушки, Белляночка и Чернушка, полуприкрыв веками круглые глаза, сочувственно наблюдали, как она тяжело шлёпнулась на дощатый пол стайки в опасной близости от корыта Хрюши-Фермера, благодушно похрапывающего на сухой и мягкой подстилке из опила. Глубоко вздохнула необъятная корова Марта. По соседству почесался рогами толщиной с хозяйкину руку её сын Геркулес (чаще просто Лесик). Вся компания привычно устраивалась ко сну.

Переваливаясь своим крупным телом, Тучка поплелась к открытым воротам. Притихший в наступающих сумерках двор огласили её жалобные причитания: «Ко-ко-ко-ко-о-о...» Жаловалась и проклинала она свою неповоротливость и вес, присущий породе бройлеров. Завидовала «маломеркам», уютно согревающим боками друг дружку на перекладине. И что с того, что яйца у неё вдвое крупнее и частенько бывают с двумя желтками, если приходится снова тащиться ночевать в эту старую собачью конуру... Хорошо ещё сено там осталось, и гнездо получается мягкое и тёплое.

Ветерок шевелил и перебирал её серые пёрышки, а парочку даже ухватил, поднял выше забора и унёс куда-то в кроны шелестящих берёз.

В конуре раньше жил славный и дружелюбный пёс Моня. Не раз он позволял Тучке доклевать из его миски размокшие хлебные корочки, испить прохладной водицы. Положит бело-рыжую голову на лапы и хвостом постукивает – радуется госте... Цыплята прибегут – и их не обидит.

Тучка ещё повозилась в сене, угнездилась поудобнее и затихла. И если случается старым добрым курам видеть сны, может, и навеяло Монино тёплое местечко ей сон о его, Мониной, жизни.

Двухмесячного беспородного щенка принесли хозяева в дом, когда их младшей дочке Машеньке было столько же. И когда её пеленали, он вставал у дивана на задние лапки и всё пытался лизнуть крохотную ручку. Так и росли они вместе.

А имя ему дала старшая – пятилетняя Катюшка. Звать его стали Пудель Артемон (Катюшка постоянно находилась под впечатлением прочитанных ей книг). Она сажала Артемона в рюкзачок и лезла с ним играть на плоскую крышу ещё недостроенного дома. Крыша огорожена дощатой опалубкой, но нависать над ней было страшновато.

Моня быстро вырослел, но росту прибавлял немного. К новой конуре, сработанной хозяйскими руками, привык быстро, научился исправно «стоять вахту». Узнавал шаги хозяина и звук его старого автомобиля – тогда Монин лай становился особенно высоким и залиvistым. И даже

пожилая фельдшерица из детской поликлиники теперь кричала от каляитки: «Уберите вашу Моню!» А Катюшка, возмущённо сдвинув брови, напоминала ей, что это Артемон.

Кудрявая задумчивая Машенька приходила покормить Моню «мочёной травкой», и он долго терпел её попытки запихать ему в пасть пучок прополосканных в его чашке листочков.

Иногда Катюшка наряжала его в чёрный жилет с ярко-жёлтыми цветами на полочках. И как-то он исхитрился удрать в развесёлом этом жилете через приоткрытые ворота. Увязался за сворой собак, а потом заблудился. Два дня его искали. Удивляли народ дурацким вопросом: не видели, мол, собаку в чёрном жилете? Приплёлся Моня домой сам, но сильно прихрамывая – так стёр свои подмышки проймами жениховского наряда.

Зимой в морозные дни его брали в дом. Пробовали оставлять ночевать в подвале, в хозяйской мастерской на мягкой стружке, но упрямец начинал так жалобно подвывать, что тут же оказывался на старом одеялке в прихожей.

Однажды холодным сентябрьским днём Моня снова исчез. Не пришёл и назавтра. Но вечером расслышала Катюша глухой знакомый вой, затормошила отца – иди скорей ищи.

И нашли: Моня угодил в старый провалившийся соседский погреб, и выбраться ему не было никакой возможности.

...Шло время. Детей в хозяйской семье стало уже трое. Моня привычно нёс службу на цепи. Лишь вечерами его отпускали побегать. Шерсть его со временем порыжела, он отяжелел и раздался в боках.

Как-то, вернувшись домой, хозяева увидели, что Монина конура заткнута длинной палкой.

Нанесли визит какие-то непрошенные гости. Монечка был избит этим дрыном, цепь не давала отбежать, да в конуру ещё метали плодами крупной свеклы, надёрганной в огороде... А из гаража исчезли запасные колёса к машине.

В подмогу пострадавшему охраннику взяли крупного пушистого Тузика из породы лаек. Моня взялся учить его сам – лаять только по делу, а не зря. Слушаться хозяев да не обижать домашних кур и кошек. Ученик вскоре втрое перерос наставника, но безоговорочно признавал его старшинство, с восторгом ждал совместной вечерней прогулки.

...Лето выдалось жарким и сухим. Вечерами хозяин гладил Моню по засаленной шерсти, всё обещал сводить его искупаться, но уставал за день и не мог выкроить на это времени. Когда Моня исчез и больше не вернулся, горевала вся семья. А хозяин винил себя за то, что не исполнил последнего обещания – может, и не ушёл бы, не сгинул Монечка.

Вантуз

Девочки возвращались домой от загона, куда каждое утро угоняли в стадо своих коров.

Солнышко уже поднялось, пригревало, но ещё не высушило росу, предвещавшую сухой и жаркий день. Подружки плелись по дорожке вдоль старого кладбища не спеша, будто досыпая на ходу драгоценные утренние минутки.

И вдруг Катюшка остановилась:

– Слышишь?

Она наклонилась над канавой и раздвинула могучие заросли травы-лебеды. Тонкий плач доносился из ямки, где вяло копошились два крохотных щенка, тыкались носами в разные стороны. Катюшка взяла в руки одного – подружка второго. На ощупь щенки были холодные и какие-то затвердевшие. Пока Катя бежала домой, прижимая к животу завернутого в полу кофточки найдёныша, она соображала, что у Муськи котятка такой же величины и, может быть, согласится кошка принять и этого беднягу.

Котятка спали в коробке, слившись в тёплую полосатую кучку. Муси не было, должно быть, ушла на ревизию в подпол. Щенок пополз вглубь, под котят, разбудил, поднялся совместный писк, и на него прибежала встревоженная Муська.

– Ну Мусенька, ну изобрази, покорми, – уговаривала Катюшка, подкладывая щенка к животу кошки. А та понюхала его и принялась вылизывать.

Чёрный подкидыш быстро перерос котят раза в полтора, а потом и вдвое. Есть он хотел всегда, и если Муся была в коробке, тянул из неё последние соки, бессовестно отталкивая своих молочных братьев. Толстенный бутуз с пушистой чёрной шерсткой уже разлепил свои глазки и пытался выбраться из коробки вслед за приёмной матерью.

Скоро это у него стало получаться; поскуливая, он находил Муську и тащился за ней по полу, накрепко повиснув на брюшке кормилицы. Приучали его к блюдцу с молоком, и лакал он с аппетитом, но кошку тянул с таким усердием, что живот у той совсем облысел и обвис. Вот тогда-то и получил он свою кличку – Вантуз.

В картонной гофрированной коробке Катюшка вырезала круглую дырку. Получилась настоящая конурка. Выставила её во двор у крыльца, налила чашку молока и поселила в нее Вантуза.

В новом жилище он полежал недолго. Вылез и пошел куда глаза глядят, оглашая воздух душераздирающими рыданиями. И Муся не вынесла. Пришла к нему, легла на прогретую кирпичную дорожку и принялась утешать, кормить и вылизывать. И так изо дня в день. Пока не унёс хозяин щенка со смешным именем своему коллеге. Искал там человек собачку небольшую, чтоб на чужих лаяла... И служил Вантуз потом долго и исправно. Только сменили ему имя на благозвучно-созвучное – Тузик.

А Муся четыре раза в год приносила по четыре котёнка... Ловила где-то у соседей здоровенных пёстрых хомяков и тащила потомству. К старости хвост у неё сделался тонким, как верёвочка, провисли спина и живот. И тихо отошла... Наверное, в своё небесное кошачье царство, потому что она его заслужила.

Геркулес

Утро выдалось сырое и серое, а за оградой висел плотный белый туман, завесивший ближнюю рощу и дорогу к ней.

Пока хозяйка доила Марту, курицы опять стащили любимое лакомство – бумажку со сливочным маслом, которым перед дойкой смазывались чисто вымытые Мартины соски, иссушенные ветрами и солнцем. Старая курица, бройлерша Тучка, с завистью следила, как гоняются за счастливницей остальные легконогие и вертлявые подружки и как яро они расклевывают бумажку до последнего клочка.

В своём загоне терпеливо ожидал Лесик. Хозяин, как всегда, почёсывал ему густую шерсть на лбу и обмахивал от несносных мух-комаров, а тот норовил лизнуть в благодарность хозяйскую бороду.

Геркулесу-Герочке-Лесику в мае исполнилось два года. В стаде он намного перерос других бычков (редко кто оставлял и годовалых). Могучим красавцем восхищались хозяева и их детишки. С рождения приученный к ласке, к терпеливому дружескому общению, он уже будто понимал человеческое слово. Старшая хозяйская дочка Катюшка, ловкая и гибкая, как прутик, даже любила прокатиться на нём, гордо восседая на широкой спине возвращающегося с пастбища любимца. Лесик давно привык, никогда и попытки стряхнуть не сделал, бережно нёс иногда и малышей-погодков, хотя отец и выговаривал за это Катюшке.

И тем не менее, наблюдая такую яркую демонстрацию мягкости характера, народ почему-то пятился от Лесика куда подальше, серьёзные мужики норовили схорониться за кучей брёвен да запастись хворостиной потолще...

Была у добродушного быка одна страсть: не мог он равнодушно пройти мимо кучи песка! В неистовом порыве разбрасывал её крепкими рогами, торжествуя трубя и роя при том копытом. Радовался, как телёнок, а со стороны картина выглядела устрашающей.

Марта с полным тяжёлым выменем пощипывала листья клёнов, ожидая, пока хозяин уgomонит неразумного её сына... На приличном расстоянии размахивали руками возмущённые бабульки.

Дома во дворе Лесик любил играть с Тузиком. Тот покусывал нагнутую голову меж толстых рогов, а Лесик делал вид, будто хочет его боднуть. Если кто-то стучал в калитку – бык первым бежал посмотреть.

Выходила хозяйка и с крыльца отзывала его:

– Лесик, Лесик, сюда!

И он послушно бежал к ней и взбирался бывало по бетонным ступеням, от чего нижняя наконец не выдержала испытаний и треснула.

Иногда случалось Лесику влюбиться. Он мог вечером увязаться за своей избранницей. Мать не бросала его – искать нужно было обоих. Стоял где-нибудь у захлопнутых перед самым носом ворот обескураженный жених в сопровождении уставшей за долгий день, измученной жарой и оводом матерью Мартой... Ей бы поскорей добраться до стойла, попить, подоиться – да лечь отдохнуть...

...Май в том году, когда она принесла Лесика, стоял холодный. Под заборами ещё лежал посеревший снег, ветер колол лицо пролетающей ледяной крупой. Телёнка обтёрли сеном, дали облизать матери и укутанного унесли в дом. Там отгородил ему хозяин тесноватый, устланный соломой уголок, где и научился он пить из кастрюльки мамино парное молоко, вставать на крепкие ножки с удивительно большими копытцами и громогласно звать среди ночи маму: «ме-е-е», потому что «му» ещё не получалось.

Через две недели резко потеплело – можно было переселять малыша в стайку к матери.

Марта подбирала на пустыре остатки стоявшего там зимою стога, пощипывала жидкую пробивающуюся травку, когда углядела, что хозяин ведёт, обнимая под брюшко прилично подросшего родного её дитятку... Открытые воротца были заложены поперёк перекладной!... Она упала на колени – широкая, чёрная, растерявшаяся от радости, и попыталась проползти под ней... С тех пор они были неразлучны.

На другой год у Марты родилась тёлочка, ещё в апреле, и потому пришлось прожить ей в доме месяц с лишним. А когда привели наконец в соседний с матерью загончик, Марта отнеслась к этому событию равнодушно – она уже не узнала дочку. Так и подрастала Забава, оттираемая и матерью и братом, пока не продали её в хорошие руки.

У Лесика была ещё одна отличительная черта: как ни умаялся он за день, но первым делом обнюхает-осмотрит дощатый настил на своей половине стайки. Позаботился ли хозяин подсыпать свежего пахучего опила ему на подстилку? А нет, так и будет стоять, ждать, шумно выдыхая ноздрями горячий воздух...

Весной водили Марту и Лесика на обязательные прививки в ветеринарный участок.

Стекались с окрестных улиц вспотевшие владельцы с упирающимися, не умеющими ходить на верёвках нетелями и бычками.

Марту вёл хозяин, Лесика – гордая Катюшка. Она же спокойно держала его пальцами за ноздри, пока брали кровь на анализ. Углядела, шустрая, хватку ветеринара, Лесик и не дрогнул. После долгого зимнего топтания в надоевшей стайке бык радовался дальней прогулке, интересному обществу. На вопросы любопытных по поводу хозяйских намерений насчёт быка хозяин весело отвечал, мол, пусть живет сколько Бог даст...

А в середине лета начались неприятности. Всё чаще возмущались у загона для стада крикливые, припахивающие перегаром старики, заявляли, что уж и пастухи могут отказаться в поле идти с таким-то бугаём. Бесплезно было им доказывать, насколько больше хлопот доставляют семимесячные тёлки, шарахающихся от пастухова старого мерина, чем порядочный и безобидный Геркулес. Тёлки, которые норовят сбежать с непривычки куда глаза глядят, не признают правил...

Горластые активисты всё же добились своего... День-другой пасла Катюшка Лесика сама на пустыре у рощи. Подкашивал и хозяин ему травы, но долго так продолжаться не могло: потому как маялся хозяин позвоночником, а у Катюшки и других хлопот полон рот.

...Когда подъехала машина с надставленными повыше бортами и остановилась у ворот, хозяин подозвал Геркулеса. Грузовик подпятился прямо к куче песка, так обожасмой Лесиком, шофёр откинул задний борт и пристроил сходни из пары сколоченных досок. От них исходил такой знакомый и привычный для Лесика запах: не один год возил грузовик заготконторы коров и бычков... Поддел Лесик песок в последний раз, стряхнул себе на спину и пошёл послушно в кузов, наращенный досками в отметилах чужих рогов.

Купчиха

Дедушка держал кроликов давно и успешно. Его дети выросли на борщах, пельменях и пирогах из крольчатины. Шились шапки: мальчикам серые, дочкам белые с длинными ушками. Семья была большая, и трудно представить, как бы жили, не будь этого подспорья. Много лет дедушка выписывал журнал «Кролиководство» и старался ему соответствовать. В клетках было чисто и сухо, у крольчих обязательно маточники – спаленки для гнезда с крольчатами. Налажены были связи по обмену поголовьем с другими любителями.

Крольчих в зиму оставлял двух-трёх; они всегда носили женские имена: Тамара, Наташа... Названия пород звучали сказочно – Белый великан, Бабочка, Шиншилла.

Дедушка знал привычки и хитрости своих подопечных. Был один год у него невзрачный пуховый крол, живущий третьим ярусом, который непременно пускал струю, как только доходила очередь потянуться за его кормушкой... Дед вёл строгий журнал учёта – как приходила питомицам пора котиться, вставал зимними ночами не по разу, ходил проверять. Бдил – не разбросала ли по клетке потомство молодая крольчиха. Складывал их в тёплое пуховое гнездо, добавлял матери самого отборного сена с клевером и люцерной.

Сено сушил сам на крыше сарая. Летом изо дня в день косил литовкой траву где-нибудь в неудобьях за тридевять земель, потому как покос кролиководов не выделялся. Ездил дедушка за травой на мотоцикле Иж-49 без коляски, с высоко задраным задним сиденьем, подобным велосипедному, только с кольцом для держания. В шлеме, очках и кожаных крагах он походил на авиатора начала двадцатого века.

Туго набитые, связанные вместе два больших мешка перекидывались по бокам мотоцикла и непременно подтыкался букет полевых цветов для женской половины семьи. Дома дедушка растрясал траву, чтобы не «загорела», выбирал-выбрасывал жёлтый ядовитый лютик и звал бабушку понюхать, как пахнет донник...

Усадьба у них была маленькая, куда втиснулись и парничок с огурцами, немного помидоров да зелени, и навес с клетками. Эта теснота сыграла как-то свою роль в одном трагическом случае. Привезли дедушке дрова и свалили во двор, где и низкорослому, тугому, как колбаса, Шарикуну повернуться негде было. Дедов сын собрался пилить стволы и резко дёрнул за шнурок бензопилы...

Красавец иссиня-чёрный блестящий крол по имени Саддам сразу и завалился... Умер от разрыва сердца от неожиданного, оглушительного рёва за тонкой дощатой стенкой его жилища.

На племя дед оставлял самых достойных представителей длинноухих. Но годы брали своё. Дедушка перенёс инфаркт. И пришлось ему оставить мотоцикл и передать детям своё хозяйство.

Так и появилась в доме его дочери крольчиха. Крупная, большелапая и молодая. Дед сам принёс её в корзине, обвязанной тряпочкой.

– Вот вам ваша Купчиха.

Своей дородностью, тройным подбородком и медлительностью она очень соответствовала кличке. Клетку ещё не приготовили и пустили крольчиху свободно скакать по дому. Дети были в восторге. На руки взять её было невозможно, и девочки ложились перед ней на пол, заглядывали в морду, морщили, как Купа, свои носики... Когда очень уж надоедали, она громко стучала задними лапами и убегала.

...Купчиха порыскала по комнатам и сама определила себе место. Недавно сложенный камин ещё не топили, и в его кирпичной арке она увидела подобие клетки, а может быть норы. Так и жила какое-то время на свободном содержании: грызла свою морковку, гуляла, пугая кошку, по всему дому и запрыгивала обратно в камин...

Скоро крольчиха озаботилась устройством настоящего мягкого гнезда, хотя крольчат вовсе и не ожидала. Сначала в камине оказался льняной парик от старой куклы. А ночью хозяин сквозь сон слышал, как кто-то возится в ногах, подвинулся – дать место, как думал, кошке...

Утром же вся семья ошарашенно разглядывала папину кровать. В пододеяльнике будто вырезали неровный круг диаметром с сиденье табурета, ну а в камине под крольчихой дети разглядели край именно такой тряпочки. Выгрызла зубами и запасла впрок на будущее.

Купчиха станет родоначальницей большого кроличьего племени. И отцом её крольчат из первых выводков будет Князь Серебряный...

Этот годовалый крол с красивой светло-серой с искоркой шкуркой первую зиму жил в тёплом просторном подвале дома, где была и котельная, и мастерская хозяйна. Запирать его в клетку просто не поднималась рука – такой он был общительный и любознательный. Встанет бывало столбиком, вытянув шею, и разглядывает – чем там хозяин за верстаком занимается... Не боялся даже шума токарного станка, скакал поблизости, обучался, должно быть. Только иногда устраивал сюрпризы...

Однажды в подвале пропало электричество. Пришлось спускаться с фонариком, выискивать причину. И что же? Часть кабеля оказалась покрошенной в лапшу острыми кроличьими зубами. И как-то не ударило током разбойника! А потом появились в глиняном полу подвала неглубокие норы. Иногда из норы торчал и серый хвостик. Пришла пора поселить длинноухого владельца благородного имени на постоянное место жительства.

...Кроличья колония из двух рядов клеток размещалась за домом, в глубине двора.

Милая, чистенькая и бессловесная живность тыкалась мягкими носами в сетку, пока хозяин по очереди чистил клетки и раздавал мешанку из овощей и комбикорма... А как-то один выводок исхитрился открыть дверку. Гуляли весь день по огороду – лакомились в своё удовольствие молодой капустой и салатом, пока не обнаружилось их самоуправство да не рассадили их по местам.

Прошли годы. Дети выросли. Хозяйства не держат, но с теплотой рассказывают уже своим малышам про проказницу Купу, про любознательного Князя Серебряного, про быка Геркулеса и про славную курицу Тучку.

Про всех, кто у нас был.

Елена ЧУХЛАНЦЕВА

ЖИЛА-БЫЛА ЛУШКА

В самом центре столицы Конго особняком стоит большой дом в колониальном стиле. Вокруг него раскинулся большой сад, огороженный высоким чугунным забором. Со всех сторон дом граничит только с дорогами, по другую сторону которых находятся здания офисов, банков, ресторанов и кафе. Дом еще и очень красивый, и проезжая мимо него, я думала всегда, что там должен жить не иначе как французский посол с семьей, а может и сам президент Конго.

Однажды я познакомилась с женщиной, которая очень давно приехала жить в эту страну из одного белорусского села, и она пригласила меня – новичка в здешней стране – в гости. Я с удовольствием согласилась, и Тая, так звали мою новую знакомую, привезла меня... в этот дом! Она жила в нем уже много лет со своим мужем, и я часто стала бывать у них в гостях.

Тая любила заниматься садом. Каждый раз, когда я приходила, обнаруживала новый симпатично обустроенный цветник. Кроме цветов в саду зеленым ковром расстилались большие ухоженные лужайки, украшением которых были пышные розовые кусты.

Придя как-то в гости к Тае, я увидела рядом с ней... обыкновенную свинью.

– Лушка, – махнув рукой в сторону свиньи, коротко сказала Тая.

Лушка, как все молодые свинки, еще не нагуляв достаточной жирности, была резвой и ужасно любопытной: ее влажный пяточок неожиданно появлялся то там, то здесь, все обнюхивал и слюнявил. Только чуть-чуть она отличалась от обычных свинок: имела всего одно ухо, что несколько не удивляло: в Африке такое случается со свиньями. И наличие всего одного уха не мешало Лушке быть счастливой хрюшкой и чувствовать себя полноправным членом новой семьи.

Кроме прочего, Лушка была очень старательным существом. Быстро освоившись, она начала каждый день проявлять свое усердие; столько цветников, кустов, лужаек и прочих нетронутых мест, – все это нужно было привести в порядок. Сначала Лушка взялась за цветники: обнюхает, потом проглотит все, что съедобно, остальное потопчет, перекопает и взрыхлит своим пяточком. А при этом нужно еще и бдительность проявлять: скорпион, паук или еще хуже змея могут без предупреждения предъявить свои права на обжитое местечко. Закончив с цветниками, она взялась за лужайки и розовые кусты.

И Лушка старалась не зря: хозяйка, всматриваясь в свой сад после работы, возводила руки к жаркому африканскому солнцу или, хватаясь за голову, долго и эмоционально восхищалась её трудами над очередным в клочья развороченным цветником:

– Боже мой! Что это за свинство такое! И откуда мне столько счастья привалило! Ты свинья, Лушка!

– Хрю-хрю-хм! – радостно отвечала Тае хрюшка, благодарная за такие ее правильные слова.

Вскоре весь сад моей подруги превратился из райского местечка в настоящее поле боя: воронки, траншеи, накаты, ухабины и бурелом на месте розовых кустов. У Таи, работающей с утра до вечера, совершенно не хватало ни сил, ни времени выигрывать этот бой. А Лушка была очень

горда своим свинством и хвалебными словами ей вдогонку и в благодарность за признание так начала опекать свою благодетельницу, что той просто шагу нельзя было ступить без Лушкиного участия. Теперь проявление усердия по наведению порядка в саду не было единственным делом Лушки: она также большое рвение проявляла в проводах хозяйки на работу. Это были чудесные провода, и Лушка старалась вовсю, чтобы окончательно покорить сердце своей покровительницы.

Каждое утро к назначенному часу Лушкино ухо чутко прислушивается к звукам за закрытой дверью дома: не стучат ли каблучки ее хозяйки. Она заранее начинает волноваться, нетерпеливо топая на месте своими маленькими копытцами: «Эхм-хрю, как же, я да не провожу, ах-хрю, уж постараюсь, хрю-хрю».

Открывается дверь, и появляется Тая, а Лушка уже вьется и хлопочет вокруг нее, не отпуская ее ни на шаг от себя. У Таи в руках не только сумочка, но и нужное, выверенное частым расставанием с Лушкой количество бананов: без них она просто не сможет попасть на свою работу. И вот наступает трепетный момент, который Лушка знает до боли, до ёканья в желудке, и она готова к действию. А Тая, бросив небрежно сумку в машину, из добропорядочной дамы на каблуках превращается в азартную метательницу бумеранга или диска – все равно, главное, чтобы предмет улетел как можно дальше вглубь сада. Этот предмет – банан – летит высоко и далеко.

И Лушка, как верный пес по команде, как звезда с небосклона, срывается с места и летит вслед за ним, пристреленным глазом по траектории полета банана уже намечая, где он упадет. Она летит навстречу ветру, и ее единственное ухо плещется и развевается на этом ветру, хлопает по Лушкиному глазу, добавляя звучание топоту ее ножек.

Лушка тормозит ровно там, куда сваливается банан. Поедая его, она одним глазом поглядывает, что же творится у ворот. Тая, не теряя времени, быстро открывает ключом большой навесной замок, широко раскрывает одну за другой створки ворот и даже успевает завести машину. Лушка чавкает быстро-быстро: она хорошо знает, что чем усерднее будет трудиться, тем больше бананов она заработает. Вот она уже бежит обратно к своей хозяйке, которая, расставив поудобнее ноги и замахнувшись сильнее, посылает очередной банан еще дальше вглубь сада.

Лушка на всем скаку оседает на свои коротенькие ножки, разворачиваясь передними на сто восемьдесят градусов, и снова летит над землей. И опять ее единственное ухо развевается над ее головой, как флаг под шквальным ветром. Встретившись в одной точке с бананом, Лушка с ещё большим энтузиазмом принимается за его уничтожение, мечет глазом в сторону ворот, а там... Таиса, усевшись в машину, вырывает за пределы двора, за ворота, выходит из машины и сходу отправляет третий банан навстречу радостно бегущей Лушке.

Возбужденный до предела Лушкин организм, развернувшись на полдороги, как вулканическая лава, несется в облаке пыли и прерывает свой бег, уткнувшись в банан. Он быстро исчезает в чреве Лушки, и она несется назад, к воротам, вполне довольная собой, но ворота захлопываются перед самым ее пяточком. «А поцелов... – но ей в ответ только шум увозящей Таю машины, – хм-хрю». Лушка просовывает свой мокрый розовый пяточок между прутьями ворот и, еще какое-то время постояв, деловито семенит на свое излюбленное место в тени дома и укладывается в разрытую влажную землю. «Хорошо проводила... вечером...встретить... хрю-хм», – в полусне отстукивает копытцем в одноухой голове Лушки.

КРАЕВЕДЕНИЕ

*****

Татьяна СОЛОДОВА

«...несправедливо предано забвению» (С.И. Карцевский)

Имя Сергея Иосифовича Карцевского (1884–1955), выдающегося лингвиста и интересного писателя, «в наши дни ... несправедливо предано забвению», – писала исследовательница его деятельности, доктор филологических наук, профессор университета имени Шарля де Голля (Франция) Ирина Ильинична Фужерон¹. Этому есть объяснение: «Одной из причин слабого распространения работ Карцевского является в России то, что он был эмигрантом, а на Западе – то, что предметом его анализа был почти исключительно русский язык, а способом выражения своих мыслей он выбрал французский язык...»².

Лингвист Р. Якобсон отмечал «исключительный научный талант и лингвистический темперамент»³ Сергея Иосифовича.

С.И. Карцевский родился в Тобольске в 1884 году в семье местных интеллигентов. Его отец был ветеринарным врачом. Мать, Елена Николаевна, родом из Тульской губернии, «личная дворянка» (так записано в переписном листке первой Всеобщей переписи 1897 г.), давала уроки музыки. Отец Сергея Иосифовича, очевидно, имел польские корни. Это подтверждает отрывок из письма С.И. Карцевского Н.А. Рубакину⁴ от 6 января 1937 года: «Фамилия моя польская (Karczewski, Карчевски), но её обрусили – Карцевский»⁵.

Довольно необычным для того времени являлся тот факт, что супруги Карцевские развелись. Это произошло до 1897 года, судя по переписи, так как в переписном листке Елена Николаевна значится как разведённая, хотя её младшему сыну в 1897 году (на момент переписи) исполнилось лишь полтора года. Какая драма произошла в семье – неизвестно.

Сергей окончил тобольскую мужскую гимназию. В девятнадцать лет он получил диплом учителя начальной школы: в старших классах гимназии давалась педагогическая подготовка.

Молодой человек принимал активное участие в политической жизни. Зимой 1903 года он уезжает на север Тобольской губернии, где жили коренные народы. Карцевский учительствовал в селе Нахрачи (ныне посёлок Кондинский). Об этом сохранилось свидетельство самого Сергея Иосифовича (в рукописи «Среди вогул»): «Зиму 1903–1904 мне пришлось

¹ Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 10.

² И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского)//Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 244.

³ Письмо Я. Якобсона С. Карцевскому от 2 сент. 1930 г.// Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 268.

⁴ Николай Александрович Рубакин — русский книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель.

⁵ Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 309.

провести в качестве народного учителя в инородческой вогульской школе в с. Нахрачах Тобольского уезда»⁶.

С. Бояркина, автор статьи о С.И. Карцевском «Любовь всей жизни – русский язык», предполагает: «Сергей Иосифович поселился на Севере неспроста. Взглядов он был передовых и, судя по всему, хотел на время скрыться от преследования властей»⁷.

Около года прожил молодой учитель в Нахрачах, а потом из-за начавшейся болезни вынужден был сменить место жительства и переехал в Нижний Новгород. Там он заведовал общественной библиотекой. В 1905 году Карцевский перебрался в Петербург, где «вступил в партию»⁸.

Далее даты сведений о жизни Карцевского, указанные в различных источниках, несколько различаются.

Видимо, вскоре он переехал в Москву, где был арестован за свои политические взгляды. Одни биографы пишут, что он входил в партию эсеров, другие – эсдеков. После года заключения, в 1907-м Сергей Иосифович бежал из тюрьмы и нелегально эмигрировал в Швейцарию, где поступил в Женевский университет; блестяще его окончил в 1914 году. В Женеве Карцевский жил до 1917 года.

Во время учёбы в университете и после окончания его он серьёзно занимался как лингвистикой, так и литературой. Литературным творчеством молодого учёного заинтересовался М. Горький, который в то время возглавлял издательство «Знание» и выпускал сборники с одноимённым названием. В 1910-м году в этом сборнике (вып. XXXI) Горький печатает повесть Сергея Иосифовича «Ямкарка» и даёт ей высокую оценку.

Популярность этих сборников была очень высока. Писатель А. Серафимович вспоминал: «Зелёных книжечек сборников «Знание» все ждали с величайшим нетерпением. Только выйдут, их моментально расхватывают в магазинах»⁹. В. Короленко называл сборники «литературным явлением выдающегося значения»¹⁰.

То, что повесть никому не известного, начинающего автора была помещена в таком авторитетном издании, говорило о высоком идейном и художественном уровне произведения Карцевского.

В 1911 году психолого-драматический рассказ Сергея Иосифовича «Колька» получил лауреатство в Петербурге в конкурсе на лучшую новеллу. Конкурс был организован газетой «Биржевые новости» и журналом «Новое слово».

В этот свой первый период жизни в Женеве Карцевский перевёл на русский язык роман французского писателя Р. Роллана «Жан Кристоф». М. Горький сообщает в 1911 году писателю А. Амфитеатрову: «...некто Карцевский, автор рассказа «Ямкарка» в одном из сбор[ников] «Знания», переводит всю серию романов Р. Роллана «Жан

---

⁶ Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 83.

⁷ Бояркина С. Любовь всей жизни – русский язык // Тобольская еженедельная газета «Тобольск–Содействие», № 2 (1051), январь 2016, с. 7.

⁸ Драгоценная паутина // Подорожник: краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 11, с. 195.

⁹ Касторский С.В. Горький в годы реакции // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. X. Литература 1890—1917 годов. — 1954, с. 437.

¹⁰ Там же, с. 448.

Кристоф». Первый роман около 4 листов – уже переведен, не надо ли для «Совр[еменника]»?¹¹

Сергей Иосифович переписывался с Роменом Ролланом, и не только в связи с переводом его романа, но и обсуждая с ним творчество Л.Н. Толстого. Этому великому писателю молодой учёный посвятил ряд лекций, прочитанных им в институте Ж.Ж. Руссо.

В Женевском университете Карцевский учился у видных лингвистов того времени, которые, по словам историка С. Стеллинг-Мишо, «сразу же признали в нём большие дарования к занятиям лингвистикой»¹². Это, видимо, и определило его стезю: он стал профессионально заниматься лингвистикой, а к литературе обращался время от времени, не считая важным публиковать свои произведения. Так они и остались при его жизни в рукописях.

В марте 1917 года после Февральской буржуазной революции С.И. Карцевский возвращается в Россию. Он занимается лингвистикой как учёный и вузовский преподаватель. В Москве участвует в деятельности лингвистического кружка. Его доклады высоко оценивают известные учёные.

Два года Сергей Иосифович жил в Днепропетровске, где занимал должность проректора педагогического института, преподавал там русскую литературу, французский и английский языки, одновременно читая лекции по русскому языку в местном университете.

Но видимо, далеко не всё устраивало его в новой, послереволюционной России, поскольку в 1920 году он с женой Евгенией Евгеньевной и маленькой дочерью Светланой уезжает из страны навсегда. Живёт в Чехии, Швейцарии, преподаёт в университетах, создаёт работы по лингвистике русского языка, занимается общим языкознанием. Не вдаваясь в специфику его лингвистических изысканий, которые по оценке специалистов очень значимы и вносят большой вклад в развитие науки о языке, отметим некоторые интересные, на наш взгляд, неспециалисту работы Карцевского.

В 1921–22 годах он публикует в русской парижской прессе статьи, рассказывая в них, как изменился современный тому времени русский язык под влиянием Первой мировой войны и революционных событий: «Русский язык и революция» и «Халтура».

«...мы пережили грандиозные события, – пишет Карцевский в статье «Русский язык и революция», – война, революция, большевизм, гражданская война – всё это неминуемо должно было оставить свои следы и на русском языке. Должны были возникнуть новые слова для новых понятий, вызванных к жизни новой обстановкой войны и последовавшей политико-социальной разрухой. Интересно и поучительно обследовать, какие изменения произошли в эпоху 1914–1920 гг.»¹³

В годы Первой мировой войны «вместе с беженцами из западного края явилось знаменитое «извиняюсь»...»¹⁴. Годы революции стали рождением таких слов, как «керенки», «красноармейцы», «красногвардейцы»,

¹¹ Горький – Амфитеатрову, 24 января 1911 г.// <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1452.htm>

¹² Кузнецов В.Г. Сергей Иосифович Карцевский//Подорожник: краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 11, с. 198.

¹³ Карцевский С.И. Русский язык и революция// Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 50.

¹⁴ Там же, с. 51.

«деникинцы», «комбеды» и др. «Рядом с «самогоном» существует «самосидка», т.е. вино, высиживаемое дома. Среди сокращений типа «нарком», «совдеп» и т.п. можно упомянуть насмешливое «компоморде», т.е. комиссар по морским делам»¹⁵. Однако Карцевский считает, что это лишь внешние изменения: «Ни война, ни большевики не затронули своим влиянием основ языка, т.е. его грамматики»¹⁶.

Статья «Халтура» написана более резко. В ней явно чувствуется отрицательное отношение автора к реалиям послереволюционного времени, даже несколько утрированный и саркастический взгляд на одну из важнейших сфер нового советского общества – область труда.

«Новый режим диктатуры пролетариата был прежде всего понят как право на отдых, на «буржуйное» существование для прежних трудящихся и переложение ига труда на плечи бывших господ. Иначе какой же это социализм, что за диктатура пролетариата, когда нужно по-прежнему трудиться, как во время господства буржуазии?..

И вот всё-таки люди работают, потому что не работать нельзя, это требуется советской конституцией, нужно работать, чтобы получить жалование, наконец, нужна же хоть видимость дела – иначе ведь и с ума сойдёшь.

Вот для такой работы, для обозначения развенчанного, опозоренного, ошельмованного труда нужно было создать новое слово. И его создали.

Это слово ХАЛТУРА...

Когда советское правительство начинает создавать проекты, один другого грандиознее, спец или иной интеллигент, привлечённый к разработке этих проектов, знает, что всё это халтура, что их авторы халтурники, что и сам он будет не делом занят, а халтурничеством. И вот все халтурят, потому что работать, трудиться в полном смысле этого слова невозможно, а не «халтурить» тоже нельзя.

Всякое несерьёзное занятие – халтура. Частые выступления актёров на разных сценах, то в городе, то в деревне, то на эстраде, иногда в разных местах в один и тот же день – это халтура... Советские служащие не служат, а халтурят. Слово это стало таким популярным и в связи с универсальностью самого явления таким универсальным...»¹⁷

В 1923 году Карцевский публикует в Берлине очерк «Язык, война и революция», тоже посвящённый языковым изменениям военного и революционного времени. В этом же году он основывает и редактирует в Праге журнал «Русская школа за рубежом», который выходил в течение шести лет и пользовался большой популярностью в русских учебных заведениях за границей. Сам редактор печатал в нём свои статьи, посвящённые вопросам лингвистики и русского языка. Одной из важных тем его работ является «изгнание схоластики из преподавания языков», как пишет он в одном из своих писем того времени¹⁸.

Интересно то, что в двух номерах этого журнала (№№ 10, 11, 1924 г.), печатающего исключительно материал лингвистического

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Карцевский С.И. Халтура// Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 52, 53.

¹⁸ И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского//Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 246.

и методологического характера, были напечатаны «Воспоминания детей-беженцев из России». «Это свидетельство того интереса, который Карцевский проявлял к детской психологии»¹⁹. Надо думать, что воспоминания детей Сергей Иосифович считал и фактом истории, а потому необходимым для сохранения в памяти современников и потомков. Для публикации этого материала он собрал и отредактировал 134 сочинения учащихся русской гимназии в Праге. «Эти сочинения показывают революционную Россию глазами маленьких участников и наблюдателей тех событий»²⁰.

В первые годы своей послереволюционной эмиграции Сергей Иосифович жил в Праге. Он не имел постоянного места работы и преподавал в разных вузах. Материальное положение его было весьма тяжёлым. В письме к своему учителю по Женевскому университету, швейцарскому языковеду, одному из выдающихся лингвистов XX века Ш. Балли (от 7 августа 1924 г.), он пишет, что для улучшения материального положения ему надо защитить диссертацию. Но времени для этого не хватает: преподавание и журнал «Русская школа за рубежом» оставляли ему мало возможностей полностью заняться подготовкой к ней.

В письме к Балли от 17 сентября 1925 года он вновь пишет, что «жизнь в эмиграции очень трудна и ему бы хотелось найти постоянное место преподавателя»²¹.

В 1927 году Сергей Иосифович защищает в Женевском университете диссертацию и, получив там место приват-доцента, переезжает в Женеву. Однако должность приват-доцента не даёт достаточного заработка, и Сергей Иосифович параллельно читает платные лекции о русских писателях: Достоевском, Толстом, Гоголе.

«Карцевский был в гуще лингвистической жизни своего времени: принимал участие во многих международных лингвистических конгрессах, выступал с докладами в Копенгагене и Париже», – пишет В.Г. Кузнецов в статье «Сергей Иосифович Карцевский».²²

Карцевский основал Центр славянских языков и литератур и руководил им с 1929-го по 1935-й год.

Профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Женевского университета, он читал лекции и вёл практические занятия, преподавал в Женевской школе переводчиков, основал в 1940 году Женевское лингвистическое общество, вёл большую научную работу. «По свидетельству С. Стеллинг-Мишо, все те, кому довелось учиться у С. Карцевского, работать с ним, были восхищены возвышенностью его мысли, его обширными знаниями не только в сфере лингвистики, но и в области литературы, русской и славянской».²³

---

¹⁹ Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский // <https://www.chauka.org/node/9475>

²⁰ Богданова Н. Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии // https://ugra-news.ru/article/khrustalnaya_mechta_narkomata/

²¹ И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 247.

²² Кузнецов В.Г. Сергей Иосифович Карцевский // Подорожник: краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 11, с. 200.

²³ Кузнецов В.Г. Женевская лингвистическая школа: от Сосюры к функционализму // Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 47.

Сергей Иосифович писал: «В моей работе я движим одной любовью, и эта любовь – русский язык»²⁴. Он написал более 60 работ и три монографии, посвящённые русскому языку.

Это не так много, однако «его вклад в развитие лингвистической науки XX столетия существенен и неоспорим»²⁵. Как пишет И. Фужерон, «материалы архива показывают тщательность работы Карцевского. Всё неоднократно переделывалось, переписывалось, о чём свидетельствуют многочисленные черновые записи и варианты. Карцевский работал не вширь, а вглубь, как бы по спирали: количество разрабатываемых тем в его лингвистическом наследии ограничено, но каждая работа по определённой теме углубляет предыдущую»²⁶.

И.И. Фужерон вместе с французскими учёными Ж. Брейари и Ж. Фужероном написали вступительную статью ко второму тому книги С.И. Карцевского «Из лингвистического наследия», вышедшего в Москве в 2004-м. В нём они отмечают: «Карцевский – это не просто учёный, который разделяет те или иные взгляды или отмежёвывается от них. Это учёный самобытный, не поступившийся ничем ради своей карьеры. Нам могут возразить, что его научная деятельность затрагивает не очень широкий круг вопросов. Возможно, но они разработаны в тесном единстве с его общей концепцией языка. Имя Карцевского, вероятно, по ряду причин было отодвинуто в тень. Сегодня настало время вернуть Карцевскому его заслуженное место в русской и мировой лингвистике»²⁷.

В предисловии к монографии Сергея Иосифовича «Повторительный курс русского языка», вышедшей в 1928 году в СССР, выдающийся русский и советский лингвист А.М. Пешковский отмечал «глубокую продуманность содержания, доведённую до изящества, строгость и цельность проводимой системы»²⁸. Эти качества характерны и для других работ учёного.

Однако не всё было благополучно с изданием этой монографии Карцевского. Выход «Повторительного курса русского языка» в Москве был приостановлен после издания 4 тысяч экземпляров, хотя по договору должно было выйти 20 тысяч книг. «В письмах Рубакину он (Карцевский – Т.С.) пишет, что выход книги важен для него особенно «по двум причинам: во-первых, она позволила бы в краткой форме изложить некоторые из моих идей и пустить их в ход в России, а во-вторых, это был бы постоянный небольшой доход». Карцевский недоумевает, что при наличии таких положительных отзывов, как отзыв Мейе²⁹ («образец того, что должно было бы быть сделано для каждого языка»), Поливанова³⁰ («это лучшее, что выходило по этому вопросу»), «пресса советская замолчала мою книжку». Карцевский обращался и к Пешковскому³¹ с просьбой помочь продолжить издание. В ответ Пешковский приводит ряд аргументов, объясняющих невозможность возобновления издания.

---

²⁴ Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 8.

²⁵ Люди нашего города: Сергей Карцевский // <http://tobgorod.ru/2015/10/14/lyudi-nashego-goroda-sergej-kartsevskij/>

²⁶ Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 43.

²⁷ Драгоценная паутина // Подорожник: краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 11, с. 196.

²⁸ Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 46.

²⁹ Поль-Жюль-Антуан Мейе — крупный французский лингвист.

³⁰ Евгений Дмитриевич Поливанов — русский и советский лингвист.

³¹ Александр Матвеевич Пешковский — русский и советский лингвист.

Но аргументы Пешковского явно не убеждают Карцевского, он «упорно не понимает обстановки в России и искренне думает, что вмешательство «авторитетного» лица (Горького, Рубакина) может помочь делу»³².

Ещё в 1927 году (письмо от 23 сентября) А.М. Пешковский пишет Сергею Иосифовичу: «Единственная тема, которая была бы принята безоговорочно от любого автора, это социальная природа языка, особенно если бы эта природа была освещена под марксистским углом зрения»³³.

В 1931 году снова всплывает вопрос о «Повторительном курсе русского языка» – об его переиздании в Москве (скорее о доиздании: ведь он так и остался с тиражом в 4 тысячи экземпляров), на что очень рассчитывал Сергей Иосифович. Однако выясняется, что «это дело почти невозможное. Во-первых, теперь политположение изменилось, и ГИЗ³⁴ вряд ли возьмётся издавать учебник эмигранта... Затем все примеры должны быть агитационные. Наконец отсюда за границу ГИЗ гонораров переводить не имеет права. Учебник Карцевского не только разошёлся, но на него имеется большой спрос. Однако переиздавать его, по крайней мере с фамилией автора, не разрешают»³⁵.

В 1936 году Сергей Иосифович снова поднимает вопрос о переиздании «Повторительного курса русского языка» в СССР и снова безрезультатно. И главнейшая причина была в том, что автор её – эмигрант.

На протяжении всей жизни Карцевский не оставлял и занятий литературой. Но если в молодости он писал беллетристику, то в зрелые годы сосредоточился на литературоведческих трудах, задачей которых являлась пропаганда русской литературы за рубежом. Он составил Антологию русской литературы 19–20-го веков и написал предисловия ко многим произведениям русских писателей, изданных на французском языке в период с 1944-го по 1948-й год. Читал лекции о классиках русской литературы.

В письме в президиум АН (1946 г.) Сергей Иосифович сообщал: «О своих работах, касающихся литературоведения, могу сказать следующее. Говоря в своих университетских курсах о некоторых больших русских писателях, я стремился установить для каждого своего рода психологические константы, прослеживая их как в творчестве, так и в жизни писателя. Пользуясь с известной осторожностью методами и данными аналитической психологии, я смог прийти к некоторым заключениям и зачастую даже к серьёзным обобщениям, которые представляются мне не лишёнными научного значения. Я был бы рад поделиться этими выводами как в устной, так и в письменной форме. Что касается последней, то я предполагал бы в первую очередь приготовить томы литературно-психологических очерков, посвящённые Толстому, Гоголю и Достоевскому».³⁶

Во время советско-финской войны 1939–1940 годов Сергей Иосифович работал журналистом в Финляндии, «общался с советскими военно-

---

³² Там же, с. 251.

³³ И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского)//Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 261.

³⁴ ГИЗ – государственное издательство.

³⁵ Письмо Р. Якобсона С. Карцевскому от 3 января 1931 г.//Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 173–274.

³⁶ Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 311.

пленными, носителями русского языка, изучал их устную и письменную речь»³⁷.

Сергей Иосифович имел жену и детей: дочь Светлану и сына Игоря. Из писем Карцевского друзьям и коллегам ясно, что его семья жила трудно в материальном отношении. В 1937 году он пишет Н.А. Рубакину (6 января 1937 г.): «Мировые лингвисты интересуются моими работами. Месяца два тому назад заседание лингвистического общества в Копенгагене было посвящено «Лингвистическим идеям Карцевского». Мне много заказывают лингвистических статей. Вот и сейчас я пишу одну статью для *Jas. van Ginneken* и другую для сборника *Matica Slovenska!* Но всё бесплатно. А дела мои очень слабы. Мой учебник³⁸ давал мне возможность в краткой форме изложить некоторые из этих идей и пустить их в ход в России. А кроме того, если бы он пошёл (в чём у меня нет сомнений), это был бы для меня постоянный небольшой доход. И вот почти 9 лет, как книжку не пускают»³⁹.

Учёный мечтал вернуться на Родину. Он создал в Женеве «Объединение лиц родом из России». Н. Богданова, директор Кондинского краеведческого музея, в статье «Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии» пишет: «Как вспоминал в нашем с ним телефонном разговоре сын Карцевского Игорь Сергеевич, «родители всегда хотели вернуться в Россию»⁴⁰.

В архиве Женевского университета сохранилось его письмо в Президиум Академии наук, написанное в сентябре 1946 г.:

«Позволяю себе обратиться к Высокой Учёной Коллегии по следующему поводу.

Работая над проблемами, которые ставит перед лингвистом изучение современного русского языка, а также над некоторыми вопросами русского литературоведения, я давно уже испытываю крайнюю потребность находиться в русской учёной среде и быть окружённым стихией русского языка. Живя в течение долгих лет в Женеве, где я состою в университете профессором русского языка и литературы, а также преподавателем русского языка в школе толмачей и переводчиков при университете, я лишён возможности обмениваться мыслями с коллегами по специальности за отсутствием таковых, не имею возможности быть в курсе работ советских учёных за отсутствием советской литературы, и сверх того, с тревогой замечая, что начинаю терять чувство родного языка, особенно в области ударений.

Я был бы счастлив, если бы мне была дана возможность работать над вопросами, которые меня интересуют, в соответствующих научно-исследовательских институтах при Академии наук. Речь идёт о возможности закончить некоторые уже далеко подвинутые труды или осуществить некоторые научные замыслы. В этом я вижу свой нравственный долг перед наукой и оправдание своего существования.

---

³⁷ Бояркина С. Любовь всей жизни – русский язык // Тобольская еженедельная газета «Тобольск–Содействие», № 2 (1051), январь 2016, с. 7.

³⁸ Карцевский имеет в виду свою монографию «Повторительный курс русского языка».

³⁹ Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 308.

⁴⁰ Богданова Н. Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии // https://ugra-news.ru/article/khrustalnaya_mechta_narkomata/

Мне уже 63 года...

Лучше всего было бы, конечно, побывать самому в Москве для личных переговоров. Но материальных средств на подобную поездку у меня нет. Кроме того, мой советский вид на жительство, выданный мне на основе Указа Верховного Совета от 14 июня 1946 г., для въезда в Советский Союз недостаточен.

С глубоким уважением

Профессор Сергей Иосифович Карцевский

Вице-председатель Женевского лингвистического общества

Председатель объединения лиц родом из СССР в Швейцарии

К вышеизложенному я должен добавить, что я женат. Моя жена – доктор медицины Женевского университета, работавшая врачом в 1916–17 гг. на фронте. У нас есть сын, по специальности геолог, окончивший Женевский университет по минералогическо-геологическому отделению естественного факультета. И жена, и сын тоже желали бы работать на Родине». ⁴¹

Письмо осталось без ответа. Но это не остановило Сергея Иосифовича, он пишет письма в различные советские инстанции с просьбой разрешить ему жить в СССР. Обращается он и к видным советским языковедам В.В. Виноградову и И.И. Мещанинову. Сохранилось его письмо к В.В. Виноградову, тогдашнему директору Института языка и мышления:

«16. II. 47.

Многоуважаемый Коллега...

В моей библиотеке имеются некоторые из Ваших трудов, и мне было чрезвычайно приятно и даже несколько неловко, что Вы уделили там столько лестного внимания моим работам, особенно по русскому глаголу.

На днях из советских газет я узнал, что Вы избраны членом Академии наук СССР, очень порадовался этому и приношу Вам свои искренние поздравления и наилучшие пожелания.

Последние годы я много работал над современным русским языком...

Но живя вот уже двадцать лет в Женеве, где состою профессором университета, я не только отстал от советской науки, но и не имею здесь никакой возможности обменяться мыслями с коллегами за полным отсутствием в Швейцарии лингвистов-русистов.

Несколько месяцев тому назад я обратился в Президиум Академии наук с заявлением, в котором я писал, что очень желал бы для завершения своих трудов лингвистических и литературоведческих получить возможность работать при соответствующих научно-исследовательских институтах. Мне уже 63-й год, нужно торопиться, и мне тяжело было бы думать, что я не смогу закончить своих работ...

Для меня было бы большим счастьем войти в семью советских русистов. О многом хотелось бы переговорить и с Вами лично в связи с проблемами русского языка.

Я позволяю себе надеяться, что Вы не откажетесь поддержать моё заявление...

Если бы вопрос разрешился благоприятно, мне потребовалось бы, конечно, несколько месяцев, чтобы полюбовно отменить свой контракт с университетом, подготовиться к переезду и попасть на Родину до наступления холодов, для защиты от которых ни у меня, ни у жены нет

---

⁴¹ Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 310–313.

подходящего гардероба. Летние университетские вакации здесь длятся с начала июля по начало октября.

Кроме преподавательской деятельности я состою здесь вице-председателем Женевского лингвистического общества и вице-администратором Славянского института при университете, учреждений, возникших по моей инициативе. Сверх того, являюсь председателем Союза советских граждан в Швейцарии.

Вот сведения о себе, которые я могу вкратце сообщить Вам.

Очень прошу Вас, многоуважаемый Коллега, принять мои наилучшие пожелания». ⁴²

Однако ответа от учёных он не получил. Это вполне можно понять, учитывая ту атмосферу борьбы с «космополитизмом», включающую в себя и осуждение «буржуазного языкознания», которая развернулась в послевоенные годы. Часто учёные, обвинённые в «космополитизме», не только лишались места работы, но и ссылались или даже отправлялись в лагерь. Однако, как пишут И. и Ж. Фужероны, «он решительно не может или не хочет понять истинное положение вещей в СССР» ⁴³.

Спустя почти десять лет после начала Карцевским хлопот о возвращении на родину они увенчались успехом. В мае 1956 года лингвист с семьёй должен был уехать в СССР. Но 7 ноября 1955-го Сергей Иосифович скончался. Как написала его жена: «Судьба судила иначе». ⁴⁴

К сожалению, Карцевскому не удалось осуществить большой труд, который он задумал и над которым работал, – «Грамматика русского языка». Посмертно в 1956 году издана его работа «Практический и теоретический курс русского языка». В предисловии к ней сын учёного Игорь Сергеевич Карцевский писал: «Эта небольшая по объёму работа является результатом многолетней преподавательской и научной деятельности С. Карцевского» ⁴⁵.

В 1957 году его прах был перевезён в Москву и захоронен в московском Донском крематории.

В этом же, 1957 году семья учёного передала рукописи его научных трудов на французском языке в Академию наук СССР. «Эти материалы пролежали в Институте русского языка почти нетронутыми до 1998 г.: имя эмигранта Карцевского было фактически вычеркнуто из советской науки... последнее издание работ Карцевского относилось к 1956 году, когда вышел сборник *Cahiers de Ferdinand de Saussure* N° 14, посвященный памяти Карцевского...». ⁴⁶

И имя, и труды С.И. Карцевского были забыты почти на полвека.

Начало «второй жизни» учёного связано с удивительными и неожиданными, казалось бы, случайными ситуациями. Они могли бы стать сюжетом захватывающей повести или драмы.

---

⁴² Там же, с. 313–315.

⁴³ И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского//Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 257.

⁴⁴ Бояркина С. Любовь всей жизни – русский язык//Тобольская еженедельная газета «Тобольск–Содействие», № 2 (1051), январь 2016, с. 7.

⁴⁵ Кузнецов В.Г. Женевская лингвистическая школа: от Сосюры к функционализму// Карцевский и Конда. – Кондинская типография, 2011, с. 48.

⁴⁶ Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский// <https://www.chayka.org/node/9475>

Действие первое.

В 1973 году французский лингвист русского происхождения Ирина Ильинична Фужерон, работая над докторской диссертацией в Московской библиотеке им. Ленина, в одном из материалов познакомилась с неизвестным ей именем лингвиста Карцевского. Она заинтересовалась его трудами и пришла к выводу об их большой значимости. Кроме того, «её поразила оригинальность и новизна мышления этого ученого в области изучения русского языка...»⁴⁷.

Ирина Ильинична проделала огромную работу по систематизации, описанию и переводу рукописей Карцевского на русский язык. Благодаря её исследовательскому труду и энергии произошло возрождение имени этого крупнейшего учёного на его родине. Институт русского языка РАН в Москве и Парижское лингвистическое общество предприняли переиздание ранее напечатанных учёных трудов Карцевского и на основе архивных материалов издание его рукописей.

С 2000 по 2004 год вышло четыре сборника работ С.И. Карцевского: два в Москве и два в Париже.

Действие второе.

В далёком не только от Парижа и Женевы, но и от Москвы и Петербурга северном посёлке Кондинском (бывшее село Нахрачи) в фонде местного краеведческого музея обнаружилась переписка большевика-революционера Ивана Александровича Искры (Скрябинского), которую он вёл в 1965 году с завучем Кондинской средней школы Е.В. Головкиной. Она возглавляла ученическую краеведческую работу и обратилась с просьбой к Ивану Александровичу поделиться своими воспоминаниями. «В 20-е годы прошлого столетия член общества изучения Тобольского края Иван Алексеевич Искра (Скрябинский) был направлен на Конду председателем райисполкома. Спустя два года Искра был переведён в Тобольск, но связи с кондинцами не потерял»⁴⁸.

В свою очередь Искра просил всех, кто был связан с Кондой, написать письма-воспоминания. Одно из писем написал Николай Никандрович Накоряков, уроженец Тобольска, профессиональный революционер, большевик, после революции известный советский книгоиздатель. В письме он сообщал: «В 1903–1904 гг. мы <...> общими усилиями обрядили и направили первого молодого социал-демократа Сергея Карцевского в с. Болчары⁴⁹ – первым учителем в школу грамоты. Он работал в школе до конца 1904 года, потом по болезни уехал в Петербург (Ленинград). Там он учился и в 1905–1906 годах стал писателем, в 31 сборнике «Знания» напечатал первую повесть о Конде под названием «Ямкарка». Сам Горький одобрил повесть, редактировал её. <...> Вот вам справка о первом социалисте, жившем на Конде».⁵⁰

Так кондинцам стало известно о Карцевском и произведении, которое он написал об их крае.

---

⁴⁷ Богданова Н. Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии // https://ugra-news.ru/article/khrustalnaya_mechta_narkomata/

⁴⁸ Методические рекомендации по изучению региональной литературы в школе на примере повести С.И. Карцевского «Ямкарка» // <https://moluch.ru/archive/264/61123/>

⁴⁹ Н.Н. Накоряков за давностью лет перепутал: Карцевский учительствовал не в Болчарах, а в с. Нахрачи.

⁵⁰ Там же.

В 2009 году директор Кондинского краеведческого музея Надежда Ивановна Богданова передала письма Искры и Накорякова для издания их в журнале «Югра». Не известный никому рассказ Карцевского с загадочным названием «Ямкарка» да ещё о Конде заинтересовал и Н.И. Богданову, и тогдашнего редактора ханты-мансийского альманаха «Подорожник» В.К. Белобородова. Рассказ отыскан в журнальном отделе Российской Национальной библиотеки и был напечатан в «Подорожнике» (вып. 11, 2009 г.).

Однако Н.И. Богданова на этом не успокоилась и в 2010 году с помощью сотрудников московского Института русского языка вышла на И.И. Фужерон. Между ними завязалась переписка. В своём письме из Парижа 23 марта 2010 года Ирина Ильинична писала: «Года три назад обнаружилась вторая часть архива Карцевского – уже на русском языке. Среди прочих ценнейших архивных находок была рукопись «Среди вогул»⁵¹.

Действие третье.

В 2012 году после смерти сына Карцевского его семья передала в архив Женевского университета хранившиеся у него документы и рукописи отца. И. Фужерон и Ж. Фужерон пишут: «После знакомства с женевским архивом перед нами предстаёт многогранный образ человека с широким кругом интересов и способностей»⁵².

Среди рукописей обнаружили художественно-литературные произведения, написанные им, но нигде не публиковавшиеся.

Конечно, действующим лицам нашей драмы захотелось всё это издать. Но откуда взять деньги? В Кондинском районе их не нашлось. И.И. Фужерон обратилась в московское издательство «Планета», которое объявило народный сбор на издание литературных произведений учёного.

И наконец кульминация действия: в 2018 году выходит сборник рассказов и очерков Карцевского под названием «Из прошлого, из далёкого». Его выпустило издательство RIDERO при поддержке компании «Планета».

В сборник вошли все известные по изданиям и рукописям литературные произведения Карцевского, прежде всего печатаемые ранее рассказ «Колька» и повесть «Ямкарка». Остальные произведения изданы по рукописям автора. Это автобиографическая повесть «Село Туман». «На самом деле это про село Нахрачи (сейчас п. Кондинское) и его обитателях. Первая глава так и называется – «Первые дни в доме Поповых», где все совершенно документально вплоть до имен».⁵³ В повести «Село Туман» рассказывается «о первых днях его (Карцевского – Т.С.) пребывания в Нахрачах, встречах с «хозяевами», тяжелой атмосфере в их доме, о детях, учившихся в этой школе, людях, с которыми жизнь столкнула здесь автора»⁵⁴.

Автобиографична и неоконченная повесть «Больная ночь» – воспоминания Карцевского о жизни в Нахрачах, написанные от третьего

---

⁵¹ Богданова Н. Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии // https://ugra-news.ru/article/khrustalnaya_mechta_narkomata/

⁵² И. Фужерон, Ж. Фужерон. О чём рассказывают архивы (из переписки С.И. Карцевского) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 17. Фонетика. – М., 2018, с. 252.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский // <https://www.chayka.org/node/9475>

лица. В рассказе «Эпизод» описывается одно из событий революционной деятельности автора. «Большая ночь» и «Эпизод», как предполагает И.И. Фужерон, созданы «в период его недолгого возвращения в Россию из-за границы в 1917–1919 годах, когда он, возможно, успел побывать в родных краях, в частности, в Тобольске»⁵⁵.

Два очерка – «Из Финляндии» и «Оттуда» – впечатления Карцевского о пребывании в местах советско-финской войны 1939–1940 гг. Волшебную сказку «Рождественская ночь» из этого сборника Н.И. Богданова в статье «Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии» назвала «совершенно изумительной»⁵⁶. Там же помещены и «Воспоминания детей-беженцев из России» и очерк «Среди вогул» – «экономико-этнографическое исследование, написанное совсем не протокольным языком, а человеком, проникнувшимся большим сочувствием к местному вогульскому населению»⁵⁷.

Предположительно этот очерк написан в 1903–1904 годах, когда Карцевский учительствовал в Нахрачах. «За сдержанным, почти бесстрастным повествованием скрывается взволнованный рассказ об эксплуатации русскими кулаками местного вогульского и остяцкого населения»⁵⁸.

К сожалению, сборник «Из прошлого, из далёкого» вышел очень малым тиражом и не был оцифрован. Поэтому мы не смогли познакомиться текстуально с его содержанием.

Нам оказалась доступна для прочтения только повесть Карцевского «Ямкарка», но она как раз и является центральным и лучшим литературно-художественным произведением Сергея Иосифовича. Судя по ней, он обладал большим литературным талантом; жаль, что этот его дар не смог реализоваться полностью. Н.Н. Накоряков так отзывался об этой повести, которую он в 60-е годы прошлого столетия нашёл в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина: «...очень хорошая вещь, с наслаждением прочитал её».

Повествование ведётся от имени молодого человека, который едет учительствовать в северное село Тобольской губернии Сапыгу. Он попал на Север поздней осенью и вынужден был ждать, когда установится зимний путь в селе Ягодном. Там он живёт в «земской избе» в семье ямкарей – «держателей почты», которые развозят её или «командировочных» по окрестностям.

Главный герой не назван по имени: он обозначен автором как «учитель». Будем так называть его при обращении к характеристике повести и мы, но писать это слово с большой буквы как имя собственное. Об Учителе известно лишь то, что он приехал по Иртышу на пароходе из города, скорее всего, имеется в виду Тобольск. Кроме того, можно сделать вывод, что он очень молод, поскольку один из местных жителей, обращаясь к нему, называет его «мальцом».

Сначала Учитель чувствует себя в посёлке, где вынужден жить некоторое время, чужим. Всё вокруг видится ему убогим: «домишки» и

---

⁵⁵ Богданова Н. Прошлое Кондинского района нашлось в Швейцарии // https://ugra-news.ru/article/khrustalnaya_mechta_narkomata/

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Неизвестные деятели русской культуры: Сергей Карцевский // <https://www.chayka.org/node/9475>

«чёрные бани», не избы, а «чумазные избышки» (эпитет «чумазный» по отношению к «избушкам» встречается в повести целых четыре раза), которые «скромно глядели на Божий свет подслеповатыми окнами». Посёлок кажется безлюдным; Учителя одолевают одиночество, скука, «глухая тоска». Даже ветлы, растущие около реки, «тоскливы». А в земской избе «сумрачно и неприветливо». Уныние Учителя усиливает часто идущий снег. Повесть и начинается с картины густо сыплющегося с неба снега.

Большую семантическую нагрузку, кроме образа белого снежного пространства, играет в произведении образ тишины, важный особенно в начале повести. Тишина не только показатель физической характеристики далёкого от городов и цивилизации края, это мироощущение героя, во многом синонимичное его одиночеству.

Однако и в этой, казалось бы, всеобъемлющей тишине и всепоглощающем снегом пространстве живут люди: деревенские девушки с коромыслами идут к реке и о чём-то говорят друг с другом; вблизи слышится стук топора; окна соседних избышек светятся «тепло и уютно». В селе есть школа, и церковь сияет своим золотым куполом.

Постепенно ощущение чуждости становится не таким острым. Учитель знакомится с местной учительницей, иногда даёт уроки школьникам, принимает участие в сельской трудовой жизни. Конечно, Учитель далеко не «свой» поселковым жителям, но это не означало, что они враждебны к нему: просто он другой – по рождению, воспитанию, образованию, жизни. Между ними есть социальное противостояние. Но оно частично снимается тем, что Учитель ведёт себя так, как это и подобает настоящему интеллигенту: не проявляет высокомерия, не требует к себе особого отношения, не подчёркивает свою образованность, не держится отчуждённо. Наоборот, стремится вникнуть в жизнь местного населения, сблизиться с жителями посёлка и многому у них научиться.

Герой приходит к выводу: даже в самых заброшенных и глухих уголках своя жизнь, свои радости и печали; при желании можно понять и сделать немного ближе к себе эту жизнь.

В центре повести история взаимоотношений Учителя и старшей дочери хозяев избы, где он остановился, Даши. Она – ямкарка, так как часто за отца доставляет почту. Отсюда и название произведения.

Карцевский рассказывает, как рождается и растёт симпатия Учителя и Даши друг к другу, как их отношения, которые они держат в тайне, становятся всё ближе.

Время идёт, однако взаимоотношения Учителя и Даши не переходят в иную, более серьёзную стадию. Причём ни с той, ни с другой стороны нет попыток сделать это. Чувства героя к Даше – это здоровое влечение молодого человека к приятной и симпатичной ему девушке. Это пока не любовь, а прелюдия, вступление к любви. Определённую роль в возникновении этого влечения сыграли скука, изолированность героя от обычной ему жизни. Вопрос в том, перерастёт ли эта прелюдия в большое и настоящее чувство, преодолевающее все препятствия в виде разницы в социальном положении, образовании. Их отношения временны, и они оба это понимают.

Образы первозданной природы – тайги, реки – олицетворяются автором. Они играют важную роль в произведении. И природа Сибири далеко не мёртвая, даже зимой, в холода: живёт своей жизнью тайга, река лишь спит в зимнем покое, лес богат зверем.

Директор Кондинского краеведческого музея Н.И. Богданова стала организатором проекта «Карцевский и Конда», «который включал повесть «Ямкарка», триптих художницы Ольги Мерцаловой и иллюстрации художника Дмитрия Змановского. На международном фестивале музеев в 2011 году этот проект победил в номинации «Экспонат в фокусе»⁵⁹.

Очерк о жизни, деятельности и творчестве С.И. Карцевского мы заканчиваем словами лингвиста Р. Якобсона, друга Сергея Иосифовича, о нём: «Для него прошлое и будущее легко сочетаются вместе, и обращаясь к творчеству Карцевского, которое сейчас принадлежит прошлому, мы устремляем взгляд в будущее»⁶⁰.

---

⁵⁹ Бояркина С. Любовь всей жизни – русский язык//Тобольская еженедельная газета «Тобольск–Содействие», № 2 (1051), январь 2016, с. 7.

⁶⁰ Кузнецов В. Г. Сергей Иосифович Карцевский//Подорожник: краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 11, с. 202.

Андрей БЕЛОУСОВ

СИБИРЬ И ЕЕ ПОДВИЖНИКИ

Сибирь, сибиряки! Даже на географических картах эти просторы не враз выхватишь взглядом. Край особенный. Центр Азии. Величайшие реки и бесподобный Байкал. Не случайно поётся: «Славное море, священный Байкал...»

Сибирь, увиденная всего лишь из окна вагона поезда, мчащегося по Транссибу, поражает величиим и зачаровывает. Можно понять восторг и преклонённые колени тех, кто путешествует по этим просторам. Тех, кто побывал в южных пределах необъятных территорий и узнал северные рубежи вплоть до побережья Ледовитого океана. Что уж говорить о величии свершений её первопроходцев и их потомков. Лучшее тому подтверждение находим в книгах о Сибири и сибиряках, как нынешних, так и более давних времён. А вот видение В. Брюсова:

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

*Снилось ты нам
с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и пеньи полдневных валов,
Южное море.*

*Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов
и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных!*

*Но нам вожатым был голос мечты!
Звоном звучали в веках её клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!...*

Великолепную серию летописания нашего края продвигает благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Два тома из изданных посвящено городам Зауралья – Шадринску и Кургану.

Далее обращусь к двухтомнику «Сибиряки в битве за Москву». Богатейшее издание по содержанию и исполнению на бумаге, как, впрочем, и вся серия книг.

Особенное, веское, решающее слово сыграли дивизии из-за Уральского хребта во спасение Москвы осенью 41 года да и в разгроме супостатов в продолжение всей Великой Отечественной.

Почему такой упор на определении – сибиряки? В чём же их сила, на чём она зиждется? Что питает их отвагу и способность противостоять врагу? Может быть, у них чувство боязливости перекрывается осмысленным чувством удалства, построенном на рационализме, зарождённым сибирскими просторами? А может, ответы даст сам край устами своих летописцев?

Обратимся к одному из них – Анатолию Константиновичу Омельчуку, журналисту из соседней Тюмени. Благодаря его подвижничеству и талантам зародилась «Книга Сибири» со множеством зарисовок про природу и людей. Слово *зародилась* использовал в надежде на продолжение столь необходимого проекта. А ещё незаурядное творческое начало автора и его группы представило уникальные видеозарисовки под общим названием «Сибирь – сон Бога». В них матушка Сибирь в природном наполнении, в них люди.

Сплав природы и человека создал особые свойства жителей этих территорий, которыми и отличаются они в превосходную сторону: в верности родной сторонке, неотделимой от всего Отечества, готовности бороться за её благо, невзирая ни на что. Свойства эти, конечно же, присущи подавляющему большинству сибиряков. Не случайно призывники из сибирских пределов являются предпочтительными кандидатами при наборе в пограничные войска и по сей день, продолжая славу тех, грозных сибирских дивизий под Москвой в суровом сорок первом.

Взгляните на карту ближней Сибири, на две её могучие реки, несущие воды свои с юга на север, в океан: Обь и Енисей. Произнесите истоки рек вслух. Бия – Катунь, Бий-Хем, Ка-Хем. Завораживают названия, завораживает их созвучие, судьба и жизнь поселенцев этого нашего родного необъятного пространства. Дополняют эти чувства и фильмы из серии про Сибирь, усиливая ощущения того, что завещается строкой поэта – «... храните своё вековое наследие». Действительно, наследуемое охранять и хранить необходимо и должно бережным и разумным использованием, а коли потребуется – и воинской доблестью.

Есть в сибирских просторах, её глубинке что-то сакральное, мобилизирующее разум на подвижничество. Это подчёркивают сами названия фильмов: «Формула вселенной», «Гениальная Сибирь», «Золотой запас России», «Золотая тайна Сибири», «Магический меридиан Сибири», «Чистая слеза Сибири» и ряд других, не менее впечатляющих названий. А люди, коренные сибиряки, о ком рассказывает Анатолий Константинович, – от широко известного писателя Валентина Распутина и актёра Иннокентия Смоктуновского до аборигенов Хакассии, Забайкалья, Якутии, чьи предки живут на этих землях с незапамятных времён вместе с пришедшими сюда позднее переселенцами с другой стороны Урала.

Есть у Анатолия Константиновича в повествовании о Тобольске и упоминание про Виктора Григорьевича Уткова (1913–1988), библиофила и писателя, нашего земляка из села Сычёво Варгашинского района. Интересен для Омельчука Утков как один из преданных Сибири её сынов, исследователь жизни и творчества Петра Павловича Ершова (1815–1869), автора широко известного «Конька-Горбунка». Книга Виктора Григорьевича «Гражданин Тобольска» (*с автографом, хранится в коллекции Каширинского музея*) повествует о знаменитом соотечественнике, его биографии, жизни в столичном для Западной Сибири того времени городе, о непростой судьбе его самого известного произведения.

Какими именами блистало тогда общество Тобольска! Назовём лишь несколько: семья Менделеевых (да-да, того самого!), композитор Александр Александрович Алябьев, историк Сибири и поэт Петр Андреевич Словоцков, сам Ершов!

Первое отдельное издание «Конька-Горбунка» появилось в 1834 году, в Петербурге, где в университете получал дальнейшее образование знаменитый сибиряк. Взгляните на дату рождения! Невероятно, но на тот период

автору исполнилось всего-то 19 лет. Истоки – безусловно прирождённый талант, Божий дар, говорят в этих случаях, впечатления от картин народной жизни, подсмотренных и услышанных любопытным отроком.

Утков, достаточно подробно изучив биографию будущего поэта, подчёркивает значение полученных детских впечатлений при передвижениях семьи по просторам Сибири при новых назначениях отца, достаточно крупного чиновника. Петропавловск и Омск – «...они в то же время были как бы воротами России в легендарные страны юга и востока». Базары «этих ворот» со всеми красками загадочных восточных и южных соседей. Далее путешествие в Берёзов – на далёкий Север. Сплав по рекам, общение с простолюдинами, впечатления о жизни людей самых разных сословий. История родного края изучается не по книгам, «а из уст живых людей».

Утков приводит и такую фразу об атмосфере обычного чиновничьего произвола в Сибири в то время: «...Жить в Сибири холодно, да служить тепло». Насчёт тепла имелось в виду следующее: «грели» руки где только могли. Произвол чиновников безграничен. Из Берёзова – в Тобольск, город далеко не захолустный. Гимназия, учёба в которой на первых порах мало чего давала. Вот что обнаружил в отзывах о том периоде В.Г. Утков: «Большинство из учителей ограничивалось заданием уроков, не заботясь о развитии своих учеников». Вот он, страшный порок образовательного процесса.

Вскоре директором гимназии был назначен Иван Павлович Менделеев, коренной сибиряк. Его сын Дмитрий Иванович – гордость и слава русской научной мысли. Конечно, изменения в педагогической деятельности гимназии оказались более чем плодотворными. Утков также подмечает, что общение Ершова с этой старинной тобольской семьёй, в которой были сильны культурные традиции, в частности любовь к книге, оказало большое влияние на духовное и умственное развитие Петра Ершова.

От Виктора Григорьевича Уткова мы узнаём, что «...большими друзьями «Конька-Горбунка» были Менделеевы». Семьи Ершовых и Менделеевых дружили не одно поколение. Ершов мальчиком учился у Ивана Павловича Менделеева, а потом, когда вернулся в Тобольск, учил детей Менделеева, в том числе Дмитрия Ивановича, окончившего курс Тобольской гимназии в 1849 году. Дмитрий Иванович принимал самое горячее участие в судьбе бывшего учителя. После ухода в отставку в январе 1862 года Ершов жил некоторое время очень тяжело, «одними долгами и надеждами». Д.И. Менделеев помог ему выхлопотать пенсию и получить деньги за пятое издание «Конька-Горбунка».

Ещё одним центром культурного влияния по Уткову был П.А. Словцов и его окружение. Утков отмечает, что «...поэтические и прозаические опыты Ершова на темы истории стоят в несомненной связи с деятельностью Словцова».

С этим багажом знаний и впечатлений семья Ершовых устремляется в столицу, куда добился перевода её глава. Братья Ершovy поступают в университет: «Старший брат – Николай Ершов – поступил на физико-математический факультет, где вскоре проявил недюжинные способности. Пётр довольствовался лишь философско-юридическим из-за слабого знания латыни и греческого языка».

Не всё в жизни учебного заведения вызывало удовлетворение. Многие, если не большинство преподавателей, были рутинёрами и людьми малообразованными. Некоторые из них, будучи иностранцами, не владели русским языком.

История сохранила имена тех русских профессоров, кои двигали и науку, и учебный процесс должным образом. Среди них Пётр Александрович Плетнёв – профессор, литературный критик и поэт, и Александр Васильевич Никитенко – историк литературы. Они-то и оставили достойный след в судьбе Ершова.

Уже вызревал и излагался письменно первый его поэтический опыт. Детские впечатления и совершенно зрелые выводы о жизни вылились в знаменитое повествование «Конёк-Горбунок». Вот тебе и «первый блин»! Да каков! Прошли века, «Конёк...» продолжает свой бег не только по просторам российским, но и стал широко известен во многих странах мира. Не проста была его дорога к читателю.

Никому не известный автор не пользовался доверием у книгоиздателей. Первое обнародование его труда состоялось с трибуны университета из уст преподававшего Петра Александровича Плетнёва. На одном из занятий он вместо лекции прочёл сказку сидевшего в этой же аудитории студента Петра Ершова. Вскоре она была опубликована.

Творение молодого поэта было замечено Пушкиным! От современников Александра Сергеевича сохранилась фраза: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Что может быть выше этой оценки?

Издаваемый авторский текст оказался кое в чём укорочен цензорами из-за известных сюжетов, порождающих нежелательные параллели. Необычайная популярность «Конька...» и прямолинейность отдельных эпизодов сыграли злую шутку с автором, для которого издание сказки было звёздным часом в творческой биографии и могло весомо сказаться ещё и на улучшении собственного материального положения. Нежелание сгладить в угоду цензорам текст сказки предопределило её недопущение в печать на долгие годы.

Следует отметить, что ещё в студенческие лета семья Ершовых лишилась главы семьи. Скончался отец, а значит, добывать хлеб насущный надо было самим. Поэтому-то у Петра большие надежды были на литературную деятельность, на деньги от печатаемых произведений, и на главное из них – сказку «Конёк-Горбунок». После скоропостижной и неожиданной смерти старшего брата Петербург стал и вовсе непривлекательным, чуждым городом. Домой, на родину, в Тобольск... Теперь Ершов до конца своих дней свяжет судьбу с ним.

Не только след литератора оставлен Ершовым на просторах Сибири. Значительны его труды в деле просвещения: он преподаватель, инспектор Тобольской гимназии, директор училищ Тобольской губернии. Утков подчёркивает: «В Кургане, Ишиме и Тюмени Ершов открывает женские школы, создаёт школьные библиотеки, проводит показательные занятия для молодых учителей».

Увы, столь любезный Отечеству гражданин так и не был по достоинству оценён за талант и подвижничество. Вслед за великим китайцем Ду-Фу мог бы он воскликнуть: «Мечты мои убиты нищетою». Многие замыслы и мечтания Ершова остались за той гранью. Он продолжал профессионально заниматься литературным трудом, но ничего подобного по значимости с успехом «Конька...» из-под его пера уже не вышло.

Несколько лет литературного труда посвятил В.Г. Утков Ершову. В созданном при его непосредственном участии «Альманахе библиофила» публиковались материалы и о других знаменитых сибиряках. «Сибиряда» от Уткова несла читателям затуманенные временем имена, связанные с ними события, воскрешая тем самым мало известные или вовсе забытые

страницы нашей истории. «Повесть о сыне двух веков, сибирском жителе Петре Андреевиче Словцове – современнике четырёх российских императоров» – работа, выполненная Утковым на исходе жизни. Читателям представлена только первая часть этого повествования. Повесть осталась незавершённой: смерть исследователя оборвала начатое. Подготовила к печати текст повести дочь – Ольга Уткова-Устинова.

Личность П. А. Словцова и свершаемое им до такой степени незаурядны, что, опираясь на исследования Уткова, стоит подробнее рассказать об этом человеке. Начинает Утков своё повествование следующими словами: «Петра Андреевича Словцова всю жизнь преследовали неудачи, коварные, неожиданные, порой очень жестокие. Год за годом, по мере мужания, жизнь его всё больше походила на поверхность бурного моря, где гуляют крутые валы. Он то поднимался, казалось, на недостижимую высоту, о которой даже и не мечтал, то скатывался вниз, почти в безвестность, на уровень ничтожества...» А далее Утков подчёркивает: «Пётр Словцов жил, следуя древней, никогда не умирающей истине – стораая, светить людям».

Родился Словцов в многодетной семье священника из уральской глубинки. Нужда и бедность – с младенчества. Умение читать и писать – от отца, а далее самообразование по имеющимся книгам. Дальнейший путь предопределён, казалось бы, самой судьбой. Сын священника должен продолжить стезю отца. По исполнении двенадцати лет Петю определяют в единственную семинарию на всю огромную территорию – в Тобольск. Памятливый и старательный к учёбе, Пётр быстро был замечен семинарским начальством как подающий большие надежды ученик. В семинарии была приличная библиотека, в которой кроме духовной литературы была и светская. Словцов всё свободное время просиживал за чтением книг. В целом же атмосфера в семинарии и взаимоотношения между учащимися мало отличаются от тех, что будут изложены Помяловским «В очерках бурсы».

Начитанность и природный ум Словцова привели его к преподавательской деятельности в младших классах. Проявились его способности и к стихосложению, что тоже стало отличительной чертой семинариста. По окончании курса Тобольской семинарии Словцов и один из его товарищей были затребованы как лучшие ученики для продолжения образования в главную семинарию Александро-Невской лавры, ставшую впоследствии духовной академией.

Более широкие возможности саморазвития и получения знаний во многих науках Словцов использовал максимально. Вернулся он в Тобольск изрядно образованным, думающим и размышляющим о превратностях жизни молодым человеком. Вопреки пожеланиям церковного начальства он не принял духовного сана и остался светским человеком. Таланты Словцова позволяли ему не только преподавать в семинарии, но и во время церковных служб проповедовать в храме. Стали эти проповеди первым грозным порогом в спокойном течении жизни молодого человека, имевшего совершенно отличные от официозного представления о добре и зле. В подтверждение приведём несколько цитат из выявленных В. Г. Утковым.

Из проповеди Словцова по случаю именин императрицы Екатерины Второй в апреле 1793 года: «Словцов, рассуждая о том, кого из людей следует именовать великими, вопрошает: «Разве суеверное обоготворение истукана довольно, чтобы сделать его божеством? Но оно носят на себе преимущества и отличия? Эх! Мне кажется, что сии звёзды и кресты суть искусственные насечки, доказывающие только то, что мы имеем художества...».

В следующей проповеди он размышляет «о признаках народного счастья»: «Тишина народная есть молчание принуждённое, продолжающееся дотоле, пока неудовольствие, постепенно раздражая общественное терпение, наконец не прервёт оно. Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов или одне несчастья – то там спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина...».

Насколько размышления Словцова сохранили своё значение по прошествии веков – судить читателям.

Конечно же, копии сказанного легли на стол императрицы. «Бунтовщик хуже Радищева» – якобы её вердикт. Сначала заточение в Петропавловской крепости, а затем Валаамов монастырь на Ладожском озере. Из неволи прорвалось стихотворение Словцова, в одной из строк вся его суть: «... добродетель честь всего превыше ставил». Грозил ему насильственное пострижение в монахи.

Освобождение пришло неожиданно: скончалась Екатерина, а Павел амнистировал многих, ущемлённых матушкой. Более того, Словцов как зарекомендовавший себя интеллектuala по повелению монарха привлечён к гражданской службе в Министерство коммерции, и успешно продвигается по карьерной лестнице. С министерских высот опять падение, снова опала, уже при Александре Первом. Повеление – отправиться на службу в Сибирь. И там взлёты и падения на служебной лестнице. Словцов, не имея постоянных должностных полномочий при дворе губернатора, много путешествует с заданиями разного свойства, изучая всесторонне доселе мало изученный край – Сибирь и Западную и Восточную.

В.Г. Утков, исследовав его маршруты и перечень мест, где побывал Словцов, замечает, что и при сегодняшних возможностях к передвижению подобное не каждому по плечу. В копилке Словцова набирается значительный материал об удивительном заповедном крае – Сибири, его этнографии, природных условиях, богатствах. Уточняются географические карты. Создаются проекты экономического устройства, путей сообщения различных уголков для связи воедино, подмечаются недостатки предпринимательства у населения и так далее, и тому подобное. Многие из увиденного заносится на бумагу и печатается в виде статей и репортажей, издаются книги. В одной из них приводятся рассуждения о необходимости бережного обращения с лесами в лесостепной зоне, без которых сельское хозяйство, земледелие станут хиреть.

Сегодня, когда значительные площади таёжных лесов «выбриты», как не обратить внимание на эти предостережения из глубины веков? Итогом многолетних наблюдений Петра Андреевича явился внушительный фолиант – «Историческое обозрение Сибири».

Буквально несколько строчек посвятил Словцову Советский Энциклопедический словарь – М., 1980 г. Цитируем: «Словцов Пётр Андреевич (1767–1843), русский историк, публицист, основоположник буржуазной историографии России. Труд – «Историческое обозрение Сибири» (тт. 1–2)».

Интересно услышать мнение учёных о Словцове сегодня, спустя истёкшие десятилетия, когда кое-какие идеологические термины становятся несостоятельными.

Закончил свой жизненный путь Пётр Андреевич Словцов в Тобольске, в чине действительного статского советника, по табели о рангах – гражданский генерал.

Утков подчёркивает интерес к Словцову поздних исследователей, о нём опубликовано несколько десятков работ. Многие и многие имена воскрешает он в ходе своих исследований, значительная часть из них – сибиряки. Наш современник, к тому же земляк – Виктор Григорьевич Утков не особо известен у нас и как писатель, и как учёный библиофил. Это несправедливо.

Некоторые сведения о земляке приведу из его писем, адресованных Дмитрию Андриановичу Белоусову, моему отцу.

30 марта 1985 г.: *«Из Сычёво меня увезли родители младенцем, но потом я бывал и в Кургане, и в области, мальчиком приезжал на лето в деревню Золотое, где жил мой дядя Григ. Григ. Утков, дядя Гриня, как мы звали его, чтобы отличить от моего отца – тоже Григория Григорьевича. Воспоминания у меня остались самые светлые».*

21 октября 1985 г.: *«Мне не пришлось побывать на фронте. В статье Янко ошибка: сказано, что я «был участником Отечественной войны». В армии я пробыл всю войну, но на фронте не пришлось быть. Подал на второй день заявление добровольцем, ранее я не служил в армии по здоровью, в июле был мобилизован и отправлен на Дальний Восток, в Приморье. И стал я необученным солдатом, а потом сержантом, командиром стрелкового отделения. Было, конечно, нелегко, но какое сравнение может быть с фронтом!.. А отделение моё было замечательное – морячки, ребята что надо!... До сих пор их вспоминаю. А в конце 1943 года направили меня в танковое училище, на Волгу, которое я окончил в мае 1945 года, получив офицерское звание – мл. техник-лейтенант, помпотех танковой роты. В декабре демобилизовали по здоровью... С тех пор я работаю в печати, как и до войны».*

8 ноября 1985 г.: *«...У меня есть недостаток: я человек конкретных знаний, когда я их не имею, мне трудно не только оценивать что-либо, но порой даже понимать то или иное явление, событие».*

Ещё одна из книг Уткова, на которую обращаю внимание – «Предвестники, связь времён», Москва, «Мысль», 1982 г. Все события в повествовании связаны с Сибирью, от Радищева до освоения Экибастуза. Имена, имена, имена из золотой копилки Сибириады... Дарственная надпись от автора: *«Дорогие, бесценные земляки мои, собиратели Каширинского литературно-краеведческого музея – примите от меня эту книгу об энтузиастах культуры и науки, борцах за светлое будущее. В. Утков. 21.04.85 г., г. Москва».*

Храним мы и несколько выпусков «Альманаха библиофила». Последний из известных нам материалов – «Повесть о сыне двух веков», опубликован в № 28 за 1993 год, спустя пять лет после кончины земляка. Каждый эпизод из публикаций Уткова снабжён ссылками на первоисточник, что подтверждает его огромную исследовательскую работу при написании своих произведений.

Снова обращаюсь к Анатолию Омельчуку, его всеобъемлющей формуле «Сибирь – сон Бога». Хочется надеяться и верить, что предопределение Сибири в нашей ближайшей истории станет совсем не таким, как его определяли в недавнем прошлом: Сибирь – колония России. Не останется напрасной деятельность её верных сынов, «борцов за светлое будущее», о которых узнаём от не менее продвинутых современников и их предшественников! Станет полноценно прирастать могущество России Сибирью!

Владимир КРАПИВИН

ДАЛМАТ ИСЕТСКИЙ

После «Сибирского взятия» и основания первых городов Тюмени, Тобольска, Сургута и Тары близ Тобольска, у старого устья реки Тобол, был построен один для мужчин и женщин монастырь, который в 1610 году перенесён на гору, за острог и стал называться Успенским, так как при нем была построена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца.

В условиях Смутного времени хлебные запасы из центральных областей России в Сибирь почти не поставлялись, а коренное население хлеб не выращивало. В 1612 году строитель Логвин (строитель – должность монастырского служителя, не имеющего степеней священства, ответственного за хозяйственную деятельность и наблюдения за крестьянами. Иногда им поручались архимандритом или игуменом хлопоты о землях и представительство перед местными властями и даже перед царём о даче угодий или пособий в монастыри) с монахами и того монастыря вкладчики, как тобольские, так и из других сибирских городов, а также тобольские казаки во главе с атаманом Дурьней, написали прошение (челобитную) к боярам в Москве. Били челом, чтобы бояре «пожаловали для их старости за их службы и раны, где б при смертном часу головы свои приклонить к монастырю». А на прокормление били челом «о пустом займище о реке Вагай по обе стороны и со всеми угодьями и озёрами и Бегишевых горах с озером Бегишевым и с сенокосами и островом и речкою Лиственкою». По их челобитью монастырю было пожаловано «...пустое займище от города вёрст с 50 и больше, реку Вагай по обе стороны и вверх по Вагаю со сторонними речками, кои пали в Вагай, да Бегишевы горы с Бегишевским озером с островом и речкою Лиственкою».

Впоследствии, в 1623 году, это боярское пожалование было подтверждено грамотою царя Михаила Фёдоровича и вместе с тем монастырские крестьяне были освобождены от всяких казённых повинностей и податей.

В 1614 году в Тобольск в числе других военнопленных Речи Посполитой был сослан Савва Франчуженин и «велено ему было с литвою вместе из города никуда его не отпускать, чтобы он, с кем сговорясь, не убежал и был бы у вас всегда в лицах». Но этот ссыльный, приняв православие, навсегда остался жить в Сибири и дослужился до чина «сына боярского». Помимо службы он занимался организацией хлебопашества и строил деревни.

В бытность его приказчиком Тобольского Успенского монастыря, в 1619 году, в пустом диком месте на речке Агитке поселил гулящего человека Фильку Рохвалина с женою да двумя пасынками да двумя малыми сыновьями на льготных условиях, освобождающих крестьянина от уплаты государственных налогов. А «по уговору ему, Фильке, то пустое место расчистить, распахать, сколько сможет, и двор поставить. И как отойдут льготные восемь лет и ему тот починок со всяким пашенным заводом, кроме хлеба и скота, отдать в монастырь и самому идти на волю». А на реке Вагай, на высоком берегу, у Саввы Франчуженина была построена деревня (называлась Савинской) из двух изб, конюшни, житницы и бани, а также в его владении находились Вагайское озеро (Заднее) и земельный участок с пашней – Вагайский остров.

В 1620 году Савва все эти урочища, и в том числе пашни с посеянным хлебом, отдал в монастырь «за помин души», а деревню продал монастырю за 40 рублей (на рубль в то время можно было купить лошадь).

В Тобольске в 1621 году первый архиепископ Киприан основал новый монастырь под горой около устья речки Мостовки. Старицы (женщины) остались жить в старом (на горе) монастыре, а монахов перевели в здание нового монастыря, где была построена церковь во имя знамения Пресвятой Богородицы (бывшего в Новгороде в 1170 году) и придел Зосимы и Савватия (впоследствии он стал называться Знаменским).

По свидетельству документа – «Дозорной книги» 1623 года, в низовьях реки Вагай перечисляются следующие деревни: деревня на Вагайском острове; во дворе Успенского монастыря старцы Лаврентий да Панфил, да работных людей детёнышев шесть человек. Пашни перелогом 15 десятин да лугового места водопойменные земли 90 десятин. А дал тое деревню за вклад немчин Савва Франчуженин.

Деревня по край Вагайского лугу на горе в дуброве. Во дворе монастырский половник (работник) Ивашка Корова с женою, да его, Ивашков половник Фетка Костарк. Пашни паханные средние земли в дуброве под Девичьим городищем на лугу пять десятин в поле, а в дву потому ж. А животины у Ивашки четыре коровы и четыре теляти («а въ дву потому жъ»: в 17 веке в Сибири существовала привнесённая из России трёхпольная система земледелия. Одно поле засевалось озимыми, другое яровыми, а третье оставалось под паром. Размеры каждого поля были примерно одинаковые и поэтому писцы обычно измеряли площадь только одного поля, которое под паром, а на два других, засеянных зерновыми, не ходили и приписывали «а в дву потому ж», то есть на остальных двух полях по столько же земли, это означает, чтобы узнать площадь всей обрабатываемой земли, нужно умножить на три).

Деревня над Вагайским озером на лугу, задняя. Во дворе половник Ермачка с женою, у него половники Трошка да Гордешко. Пашни паханные средние земли на лугу и в дуброве, шесть с половиною десятин в поле, а в дву потому ж. Во дворе половник Ивашко Ондронов с женою, пашни паханные средние земли в дуброве у Ермаковы перекопи, на лугу. Три десятины в поле, а в дву потому ж. Во дворе половник Булячко Еремеев с женою. У него брат Дружинка. Пашни паханные средние земли в дуброве и на лугу четыре десятины в поле, а в дву потому ж. Скота у Булячки корова да бык.

Деревня на Усть Вагая реки. Во дворе половник Якунка Арзамасов с женою. Пашни паханные на лугу и в дуброве три десятины с третью в поле, а в дву потому ж. Скота у Якунки 4 коровы да 4 теляти.

Деревня на горе у Духовые речки Пустыня. Во дворе половник Девятко Сергеев. У него половник Лучка Онтропов. Пашни паханные средние земли три десятины в поле, а в дву потому ж. Животины у него корова.

На речке Агитке был починок упоминавшегося здесь Фильки Рохвалина, который за 4 прошедших года распахал с пасынками пашни худой земли одну десятину да луговых земель низкого места 5 десятин. Угодий же у семьи никаких не отмечено, а скота у Фильки на тот год было мерин русский да жеребец, да три коровы, да три быка больших, да четверо телят.

Недалеко от низовских деревень отстраивалась государева слобода Куларовская при озере Спасском (Куларовском). В слободе размещались церковь, да двор приказчика, да работных людей 14 человек при попе Андрее.

С 1626 года усиливаются нападения вооружённых групп – наследников хана Кучума и их союзников – ногаев и калмыков на Тарский и Тюменский уезды. Последние кочевали в степях Притоболья и Приишимья и держали в своей власти древний караванный путь на Тобольск из Средней Азии, который на одном из своих отрезков проходил вдоль реки Вагай. За короткий промежуток времени для защиты вновь построенных деревень и их населения были построены Коурдатский, Тебендинский, Усть-Ишимский в Тарском уезде, а Тарханский и Вагайский остроги в Тобольском. Именно за наблюдением за дорогой и был поставлен в 1633 году Вагайский (Устьянский) острог. Назвали его так потому, что острог стоял возле устья реки Вагай.

Приказчиком в Вагайский острог был назначен сын берёзовского казачьего атамана Дмитрий Иванович Мокринский, имевший к тому времени чин «сына боярского». Семья приказчика также жила в остроге, но по причине нехватки жалования для её содержания (у Дмитрия было 5 детей) он завёл земельную запашку, и по словам своего сына Исаака, был «Не вельми богат, но жительствуя без великия скудости, дом свой строя в обилии, по своей вере без нужды прилежа церкви».

В остроге постоянных служилых людей не держали, так как в Тобольске имелись особые военные силы «рейтарского строя», готовые немедленно выступить в поход на степняков. И всё же на летний период сюда присылались из Тобольска десятка два или три или более (смотря по вестям) казаков и стрельцов.

В это беспокойное и тревожное время, в том же 1633 году, лично Дмитрием Мокринским были задержаны бежавшие из Тобольска два колодника, взятые в плен в Смоленской войне и сосланные в Сибирь. В 1636 году Дмитрий Мокринский докладывал тобольскому воеводе Темкину-Ростовскому: «...Поставлен де тот Вагайский острожек не у места, от Большой степи и Калмыцкой дороги в стороне, и как де они ходят из Тобольска в поход против калмыков или в посланниках к последним, то идут прямою дорогою на урочище Атбаш, и Вагайский острог, и вагайских служилых людей совсем не видят, а равным образом если и воинские люди пойдут той дорогою, то они, калмыки, незаметно для вагайских служилых людей могут вторгнуться в Куларовскую слободу и русские деревни и татарские юрты».

Вследствие таких показаний тобольский воевода – князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский в том же году велел боярскому сыну Толбузину перенести вагайский острог на новое место, именно на урочище Атбаш, которое также находилось на реке Вагай (приблизительно в 10 километрах от современного села Вагай). Донеся об этом в Москву, тобольский воевода указал на следующие стратегические преимущества нового острога перед прежним Вагайским: «Урочище Атбаш, писал он, лежит на прямой Калмыцкой дороге, которая из-за реки Ишима идёт через Ашлыцкие юрты на Атбашское урочище. А к этому последнему месту прилегли с одной стороны крепкие леса, а с другой непроходимые болота, простирающиеся по реке Вагаю вёрст на 90, сухого места между рекой Вагаем и болотами только сажень на 12, и этим-то местом проходят калмыцкие воинские люди, а обойти оное совершенно невозможно».

Как видно из этого донесения, тобольский воевода не сомневался, что с постройкой острога на том сухом месте, которое указывает он, дорога вдоль реки Вагай для калмыцких воинских людей будет окончательно закрыта. Перенесённый Вагайский острог, умело поставленный по приказу

князя Темкина-Ростовского, на новом месте стал называться Атбажским и простоял в этом ключевом месте не одно десятилетие.

Всю систему полей в целях безопасности устраивали за стенами острога. Тобольским воеводой предписывалось «пашенным крестьянам и беломестным казакам под пашни земли в разных местах селиться деревнями с Агитки речки по обе стороны Вагая реки и до Калмыцкого перевозу (перевоз через реку Иртыш был в трёх километрах выше д. Абалак) и под сennie покосы и поскотину по обе стороны Вагая реки и от Агитки речки до калмыцкого перевозу».

Приказчик Вагайского (Атбажского) острога Мокринский Дмитрий Иванович, отслужив почти 10 лет в этой должности, оставил службу (жена у него умерла, дети выросли) и принял монашеский постриг с именем Далмат в Невьянском Богоявленском монастыре. Через год в поисках уединения он оставил монастырь и стал жить отшельником в пещере в месте впадения реки Течи в реку Исеть, называемом Белым городищем.

В том же году им была возведена деревянная часовня. Земля, на которой он поселился, была в собственности тюменского жителя Илигея.

В 1645 году он пытался выгнать Далмата из пещеры, но в пути к нему явилась Богородица и повелела отдать эту землю в собственность Далмату, что он и сделал весной 1646 года. А через 13 лет царской грамотой эти земли были закреплены за основанным Далматом Успенским монастырём, а его охрана была поручена Тобольскому воеводе.

В 1662-64 гг. монастырь дважды уничтожали кочевые племена, и дважды он восстанавливался из руин. Были построены церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя прп. Дмитрия Прилуцкого, кельи и монастырские службы, обитель обнесли острогом, над св. воротами в 1683 году была освящена церковь во имя апостола Иоанна Богослова. В восстановленном монастыре для преподобного была построена келья, где он провёл в затворе остаток жизни. При этом Далмат продолжал руководить как духовной, так и хозяйственной жизнью обители.

Для распространения православия в Зауралье Далмат вместе с сыном своим Исааком в 1684 году основали рядом с Успенским монастырём женский Введенский монастырь, в котором проживало 27 сестёр. Не забывал Далмат и Вагайскую землю. За стенами вновь перенесённого Атбажского острога на речку Чёрную в 1678 году он организовал распашку земель на речке Шокуровке и основал деревню Далматову.

Преподобный Далмат скончался 25 июня 1697 года в возрасте 103 лет, и бранные останки его предали земле при алтаре деревянного Успенского храма в память о том, что старец Далмат был первым основателем сего храма.

Почитание Далмата как святого началось в народе, приходящего молиться на его могиле и взять воды из родника на Белом городище, считающейся целебной. В Далматово в 1864 году по просьбе жителей был установлен ежегодный крестный ход в день смерти старца Далмата для отвращения пожаров. Далмат в народе стал почитаться как покровитель воинов, и новобранцы перед отправкой в армию приходили к его гробнице, чтобы надеть на себя шлем и кольчугу Далмата. Впервые в официальных документах Далмат был назван преподобным в 1871 году, и с этого же года в монастыре начали вести запись чудес по молитвам к преподобному Далмату. Монастырский архив содержит около 30 подобных записей за XIX век.

В 1918 году имя преподобного Далмата было включено в службу всем святым в земле Российской просиявшим. В 2004 году Патриарх

Московский и всея Руси Алексей II благословил: «Причислить основателя Свято-Успенского мужского монастыря Далмата Исетского к лику месточтимых святых Курганской епархии и включить имя преподобного Далмата Исетского в собор сибирских святых с установлением дня памяти 25 июня / 8 июля».

В августе 2017 года на Ермаковском холме установлена часовня во имя Николая Чудотворца рабочими из Далматова монастыря.

В связи с растущей популярностью дней казачьей культуры, посвящённых памяти атамана Ермака Тимофеевича и его дружины, среди населения Тюменской области и не только тюменского населения, но и российского, возникает необходимость создания туристического центра «Вагайский острог», чтобы путешествующим из отдалённых местностей было «где головы преклонить» после трудной дороги, чтобы этот центр мог и обогреть, и накормить, и развлечь.

В нём мне видится гостиница с сувенирной лавкой – изделиями местных мастеров, кафе-столовая с набором традиционной казачьей кухни, фотоателье с историческими костюмами и предметами старинного быта, детская игровая площадка, комплекс спортивных и развлекательных сооружений для проведения военизированных соревнований и отдыха, включающий в себя полосу препятствий, корт для волейбола, тенниса, других народных игр с мячом, требующих малого места, карусели, качели, а в зимнее время горки для катания на санках и лыжах. В течение всего года – конные прогулки.

От центра возможны историко-познавательные маршруты: «Ермаковский холм», «Ермакова перекопь», «Дорога на каторгу» с посещением пересыльного этапа, «На водяную колесчатую мельницу», спортивно-рыболовные маршруты: «На Монастырское озеро», «На Куларовское озеро», «На реку Иртыш», эколого-краеведческого «На Царский бугор», а также участие заинтересованных лиц в ежегодном туристическом мероприятии «Вагайские просторы».

Здания и сооружения центра возводятся на окраине деревни Старый Погост, так как неподалеку проходит федеральная автодорога Тобольск – Омск и налажены коммуникации электро-, газо- и водоснабжения.

Литература.

1. Буцинский П.Н. «Заселение Сибири и быт первых ея насельников». Харьков, 1899 г.
2. Балюк Н.А. «Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв.». Тюмень, 2001 г.
3. Балюк Н.А. «Вотчины Тобольского Софийского дома в XVII в.», 2001 г.
4. Коньков Н.Л. «Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII веков», 2001 г.
5. Манькова И.Э., Э.В.Ш. Далмат (Мокринский Дмитрий Иванович), Православная энциклопедия, Т. 13, с. 650-653.

ВОЕВАЛ ЗА ОТЕЧЕСТВО

Давным-давно, году примерно в 1990, в деревне Сычёвой при разборке старинного дома рабочие нашли награду царского времени – Георгиевский крест 4 степени. На награде был номер 206039. Рассмотрев находку, решили отдать её в районный краеведческий музей.

Все попытки поиска награждённого по номеру награды ни к чему не приводили, так как ни интернета, ни компьютеров в то время не было. Совсем недавно, в декабре 2020 года, случайно получив информацию об опубликованных списках лиц, награждённых Георгиевским крестом 4 степени в период 1914–1922 гг., узнал, что этой награды удостоился старший унтер-офицер Фёдор Васильевич Фёдоров за отличие в бою 15 мая 1915 года в составе 53-го Сибирского стрелкового полка, 14-й Сибирской стрелковой дивизии.

Такая фамилия известна в нашем районе, в частности в д. Сычёвой жило несколько семей. Возникли закономерные вопросы: из нашей ли местности герой? за какой бой он получил награду? остались ли у него родственники?

Начались кропотливые поиски в интернете. Постепенно узнал, что Фёдоров Ф.В. был призван в армию из запаса в 56-й Сибирский стрелковый полк, сформированный в г. Омске, в Омском военном округе, а на фронте с германцами в ноябре 1914 года пропал без вести. В документе об этом зафиксирован его домашний адрес: Тобольская губерния, Черноковская волость, д. Сычёва.

Сомнений у меня больше не оставалось, что хранящийся в музее Георгиевский крест действительно принадлежал Фёдорову Ф.В., уроженцу д. Сычёвой!

Значит, ошибся писарь 56-го Сибирского стрелкового полка: не пропал без вести наш герой, а воевал в соседнем 53-м Сибирском стрелковом полку, сформированном в городе Новониколаевске (Новосибирске). Как же произошла эта ошибка? Оказывается, по прибытии на фронт 14-й Сибирской стрелковой дивизии её повели в атаку на позиции противника без предварительной разведки его сил. Местность была открытой, ровной, без леса. Германцы стреляли по наступающим русским из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия. Дивизия понесла огромные потери, в неразберихе Фёдорова Ф.В. занесли в списки пропавших без вести, а на самом деле перевели в соседний 53-й Сибирский стрелковый полк, где он и воевал.

18 мая 1915 года на участке обороны 53-го Сибирского стрелкового полка немцы впервые применили газобаллонную атаку на восточном фронте. Полк в составе 14-й Сибирской стрелковой дивизии оборонял город Варшаву у реки Гниды, имея в своём четырехбатальонном составе 35 офицеров и унтер-офицеров, 3250 рядовых солдат с винтовками и 193 безоружных. На весь полк было 6 пулемётов, но в дивизии имелись разнокалиберные артиллерийские орудия, свыше 60 стволов и автопулемётный взвод. Ниже привожу слова очевидца того боя.

«Утром, в 3 часа 20 минут, после кратковременного артобстрела германцы выпустили хлор, открыв одновременно ураганный пулемётный и ружейный огонь по передовым русским окопам и сильный артиллерийский огонь по участку 14-й Сибирской стрелковой дивизии.

Полная неожиданность и неподготовленность со стороны русских войск привели к тому, что солдаты проявили больше удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Приняв облако газа за

маскировку атаки, русские войска усилили передовые окопы, подтянув резервы. Вскоре окопы, представляющие лабиринт сплошных линий, были местами забиты трупами и умирающими людьми. Через два часа хлор образовал в низинах газовые болота и погубил всходы яровых и клевера. Всего в дивизии и в приданных к ней других воинских частях пострадало 9038 человек, из них 1183 умерло от отравления хлором.

В 6 часов утра германцы предприняли ряд атак на участок обороны 14-й Сибирской стрелковой дивизии, но все были отбиты. В течение дня, вечера и ночи германцы активно нападали, и было отбито ещё свыше 10 атак, причём страдание и напряжение оставшихся в строю достигли высшего предела».

Именно за эти бои в числе других 95 особо отличившихся солдат полка Фёдор Васильевич Фёдоров был награждён Георгиевским крестом 4 степени.

Для меня оставался неясным третий вопрос – о родственниках героя. В этом мне помогли мой друг, известный краевед Аркадий Михайлович Быков, предоставивший сведения по д. Сычёвой из первой Всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 год, и моя тётя, обладающая уникальной памятью в свои 90 лет, Александра Фёдоровна Бортвина, уроженка д. Русаки, долгое время жившая в с. Чёрном.

Посмотрев переписи, я узнал, что Фёдор Васильевич Фёдоров родился в 1885 году в большой крестьянской семье, у него было 4 брата и 3 сестры. Родители его занимались земледелием, были русскими, православными. Отец, Василий Иванович, 1850 года рождения, был грамотным, умел читать и писать, что было в то время большой редкостью среди сельских жителей. Мать, Евдокия Павловна, и три сестры Фёдора Васильевича, грамоты не знали. А вот старших братьев, Филиппа и Михаила, отец сам научил читать и писать.

Фёдор и его младший брат Алексей обучались грамоте в двухклассной школе Министерства народного просвещения. В дальнейшей жизни, когда Фёдора Васильевича призвали на действительную военную службу (скорее всего в 1906 году, так как в армию в царское время призывали совершеннолетних, в 21 год), умение читать и писать, знание других предметов, которым обучали в школе, ему пригодились, он окончил курсы младших командиров и после службы в армии, в 1909 году (служили в пехоте три года) вернулся домой в чине унтер-офицера и стал в запасе ратником 1 разряда.

Когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, а в России её называли Великой войной, Фёдора Васильевича вновь призвали в армию с повышением в чине до старшего унтер-офицера. В г. Омске был сформирован 56-й Сибирский стрелковый полк, в составе которого ему довелось участвовать в первых боях по защите Отечества.

Как сложилась его судьба после войны, мне пока неизвестно, но известно то, что у него остались родственники, потомки младшего брата Ивана Васильевича, живущие в г. Тобольске и с. Чёрном.

Использована литература:

1. *де Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны»* http://www.supotnitkiy.ru/book/book5_2_3.htm
2. *Первая мировая война – информационный портал* <https://gwar.mil.ru/events/33/?backurl=%3Fyear%3D1914%26month%3D11%26event%3D715&btype=main>
3. *Первая Всеобщая перепись Российской империи 1897 года д. Сычёва* <http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk>

Павел ПЛЮХИН

*Русь.
Тысячелетие назад,
В крови и войнах утопая,
Искала Русь дорогу к раю
Мучительно. Порою наугад.
Петляя средь веков и вех
Мы вышли на свою дорогу,
Где храм открыт.
Открыт для всех!
Лишь нужно повернуться к Богу...*

О КЛИМЕНТЕ И НЕСТОРЕ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ!

История православия на Руси «до Нестора» никогда не отпускала мои мысли, и материал несколько лет по крупицам из летописей и древних книг собирался и проверялся автором. (В работе историческая достоверность оставалась главным критерием поиска). Автор считает, что мы станем гораздо богаче, расширяя границы нашей памяти.

Древней земле Крыма судьбой даровано стать колыбелью христианства нашего Отечества. Нисколько не умаляя значения уже подробно исследованного историками крещения Руси князем Владимиром в 988 г., мы должны вернуться к событиям, когда князь Владимир в том же году (согласно «Повести временных лет» в редакции Лаврентьевской летописи) взял царицу, Анастаса и священников курсунских с мощами святого Климента и Фива, ученика его, «взял в Курсуни иконы, и сосуды, и кресты» на благословение себе и перевез их в Киев.

Отдельно нужно остановиться на «Повести временных лет» и летописце Несторе! По словам академика Дмитрия Лихачева, «инок-патриот излагает историю Русской Церкви в главных моментах ее становления. Он говорит о создании славянской грамоты, о крещении равноапостольной княгини Ольги, первом русском храме и Крещении Руси. Нестор летописец был первым церковным историком, он дает нам богословское обоснование отечественной истории. Духовная глубина, историческая верность и патриотизм «Повести временных лет» ставят ее в ряд высочайших творений мировой литературы».

Первая редакция «Повести» не сохранилась. Авторитетные ученые (А.А. Шахматов, 1916 г.) второй редакцией считают Лаврентьевский список, датированный 1116 г., сделанный руками игумена Сильвестра, позже ставшего епископом Переяславля Южного (умер в 1123 г.). «Повесть временных лет» многократно переписывалась и встречается в более поздних редакциях.

Из нескольких отечественных и зарубежных публикаций «Повести» Нестора мое внимание привлекла хорошо читаемая Лаврентьевская копия, автор Fr. Miklosich «Хроника Нестора», 1860 г., находящаяся с 1917 г. в библиотеке Мичиганского университета. В конце текста книги «Хроника Нестора» указано: «Игумен Силивестр святого Михаила написал книги си летописец, надеясь от Бога милость прияти, при князи

Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне игуменящю в то время у святаго Михаила, в 6624 (1116 г. – *авт.*), индикта 9 лета. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах».

Кем же был святитель Климент, упоминаемый Нестором в «Повести временных лет», какова судьба человека, принесшего православие почти две тысячи лет назад на землю русскую в Крым?

Поскольку время жизни святителя Климента, в том числе и на земле Крыма, относится к первому и началу второго века нашей эры, сведения о нем скудны, но подтверждаются рядом источников. Следует отметить, что в те далекие времена Крым был для Римской империи территорией, поставлявшей строительный камень для столицы, местом ссылки каторжных и провинившихся. (К примеру, позже, в 653 г., в Херсонесе отбывал ссылку папа Мартин I и его спутник Максим Исповедник.)

В период правления императора Траяна (98–117 гг.), когда проповедь Евангелия благодаря трудам апостолов и их учеников уже охватила обширные территории Римской империи, шла отчаянная борьба с новым, набирающим силу христианским учением. В то время языческий Рим почитал многих богов, римское язычество впитало в себя религиозные культы многочисленных народов, завоеванных Римом. При этом спокойное сосуществование многочисленных религиозных форм и культов вступало в непримиримый конфликт с притязаниями какой-либо одной религии на свою исключительность. Этим объясняются жестокие гонения, обрушившиеся на христианство со стороны Римского государства.

Климент родился в семье сенатора, получил хорошее образование. В 24 года он попадает в Александрию, где слушает проповедь апостола Варнавы, далее в Кесарии (Малая Азия) он встречает апостола Петра и сподобляется от него крещения. От рук первоверховного апостола Климент принимает рукоположение на Римскую кафедру и после Лина и Анаклета становится третьим епископом Рима (92–101 гг.).

Император Траян, недовольный активной православной деятельностью Климента, решает отправить его в ссылку подальше от Рима. Вот так Климент оказался в Крыму, где его христианская проповедь нашла отклик в душах тысяч сосланных туда для добычи камня противников власти.

Число последователей Христа стремительно росло, они строили простейшие церкви (около 75) по всему побережью Крыма, рушили идолов языческих богов. Сегодня близ Севастопольской бухты на горной вершине видны останки старинной крепости Каламита и пещерного города Инкермана. Приютившаяся у подножия горы монастырская пещерная церковь, как гласит предание, высечена в скале самим святителем Климентом Римским. Эта пещерная церковь имеет два придела: во имя апостола Андрея и святого Мартина I (папы Мартина, сосланного сюда в 653 г.).

Сведения об укреплении православия в Крыму стали известны императору Траяну, который послал ижемона для пресечения христианства. Последний принял решение и приказал «главного виновника» – Климента привязать к якорю и утопить в море...

Но православие продолжало завоевывать сердца людей, и Первый Вселенский Собор христианской Церкви прошел в мае 325 г. в пустыющем императорском дворце в малоазийском городе Никея, когда единственным императором Римской империи стал Константин.

Около 861 г. мощи святого Климента были обретыены святыми Кириллом и Мефодием при участии херсонесского епископа Георгия Блаженного и внесены в Херсонесский храм. В 867–868 гг. святым равноапостольным

Кириллом мощи святителя Климента были привезены в Рим и переданы папе Адриану II.

В честь этого события было устроено небывалое чествование и богослужение – впервые на славянском языке! Папа впервые приказал книги, переведенные Кириллом и Мефодием на славянский язык, положить в римских церквях. (До этого времени было распространено учение о допустимости воздавать хвалу Богу только на трех «священных» языках: еврейском, греческом, латинском – так называемая «трехязычная ересь»).

Разделение Церквей произошло гораздо позже, и святой Климент Римский почитается и православными, и католиками. Информацию о жизненном подвиге Климента поведал писатель Руфин в V веке. О жизни святителя Климента можно прочитать в «Слове на обновление Десятиной церкви» (XI век), в запрещенной Ватиканом книге Мавро Орбини «Историография» (переведена в России в 1719 г. по указу Петра I), в книге святителя Димитрия Ростовского «Жития святых» (1684–1705 гг.).

История славянских народов (включая земли русские) с древних времен подробно изложена в работе «Славянское царство» (1601 г.) хорватского ученого – монаха Мавро Орбини из Дубровника. Материал для книги автор-монах собирал в библиотеке герцога Урбинского в Пезаро. Тираж книги был уничтожен инквизиторами, но как оказалось, не весь! В 1705 г. книгу привез в Россию и подарил царю Петру I уроженец Дубровника на русской службе Савва Рагузинский-Владиславич.

Книга по указу Петра I была переведена на русский язык в 1719 г. как «Историография» епископом Феофаном Прокоповичем. Ее копия лежит на моем рабочем столе как богатейший источник древней информации, вобравший труды 168 западноевропейских исследователей тех времен. Орбини хорошо знаком с летописью «Повесть временных лет» Нестора и многократно цитирует ее в своей книге.

В этой книге я впервые прочитал о святителе Клименте, жизненном пути и приезде Кирилла и Мефодия в Крым за мощами святителя Климента, о передаче мощей папе Римскому Адриану II, который торжественно поместил святыню в храме святой Марии в Риме.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

*****

Наталья ПАРОМОВА

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

*«Истинный художник выражает то, что думает,
не страшась предрассудков».*

Огюст Роден

Что есть художник? Почему он видит, знает и «ищет то, что никто не потерял»? Борис Иванович Паромов, отмечающий в нынешнем году 75-летие, высказался так: «По-видимому, я родился художником. Сами по себе линии, красочные пятна и изыски формы меня не увлекают. Коллег по цеху я разделяю на живописцев и художников. Живописец творит с натуры. А художник должен иметь мировоззрение. Меня интересует – для чего я появился на свет, зачем живу и куда уйду. Понимаю, что не получу исчерпывающего ответа. И всё же настойчиво задаю эти вопросы себе, людям, Богу».

Паромов относится к поколению так называемых «семидесятников». В начале 70-х гг. в искусстве советского периода активно выдвинулась плеяда молодых художников. Их творчество разительно отличалось от «сурового стиля» предыдущего десятилетия. Молодое поколение не увлекли масштабные полотна, отражающие напряжённый пульс великих строек, открытий нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Живопись тёмного цвета, грубой фактуры, которая соответствовала земле, металлу, рабочим робам. Типизированный, строгий, собранный герой, обеспечивающий индустриально-экономические преобразования страны, не был им близок. «Семидесятники» стремились раскрыть индивидуальное сложное личностное начало человека, который старался «дойти до самой сути – в работе, в поисках любви, в сердечной смуте». Их живописный язык был близок к искусству Возрождения, приёмам иконописи и фрески.

В 1973 г. в Тюмени состоялась первая молодёжная выставка, на которой Борис Паромов продемонстрировал графический триптих «Возмездие», посвящённый разгрому фашизма. Он избрал символическое решение темы и оригинальную технику пуантилизма (буквально «точечность» – от фр. point – «точка»). Это было началом его серьёзной творческой деятельности. Два года спустя, в 1975 г., страна широко отмечала 30 лет Великой Победы. Именно тогда всенародный праздник 9 Мая стал выходным днём. Появились знаменитые песни: «День Победы» Давида Тухманова, «Нам нужна одна Победа» Булата Окуджавы. Композитор Евгений Мартынов написал на слова поэта Андрея Дементьева

«Балладу о матери». В основу положен подлинный случай. В кадрах военной хроники будто наяву мать увидела своего не вернувшегося с войны сына:

*Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик:
«Алексей, Алёшенька, сынок!»
Словно сын её услышать мог.*

*«Военная кинохроника
(«Алексей!»)». 1975 г.
Холст, масло. 150 x 150*

*«Голоса предков». 2002 г.
Холст, масло. 116 x 116*

*«День Победы». 2017 г.
Оргалит, акрил. 98 x 153*

«Ермак». 1975 г.
Холст, темпера. 135 x 110

1. «Золотые купола». 2012 г.
Оргалит, акрил. 40 x 116

2. «Юрий Гуляев – певец
советской эпохи». 2021 г.
Холст, акрил. 145 x 200

1.

2.

«Христос и Мария
Магдалина».
1997 г. Бумага,
гуашь. 35 x 52

1. «Душа Бессмертная». 2007 г.
ДВП, акрил. 100x54
2. «Неси и веруй». Бумага, гуашь. 55x40
3. «Утренняя звезда». 2001 г.
Холст, акрил. 100x100

1.

2.

3.

*«Две Империи». 2016 г. Диптих.
Левая часть «И.В. Сталин». Оргалит, акрил. 80 x 46
Правая часть. «Иван Грозный». Оргалит, акрил. 80 x 46*

«Россия 2020-х». 2022 г. Оргалит, акрил. 78 x 112

Захваченный сюжетом и эмоциональностью баллады Борис Паромов пишет масштабное полотно «**Военная кинохроника (Алексей!)**», которое стало этапным в его творческой судьбе. Автор разыгрывает действие в зале известного и любимого тюменцами кинотеатра «Темп». Направленный свет киноэкрана выхватывает взметнувшуюся фигуру матери; экспрессия образа была доведена до предела. Необычная трактовка вызвала спор у членов выставкома. Молодого художника поддержал ветеран войны живописец Остап Павлович Шруб, поскольку драматический романтизм был основой многих его полотен, но картина Паромова всё же не была принята на выставку.

Спустя время художник решил переделать отвергнутое полотно. Воплощение отчаяния ушло, героиня ошеломлённо застыла после своего вскрика. Сложность композиции картины заключалась в том, что нужно было показать разную реакцию зрителей, объединённых в кинозале в цельное общее действие. И это автору удалось. Символичны архитектурные детали интерьера. Строгие классические пилястры со звёздами напоминают памятные обелиски, а большие круглые светильники, вмонтированные в стену, символизируют четыре года Великой войны. Этот вариант полотна был продемонстрирован на второй молодёжной выставке. А затем автор подарил свою работу Тюменскому музею изобразительных искусств вместе с картиной «Светлый день», которая экспонировалась на выставке «Молодость России» в Москве.

Создание произведений на тему Великой Отечественной художник считает своей миссией. Первое послевоенное поколение конца 40-х – начала 50-х годов ощущало дыхание войны в затылок, ведь их вернувшиеся отцы были опалены огнём «Вечной Отечественной». Б.И. Паромов создал в разные годы четырнадцать картин о войне и Победе. Никто из его коллег не дерзнул на подобное. Сыграло роль и то, что в 60-е годы ему пришлось нести суровую службу на китайской границе в период военного конфликта, и художник ощутил на себе, что значит военная угроза Родине. Позже им были написаны работы «Тихо на границе», «Отец солдата», «Памяти друга».

Защита Родины, связь поколений – вот залог единства народа. Об этом повествует полотно «**Майские грозы**». Здесь изображён ветеран, погружённый в трагические воспоминания. Перед ним на столе солдатская кружка, в ней – «фронтовые сто грамм». Живая память старого бойца о прошедшей войне уйдёт навсегда вместе с ним. Он уже на пороге вечности. Комната, где находится ветеран, постепенно растворяется, исчезает в космическом пространстве, которое пронизывает молния. Важная смысловая деталь – памятное фото с траурной ленточкой. Здесь изображён молодой десантник, погибший в одном из локальных конфликтов. Это внук старого бойца.

В 2020 г. в Музейном комплексе им И.Я. Словцова масштабное полотно Б.И. Паромова «**День Победы**» открывало экспозицию выставки, посвящённой 75-летию Великой Победы. Композиционное построение картины органично соединяет образную символику исторических событий державы с торжественным военным парадом на Красной площади. На переднем плане изображён мужественный боец воздушно-десантных войск – олицетворение боевой готовности нашей армии, стоящей на страже Родины. За его спиной парадным маршем движется колонна ВДВ. В левой части композиции художник изобразил Александровскую колонну на Дворцовой площади Санкт-Петербурга и Триумфальную арку на Куту-

зовском проспекте Москвы – это память о победе России над Наполеоном. За аркой полыхает зарево, напоминающее о пожаре Москвы и Бородинской битве. Возле стоят солдаты – преемники славы русского оружия с поверженными знамёнами и штандартами третьего рейха. В правой части картины – сияющая красота ландшафта с храмом Покрова на Нерли. Это олицетворение духовной силы родной земли. В верхней части картины в небесах художник расположил фотографии участников Великой Отечественной войны, которые незримо присутствуют с нами 9 Мая.

Опыт Великой Отечественной с исключительной силой переживается по сей день миллионами граждан страны, обжигая сердца глубиной трагедии и величиим триумфа Победы. В нём – исток духовной скрепы нашей державы. Поэтому столь важно обращение к этой теме. В современный период господства так называемого «актуального искусства» новое поколение художников не дерзает братья за воплощение подобных идей, а глубокое смысловое содержание в картинах считается анахронизмом и отвергается.

Линия творчества Б.И. Паромова отличается глубоким разнообразным тематическим содержанием. Для него важно понимание и отражение сегодняшнего непростого времени, вопросов бытия. У автора свой индивидуальный взгляд на историю, современность, христианскую тему. Сегодня информация лавиной обрушивается на человека в виде сотен образов, подчас виртуальных и фейковых.

Борис Паромов убеждён, что в художественном произведении нужно понимание и объяснение происходящего. В обществе возрастает интерес к идейно-смысловому проявлению в произведениях современного искусства. Изобретательность формы, одиозность манеры исполнения, деструктивная «актуализация» чужды художнику. Он стремится раскрыть смысл своих картин так, чтобы они активизировали зрителя, направили его к внутреннему диалогу с автором. Ему дорога духовная связь между поколениями, история страны и родной Сибири.

В 1975 г. 27-летний Борис Паромов дерзнул взяться за создание полотна «Ермак». Он понимал, что требуется особый образный язык для воплощения такого героя, и обратился к символизму. На картине хмурое высокое небо, полоса тяжёлой свинцовой воды – стихии огромного пространства «в краю суровом и угрюмом». В ладье, глубоко просевшей в воду, – авангард дружины и легендарный атаман. Они изображены как единый монолит. Такой приём соединения группы напоминает иконопись. Ермак – основная доминанта композиции. За его спиной парус и чёрный стяг, на котором изображали Спаса Ярое Око, наводящего страх на врагов. Голова Ермака закрывает лик Спаса, а нимб осеняет главу покорителя Сибири. В советское время изображение Христа считалось пропагандой религии – картина могла быть обречена на прозябание в мастерской. Поэтому автору пришлось прибегнуть к такому скрытому подтексту.

Размышляя о переломных периодах истории нашей державы, Б.И. Паромов сосредоточился на двух ярких личностях, которые по-разному оцениваются в научных трудах, публицистике и памяти народной. Он создал диптих «Две империи», где представил двух великих государственных деятелей – И.В. Сталина и Ивана Грозного. Они появились на исторической арене в ключевые эпохи – век XX с его великими потрясениями, революциями и войнами, и XVI век, когда боярство, превратившись в антигосударственную силу, могло способствовать разрушению целостности царства.

В левой части диптиха изображён Сталин в парадном маршальском мундире на фоне пространства необъятной Родины и высокого неба с летящим самолётом. Образ знаменует торжество страны, победившей «коричневую чуму» – фашизм. Импульсом создания картины послужило полотно художника Ф.С. Шурпина «Утро нашей Родины», созданное в 1946 году. Оно было чрезвычайно популярно и осталось в памяти многих. Оценка личности И.В. Сталина до сих пор неоднозначна. Но следует знать и понять, что Сталин, став во главе СССР, сделал страну великим государством, с которым считалось всё мировое сообщество, смог поднять её престиж на небывалую высоту. Даже откровенный враг страны Советов премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль высказывался так: *«Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому поистине великому человеку»* (из речи в палате общин 7 ноября 1945 г.).

В правой части диптиха предстаёт первый «царь всея Руси» Иван Грозный. В небесном просторе над ним парит орёл. Иван IV Грозный столь же неоднозначно оценивается историками и писателями. Его прозвище возникло не само по себе – народ так прозвал царя не случайно, а за искоренение «смуты боярской», которая грозила Руси распадом. Важные итоги правления Ивана Грозного – объединение страны, увеличение её территории, реформы государственного управления, укрепление армии, безопасность границ, рост населения. За счёт присоединения Сибири Россия стала евразийской державой, прообразом будущей империи Петра Великого.

Полотно «Голоса предков» появилось в творчестве художника как определённый финал цикла картин «Тюмень уходящая», который был завершён в 2002 г. и демонстрировался на одноимённой выставке в музее изобразительных искусств. В триптихе «Голоса предков» художник зримо запечатлел образы нашей генной памяти. Герой левой части картины – крепкий, статный мужчина – деятель и созидатель. Именно такие прорубали тайгу, ставили грады сибирские, распахивали земли, строили избы и храмы, осваивали и заселяли Сибирь вплоть до Великого Тихого океана. Центральная часть – воплощение несокрушимой силы духа в лице протопопа Аввакума, который в период раскола православной церкви не принял реформ и остался хранителем веры старого обряда (предки художника – староверы из далёкой деревни Шапша, что на севере Сибири). Правая часть – женщина-сибирячка. Они сберегали семью, растили детей, были опорой мужьям, не оставляя их в тяжёлых жизненных испытаниях. Борис Паромов ощущает духовную связь между поколениями и утверждает это в своей картине. Неколебимое мужество сибиряков, которое они получили в наследство от предков, помогло отстоять Москву в грозную зиму

1941 г. и выдержать в 1943-м жестокое шестимесячное противостояние под Сталинградом, которое явилось переломом Отечественной войны.

Художник задался целью сохранить облик старой Тюмени, который исчез, растворился во времени. Молодое поколение не должно утратить истинную связь со своей малой родиной, а старому поколению дорого соприкосновение с ушедшей аурой города, открывающего путь в великую Сибирь. В конце 2003 года на персональной выставке «Тюмень уходящая» Б.И. Паромов продемонстрировал 150 акварелей, где предстал наш город 60-х – начала 70-х гг. Это время отрочества и юности автора. Тогда живы были ландшафты Городища и Затюменки, Ямской слободы и Зареки,

старого центра. В течение 15 лет собирался натуральный материал и за год был создан уникальный портрет города. Для многочисленных откликов зрителей одной книги отзывов оказалось недостаточно, почти полностью была написана и вторая. *«Экспозиция выставки – итог гигантского труда и творчества, лучший памятник тюменской красоте. Такого целостного портрета Тюмени у нас ещё не было и не будет»*, – цитата из статьи журналиста и критика Владимира Рогачёва.

Образ родного города и по сей день занимает автора. Он создал несколько панорамных видов самого примечательного места Тюмени. В картине **«Золотые купола»** запечатлён высокий Затюменский мыс, где раскинулось на широкой площади между архитектурным ансамблем Свято-Троицкого монастыря и Крестовоздвиженской (Никольской) церковью самое красивое здание нашего города – архитектурно-строительный институт (бывшее коммерческое училище Колокольниковых). Художник написал не фотографическую натурную копию – здесь присутствует умелый композиционный отбор.

Последние два года Б.И. Паромов напряжённо работал над фундаментальным полотном **«Юрий Гуляев – певец советской эпохи»**. Имя родившегося в Тюмени выдающегося певца, любимого в своё время всей страной, стало забываться: молодое поколение и не слышало о нём. Неповторимый, душевный, мягкий лирический баритон Юрия Гуляева завораживал, трогал душу.

Автор поставил перед собой очень сложную задачу. В композиции картины высокая статная фигура певца занимает центральное доминирующее положение в пространстве полотна, а вокруг – образы исполняемых им песен: *«На безымянной высоте»*, *«Обнимаю небо»*, *«Мы учим летать самолёты»*, *«ЛЭП-500»*, *«Голубая тайга»*, *«Орлята учатся летать»*, *«Усталая подлодка»*, *«Знаете, каким он парнем был?»* (песня из

цикла *«Созвездие Гагарина»* Александры Пахмутовой). Песенные образы не изображаются на плоскости как некие пазлы. Они как фантомы живут в реальном трёхмерном пространстве широкого простора Сибири – вместе с Большим театром, где Ю. Гуляев служил с 1975 по 77 год, с деревянным в три окна домиком, похожим на родной дом певца, узнаваемым тюменским мотивом – Троицким монастырём. Юрий Гуляев является гордостью Тюмени, его именем назван концертный зал филармонии.

Замысел художника неоднозначен даже в бытовых сюжетах картин. **«Сибирский роман»** – это противостояние характеров. Девушка, повернувшись спиной к окну, не спешит выходить из дома. В окно видна зимняя улица, где мёрзнет парень, упорно дожидаясь свою милую. Красавица, затаённо опустив глаза, не отходит от окна, испытывая своего избранника.

Противостояние – одна из главных тем Бориса Паромова. Он рассматривает это понятие через призму философии, мировой культуры, религии. Таковы его недавние произведения – диптих **«Свет и Тьма»**, и картина **«Равновесие (Христос и антихрист)»**. Первая работа – о противостоянии Добра и Зла. Златовласая Дева Света с цветущим сияющим посохом, в алом наряде, в среде прекрасной природы и неба с радугой являет жизнь, добро, красоту. Рыцарь в чёрном одеянии и капюшоне, скрывающем лицо, опираясь на зазубренный меч со следами крови, стоит на фоне страшных чёрных домов-башен и багрового неба. От этой фигуры исходит мрак, ужас.

Вторая работа **«Равновесие (Христос и антихрист)»** – по замыслу автора – вселенское противостояние, два полюса. С одной стороны –

воплощение высоты духа, веры, с другой – отрицание всего сущего. Картину сопровождает надпись: «Мене, текел, фарес», которая появилась на стене во время пира царя Валтасара и волнует людей со времён библейских: «Исчислено, взвешено, разделено». Исчислена значимость царства и положен конец ему. Взвешен его владыка и найден лёгким, незначительным. Разделены будут все его владения и отданы другим властителям.

Художник задаётся вопросом – можно ли уничтожить зло? Оно всегда существовало и существует. Можно ли уничтожить добро? Если представить подобное, то зло начнёт уничтожать само себя. Ведь оно только разрушает. Значит и то, и другое существует в борьбе и равновесии, пока жив род человеческий.

Глубокие вопросы бытия обозначает автор в работах христианской тематики. Картина «**Неси и веруй**» отсылает к притче о своём кресте и Кресте Христовом. В беспредельном космосе Спаситель, увенчанный терновым венцом, несущий крест, занимает всё пространство, а внизу человек с крестом, который каждому из нас даётся по силам.

Композиция «**Душа бессмертная**» – это «горный ангелов полёт». Один из ангелов бережно несёт младенца – символ беспорочности и чистоты. «**Христос и Мария Магдалина**» – противостояние Иисуса и грешницы и единение их в тот момент, когда открывается истина. Благословляющий жест Спасителя зажигает звезду в небесах как образ откровения, преобразующий Марию Магдалину в равную ученикам Христа, то есть равноапостольную. Именно ей первой явится Христос после Своего воскресения.

«**Утренняя звезда**» – картина о поиске смысла жизни. Ищущий истину – это всегда странник. Таков герой полотна Б.И. Паромова. В 2001 автор получил за эту работу премию имени Ивана Калганова, талантливого тюменского живописца второй половины XIX века.

Художник не уходит и от современных тем. В его творчестве есть несколько картин, относящихся к так называемому соцарту. Герои таких произведений намеренно приближаются к образам массовой культуры, к знакомым клише. Примером может служить триптих «**Россия 90-х**». Центральную часть занимает знаковый типаж того времени – новый русский с типичным «джентльменским набором»: малинового цвета пиджак, чёрные очки, крест на толстой золотой цепи, пистолет и «мобильник». Фоном служит огромная столларовая купюра. Слева изображён так называемый «совок», пьющий пиво из бутылки. Справа – «Мисс Россия» – типаж, представляющий новые «профессии», появившиеся в «лихие 90-е» – путана и топ-модель. Автор не скрывает своей горькой иронии по поводу этих персонажей.

В картине «**Россия 2020-х**» два десятилетия нового века определяются не медиаперсонами – политиками, героями ток-шоу, модными блогерами и эстрадными звёздами, а обычными людьми, которых принято не замечать. Слева – бывший военнослужащий, прошедший локальные конфликты и ставший инвалидом. В центре – подросток с узнаваемым набором любимых занятий: компьютер, скейт, велосипед, футбольный мяч, смартфон и т.д. Справа – женщина в окружении предметов кухонного быта, с неизменным пакетом продуктов в одной руке и скромным букетиком цветов в другой (желание украсить жизнь). На лице медицинская маска – напоминание о COVID-19. Эти архетипы времени, эти «незаметные» люди стали исчезать из поля зрения художественных произведений, но именно они и представляют истинное течение жизни.

В статье представлена лишь малая часть картин художника, а их около семи сотен. Любая из написанных работ – серьезный и вдумчивый труд. Б.И. Паромов как исконный сибиряк создал яркий образ могучей силы нашего края и русской удали в картине «Тюменская тройка». На фоне космического пространства возникает окно, обрамленное наличником с уникальной объёмной резьбой, стиль которой встречается только в Тюмени. В окне ошеломляющее видение: по заснеженному полю под небом с пылающим алым закатом прямо на зрителя несётся тройка. Этот образ вдохновлён бессмертными словами Н.В. Гоголя: *«Эх, тройка! Птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла родиться – в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета»*.

Борис Иванович Паромов отличается целеустремлённостью и повышенной требовательностью к себе. В своём творчестве он всегда пытается обрести веру в духовное перевоплощение человека. Главное для него – любовь и боль за Отечество, которому он в меру своих сил и способностей бескорыстно служит своим искусством.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*****

Эдуард АНАШКИН

ГОРЕЧЬ И ЛЮБОВЬ СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА

Редко кто из поэтов патриотического направления избежал в своем творчестве внутреннего диалога с одним из самых харизматичных русских поэтов, ставшим для нескольких литературных поколений символом непримиримости к подделкам под русскую литературу. Я говорю о Станиславе Юрьевиче Куняеве. Он – человек-эпоха, сколь высокая и великая в своих лирических прозрениях, столь же горькая в прозрениях публицистических. Совсем недавно, читая присланную мне книгу избранных стихотворений замечательного сибирского поэта Василия Козлова «Гончарный круг», вышедшую в далеком от Москвы Иркутске, я наткнулся на посвящение Станиславу Куняеву:

Хотел сказать: «Мы целым миром правим, // А вас дожать не стоит ничего...» // Сказал: «И все равно мы вас задавим!..» // Но испугался слова своего. // И посмотрел глазами спаниеля, // Вокруг зрачков блестела кровь веков... // Мели, Емеля, знать, твоя неделя – // Я выслушаю без обиняков. // Там, на Синае, в огненной пустыне, // Тельца разрушил грозный Моисей, // Но в темных душах он живет поныне, // Рождая бред сомнительных идей. // И никогда наш спор не разрешить, // Продлится он за дьявольским туманом. // Кровавого инстинкта не изжить // Ни подкупом, ни лестью, ни обманом. // Мы ждем врагов на наших рубежах, // Нам есть с кем поделиться вящей славой. // Вам остается ненависть и страх – // И вечный плач, неверный и лукавый.

Может, и не стоило, говоря о Куняеве, говорить о ком-то еще, слишком уж значима эта творческая величина. Но так уж получилось символично, что почти одновременно с книгой Василия Козлова я стал обладателем пламенной публицистической книги Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...». Тысячи километров между Москвой и Иркутском, а так символически сложилось, что оба автора говорят об этой вечной интеллигентской склонности к предательству! Настолько вечной, что уже говоря интеллигент, подразумеваем либерал и как следствие предатель.

Василий Козлов посвятил интеллигенции цикл стихотворений в своей книге, несколько строк из одного стихотворения я хотел бы процитировать:

Предпочитая чуждые народы // И мудро презирая свой народ, // На перекрестке зоны и свободы // Поэт интеллигенция, поет...

Как говорится, пой, ласточка, пой, мир дышит весной. А весна – это оттепель, а оттепель – это по сути грязь. Не зря один из царей говорил: «Россию надо подморозить!» ... Станислав Юрьевич Куняев посвятил продажности интеллигенции горькие главы-эссе своей литературоведческой публицистической книги, осмысливая путь падения творчества в бездну сиюминутной материальной выгоды, а по сути продажи творческого первородства на сытную чечевичную похлебку. Эта книга нужна вовсе не тем, о ком и на примере чьего жизненного пути она написана. Им, как говорится, уже не помочь. Она написана для будущего, это книга-предостережение

молодым небесталанным авторам о том, что будет, если творческое перво-родство ставить ниже чечевицы.

В наши дни военной спецоперации либеральная интеллигенция проявила себя во всей красе, кинувшись спасать от русской угрозы столь обожаемую Европу, частью которой якобы является бывшая советская республика Украина. Посмотришь и вспомнишь классика: «Чем либеральней, тем они пошлей». То бьются в истерике, что им стыдно быть русскими, хотя приглядеться, так по национальности, за редким исключением, ни разу не русские. То призывают за мир, а на деле за замалчиваемую трагедию фашистского расчеловечивания русских людей, виноватых лишь в том, что они живут на Украине.

Вечная оглядка на заморскую «княгиню Марью Алексевну», не понятная русскому поэту, пишущему для своего народа, привела в итоге к творческому краху не одного западно ориентированного литературного поколения. Читаешь книгу «К предательству таинственная страсть...» и все больше укрепляешься во мнении: она написана как бы на вырост нам, читателям.

С грустью порой думаю, что ведь эта книга, только фамилии будут в ней меняться, останется надолго актуальной для литературы России. Не секрет, что последние десятилетия у нас волеизъявлением постсоветской власти всячески стараются вытравить из литературы всякий намек на социальность. Во главу угла поставлено личное, некое «самовыражение автора». То есть сводится общественное до частного в то время, как главная задача русской литературы еще со времен бессмертной классики была прямо противоположная.

Наши классики учили читателя видеть в частном общественное, в трагедии «маленького человека» трагедию огромного количества людей. Вспоминаются слова классика аварской литературы Гамзата Цадаси, сказавшему сыну, будущему известному аварскому поэту Расулу Гамзатову, на тот момент еще начинающему автору: «Если ты поэт, то ты должен чувствовать и видеть так, как чувствует и видит твой народ». Народность литературы. Забытое ныне словосочетание! А ведь от него еще во времена, когда о народности не говорил лишь немой, были безнадежно далеки персонажи книги Станислава Куняева, чьи имена прекрасно нам известны – Окуджава, Вознесенский, Евтушенко, Галич и прочие «дети Арбата».

Вроде и немало книг по истории литературы XX века я прочитал, но признаюсь, что многие факты о жизни и творчестве этих писателей, изложенные в книге, потрясают своим цинизмом. И совсем иначе начинаешь смотреть на тех, кто считал себя шестидесятниками и «дворянами арбатского двора». Понимаешь, но за пределами московского Садового кольца эти люди, позиционировавшие себя русскими писателями, не видели и не желали видеть.

Книга пронизана не только обличительной горечью, но и грустным осознанием того, как порой разводит по враждебным лагерям вчерашних коллег и даже приятелей разное отношение к России. Вроде бы очевидно, что однажды пишущий человек непременно понимает, что литература сама по себе, оторванная от духа народного и любви к народу, становится пустым словоблудием, которое не спасут никакие красивые слова, модные ритмы, оригинальные рифмы.

Советское время, о котором сейчас все мы так или иначе ностальгируем, и писатели не исключение, конечно, было временем расцвета любви

народа к литературе. Тиражи книг исчислялись сотнями тысяч, писатели были властителями дум миллионов сограждан, книги были в дефиците, поэтические сборники расхватывались с полок книжных магазинов в считанные часы... Но не будем забывать, что литература была не только инструментом осмысления жизни, но и частью официальной советской идеологии. То есть были запретные темы, которые советским литератором поднимать в своем творчестве было нежелательно. Скажешь правду о нищете русской деревне – вмиг тебе припишут очернительство со всеми вытекающими...

Тем не менее русские поэты, призывая на помощь весь свой художественный дар и Эзопов язык, все равно старались донести до читателя правду. Прорывались сквозь запреты цензуры пронзительными строчками и стихами, а в это время либеральные писатели, дети XX съезда и прочих оттепелей, всеми силами налаживали как умели (об этом есть немало горьких страниц в книге) связи с боготворимым ими Западом. За редким исключением ориентированные на «общемировую культуру» жили по столицам, то писали оды Ленину, то ехали на поэтические фестивали за границу, где, ясное дело, оды Ленину предпочитали не читать. И словно бы параллельно, своей жизнью, жизнью народа, для которого творили, жили по провинциям Николай Рубцов и Василий Белов, Валентин Распутин и Евгений Носов, Виктор Астафьев и Николай Палькин... Словно некая высшая сила не пускала их в столицу, где собирали шумные толпы в Политехническом музее и на стадионах их столичные коллеги, частые гости на радио и телевидении. И так эти две ветви литературы – русская по духу и русскоязычная подделка – жили параллельно друг другу, практически не пересекаясь.

Феномен Станислава Куняева заслуживает отдельного внимания. Волею судьбы и силой характера парнишка из калужской провинции жил географически рядом с избранной кастой шестидесятников. Был уважаем ими, хотя порой и ненавидим. При этом остался собой, не изменив русской глубинке и написав именно о ней лучшие свои стихотворения. А лучшие его стихи были все о ней, о России:

*Непонятно, как можно покинуть //Эту землю и эту страну, //
Душу вывернуть, память отринуть, //И любовь позабыть, и войну. //
Нет, не то чтобы я образцовый //Гражданин или там патриот – //
Просто призрачный сад на Садовой, //Бор сосновый да сумрак лиловый,
//Темный берег да шрам пустыяковый – //Это все лишь со мною уйдёт.
//Все, что было отмечено сердцем, //Ни за что не подвластно уму. //
Кто-то скажет: «А Курбский? А Герцен?» – //Все едино я вас не пойму.
//Я люблю эту кровную участь, //От которой сжимается грудь. //Даже
здесь бессловесностью мучусь, //А не то чтобы там где-нибудь. //Синий
холод осеннего неба //Столько раз растворялся в крови, //Не оставил в
ней места для гнева – //Лишь для горечи и для любви.*

Вот этой, процитируем стихи, горечью и любовью, а вовсе не гневом, продиктована книга «К предательству таинственная страсть...». Любовью к родному русскому простору и горечью от того, что не все твои коллеги, хотя именуется русскими писателями, разделяют эту любовь. Географически Станислав Куняев был столичным писателем. Но духовно и душевно он как был в юности, так и остался певцом и печальником русской глубинки, за что ему периодически приходилось выдерживать дружный натиск либеральных столичных писателей. Сильный характер и корневой

русский талант помогал Станиславу Юрьевичу успешно воевать за русское слово и русский дух на московской территории.

В одной из книг он написал о том, что идеологические оппоненты дивились его мужеству и стойкости, ведь противостоять очередному дружному либеральному наскоку ему приходилось порой практически в одиночку. А разгадка непобедимости Куняева, лежавшая на поверхности, была им с их отношением к России неведома. Когда ему становилось неведомо от столичной жизни, он уезжал в свою родную Калугу и там, на малой родине, набирался от родной земли сил для будущих литературных баталий. Пока ещё были живы его друзья-соратники Вадим Кожин, Анатолий Пердреев, Юрий Кузнецов, думаю, Станислав Куняев не столь ощущал свою одиночку в среде, где ему выпало жить и работать. Однако и с уходом из жизни единомышленников Станислав Юрьевич не утратил боевого духа, который одинаково блистательно проявлялся и в его стихотворениях, и в публицистике, и в подвижнической работе главного редактора лучшего литературного журнала России «Наш современник», верного пушкинским заветам.

Книга «К предательству таинственная страсть» уникальна тем, что ее автор, несмотря на то, что он выдающийся поэт, а поэты, как известно, люди эмоциональные, в этой книге предстает бесстрастным и бесстрашным осмыслителем эпохи. Неуклонное стремление быть объективным по отношению к тем, о ком написана книга, сильно выделяет ее из череды множества документально-публицистической мемуаристики. Такая, как правило, отмечена печатью вкусовщины и имеет привкус сведения счетов. Куняев стремится быть предельно холоден и объективен вне зависимости от того, симпатичен ли ему лично человек, о котором идет речь, или симпатии своими какими-то поступками не вызывает.

Думаю, для многих, кто и сегодня нет-нет да и ностальгически взгрустнет по временам шестидесятников, такая книга станет откровением. Заставит на многое посмотреть иначе, переосмыслить свои взгляды. А без такого переосмысления не будет у России, у нас не будет будущего. Если мы будем считать предательство и презрение к Родине нормой, какое может быть будущее? Пока мы вполне себе спокойно относимся ко всем этим «детям Арбата», «детям оттепели», насельниками «Дома на Набережной», «детям XX партсъезда», мы пребываем в иллюзии, что это русские, а вовсе не русскоязычные писатели. Забываем о том, что их главным желанием была вовсе не любовь народная, а любовь узкой прослойки таких же «богоизбранников» и желание стать гражданами мира. На какие только ухищрения они во имя этого ни шли – почитайте в этой книге, вас ждут не очень приятные, но нужные открытия. Когда уж тут о народе русском было им думать? Для того «мужичье» Рубцов да Распутин, и прочие им подобные есть...

Об объективности этой книги, стремлении максимально понять такое явление, как шестидесятничество и его корни, наиболее показательны говорят эссе о Борисе Слуцком, Игоре Шкляревском – писателях, к которым Станислав Куняев не скрывает своей приязни, потому что с этими людьми его связывали годы если не дружбы, то дружества.

Совершенно согласен со Станиславом Юрьевичем, что «литература в России – это вторая религия». «Пушкин – наше все». Именно Пушкин, хотя Россия щедр на гениев в самых разных сферах человеческой деятельности. Но именно Пушкин стал наиболее полным выражением народного духа. А ведь это даже на бытовом уровне отражается. Наверняка каждый

из вас слышал в детстве от родителей: «А кто за тебя уроки делать будет? Пушкин что ли?».

А уж коли литература – вторая религия, значение книги переоценить нельзя. Скажу крамольную вещь, которую не должен говорить человек верующий. Но литература, может быть, не вторая, а первая религия в России, потому что религий в России немало, а литература одна, хоть и многонациональная. Предательство начинается со слова. Потому надо быть внимательным к словам, они – предтечи поступков.

Литературное поле России – вечное поле битвы за чистоту души, языка, помыслов. И на этом поле битвы нужны опознавательные знаки «свое-чужое», чтобы не принимать чужое за родное, а врага за соратника. Порой цитируем слова, что предают только свои, но если предал, не был своим никогда, просто его принимали за своего! В посвящении на книге Станислав Юрьевич написал мне, что она создавалась в течение всей его жизни. И действительно: в книге собран огромный документальный материал, который, быть может, и не осилить в полной мере с первого прочтения. Книгу «К предательству таинственная страсть...» надо не просто читать и не просто перечитывать. Она заслуживает того, чтобы стать настольной. Она поможет избежать многих искушений на литературном пути, сохранить верность себе и русской литературе. Поможет в выборе единомышленников, в умении видеть «чужих» по их словам и поступкам.

Бог ссудил Станиславу Юрьевичу Куняеву жизнь насыщенную, полную сражений на литературных полях и полях истории, высекавшую из его души поэта гениальные стихи, которые мы с вами часто цитируем и которые поддерживают наш дух в непростое время. Книга «К предательству таинственная страсть...» – гражданский поступок поэта, если учитывать сильно превосходящие силы либерального противника. На такое мужество способен не каждый поэт, если только он не Станислав Куняев!

Осенью у Станислава Юрьевича юбилей. Здоровья Вам, учитель, и всего самого доброго!

Александр БАЛТИН

ТЯЖЁЛАЯ НОША

К 85-летию Валентина Распутина

Ноша Валентина Распутина была тяжела, ибо писать вровень с классиками девятнадцатого века практически невозможно (хотя Распутину это удалась), а чаша его, подъятая к небесам, была полна как солнечной субстанцией жизни, так и горьким полынным отваром, который щедро производит юдоль.

Уже «Деньги для Марии» обещали писателя необычайного, редко: и по словесному, густому и крепкому письму, и по проникновению в сердца людские, занавешенные от большинства плотью поступков. Собственно, «Деньги для Марии» – сама по себе замечательная повесть, ибо мощно показывает, как трагедийный излом выявляет лучшее и худшее в человеческой породе, мощно и оригинально; но в сравнении с главной, вероятно, книгой «Живи и помни» – это ещё репетиция высоты.

«Живи и помни» даёт жизнь так плотно и веско, столь из глубин высвечивая сущность её, что полноценно встаёт в ряд с классическими произведениями лучших из лучших...

Несущая в себе новую жизнь: ребёнка, о котором мечтала, который не получался, Настёна топится, чтобы предупредить мужа, изъеденного собственным дезертирством и страхом войны...

Это – как речь на могиле Илюшеньки из «Братьев Карамазовых» – та же мощь, та же сила...

Только... есть ли выход к свету через пути страданий, которыми изломисто идут герои Распутина?

Есть ли он?

Ибо отсутствие такового не может сделать книгу значительной, ибо литература существенна лишь в той мере, в какой даёт почувствовать парение душе, прикоснуться к облакам.

А сама повесть – с её живым, хлебным языком, с нежной, такой простой Настёной, с Андреем, ощутившим, что жизнь в тупике есть световое вещество жизни: ибо как бы ни была тяжела она, это всё равно жизнь...

Далее накатят волны «Прощания с Матёрой», где образы старух, пьющих чай так, будто вот-вот к ним в гости заглянет смерть, врезаются в память алмазными гранями силы и мастерства; Матёра – книга о разрушении и стойкости: могучий «царский листвень» (чуть ли не тень Мирowego древа!), несущие новое, но через разрушение, не могут сокрушить, как сокрушат они деревню, разорят кладбище...

Великолепные «Уроки французского», в сущности обжигающий стигмат сострадания, вырезаемый на сердце читателя; тут линии Достоевского и Некрасова причудливо переплетаются, точно вращаясь в современный материал скудости и бедности.

А как роскошно живописен очерк о Байкале! Вода его блестит, и берега чуть не прогибаются от обилия ягодных кустов; и дремотное в этот час бело-прозрачное море Байкала готово поделиться силой своей с читающим строки Распутина.

Книги – тёртые, сильные, с хлебом и гневом, правдой и жёсткостью – строил Распутин, как строили когда-то терема, и хотя в его книгах мало праздничного, сам факт, что были они – праздник русской литературы.

2

«Живи и помни» страшнее Матёры не из-за окуляра войны, а из-за ячейки памяти, которую не порвать.

...Сухая, трущаяся друг о друга картошка – коли нести её в мешке: еда «Уроков французского» переходит в гематоген и макароны, проводя линии фраз по полю новеллистического шедевра.

Матёру не отстоять, как не продлить жизнь старухам, сидящим за чаем (ах этот шамкающий мир их воспоминаний!); но дети вырастают всегда, и опыт их – круглый от получаемого добра, квадратный от причинённой боли – формирует их различно: и читателями, сопереживающими персонажам, и делягами, отвергающим гуманитарный мир.

Баня.

Баня с пауками из Достоевского – ассоциацией.

Дебри и огонь войны, и – любовь в недрах оных (и войны, и бани) – страшная, как крест.

Кресты кладбища, уничтожаемые, сжигаемые; фотографии мелькают, проваливаясь в небытие.

Оно существует: как бездна, в которой не представить ячеек света.

И... байкальская роскошь, гладкая пышность воды, неистовство растительности берегов, сборы ягод, изобилие живописи – точно фламандское нечто, а вовсе не русское выплеснуто в данность; роскошь очерка, ткущегося сочно, вкусно, сладко.

Прозаические миры звучат такой метафизикой, что любая метафизика отступает перед гущей человеческой дебри.

3

...А когда дело дойдёт до водки, будут её передавать бережно, по бутылке, из рук в руки, тут же отпивая, хмелея...

«Пожар» Распутина неистово раскинется на страницах повествования, выхлестнется за пределы его, опалая лица сограждан, вздымаясь к небесам яростной мощью.

Персонажи пройдут чередой, представляя собой галерею советских типажей – с самоотверженностью и апатией, мудростью и наплевательством; пожар, начавшийся в восемьдесят пятом году, не сулил пепелища, которое к утру останется в повести; а один из героев, заявляя «будем жить», точно выражает стойкость русско-советского народа, который готов пережить любые пожары-кошмары, хоть наиболее бережно будет спасать водку.

Яркость повести отражает многое: и разгильдяйство, и стойкость перед огнём причудливо соединяются в русской ментальности; а язык Распутина, обладая высокой степенью пластичности и выразительности, вполне превращает местную драму в трагедийный анализ слома и раздвоя советской жизни – грядущего глобального пожара.

И тут Распутин предстаёт провидцем.

4

Жизнь и память – память тяжелее, чем боль; кристаллы света, впечатанные так глубоко в души, как будто реальность исключает их.

«Живи и помни» – сложена из фраз, чья сила в равной степени наполнена страданием и млеком предшествующей литературы. Деревня примет дезертира, жена спрячет его, но их ребёнок никогда не появится на свет.

Жажда жизни, прожигающая всё на свете, война, противоречащая оной, боль людская, солью просыпанная в бездну текста.

Холод севера не способен сковать души.

...мы не умрём, впечатанные в янтарь великого текста...

Мы умрём, оставшись жить, и даже как будто и ребёнок, который должен появиться – появится, вырастет.

Проза ассоциируется с корой, покрытой неведомыми письменами, с землёй, с вечно длящейся русской трагедией.

...Старухи не желают покидать деревню – да и старухи такие, будто болтают со смертью ежедневно, чай с ней пьют.

Матёра должна быть разрушена, но зачем – не объяснить вечности, которую представляют старухи, остающиеся жить через смерть, текст, ужас, повседневность, через потерю надежд...

Евгений МАКСИМОВ

«ИМЕНЕМ РУБЦОВА БУДЕМ УЗНАВАТЬ ДРУГ ДРУГА...»

О книге С.А. Лагерёва «Светлая печаль» (2021)

Рядом со мной книга Сергея Алексеевича Лагерёва «Светлая печаль» (2021). Как и ряд предшествующих работ, она посвящена творчеству русского поэта Н.М. Рубцова (1936–1971), отличаясь широким кругом использованных источников, куда вошли: а) личная переписка автора и записи его бесед с В.И. Беловым, Н.В. Груздевой, Н.А. Старичковой, Б.М. Шишаевым, Г.Я. Горбовским, В.Ф. Потаниным, Н.В. Денисовым и другими современниками и ценителями творчества Рубцова; б) отрывки из сборников их поэзии и прозы; часть их была подарена С.А. Лагерёву и содержит автографы; в) делопроизводственные документы; г) фотографии, свидетельствующие о встречах автора с людьми, знавшими Н.М. Рубцова, и мероприятиях, приуроченных к его памяти.

Немало из указанных материалов представлено в приложениях в конце книги, что придаёт ей необходимую достоверность, усиливая интерес и доверие читателя. Особое место занял раздел «Слово о поэте» с подборкой цитат и стихов деятелей политики и культуры о Рубцове и его земляках В. Коротяеве, А. Романове, В. Устинове и других [2, с. 87–101].

Объект литературного исследования, помимо писательской практики и её результатов подразумевает читательское восприятие произведения современниками и потомками. Следовательно, в литературе кроме авторов действуют и читатели. При этом все они, вместе взятые, есть части целого (литературного процесса). Вполне закономерно, что сокращение числа читателей, разрывы контактов, постоянной, обратной связи и обмена мнений – от читателей к автору и от автора к читателям – сужают его масштаб, мешают быть полноценным.

Отражая действительность, литературный процесс показывает уровень, степень взаимодействия авторов друг с другом и читателем, а через отношение к вышедшей книге формирует читательскую память и культуру. Рассмотрение читательской культуры во времени даёт возможность проследить динамику развития художественной рецепции в какой-либо период, когда от первичного, эмоционально-чувственного восприятия текста происходит переход к анализу его содержания и выработке эстетической оценки. Так, идя по следам читательской памяти о Рубцове, С.А. Лагерёв открывает в ней новые страницы, вследствие чего история жизни и творчества поэта, как и история её изучения, существенно дополняются.

Социально-политические явления любой эпохи по-своему уникальны. Они же могут обусловить ход, итоги и последствия культурного развития. Довольно часто последнее проявляется не сразу. Не раз это доказала практика литературы, – литературы российской, где, по мысли В.П. Астафьева, «почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной. Не был исключением и поэт Николай Рубцов» [1, с. 57].

К.Я. Лагунов (1924–2001) заметил: «Литература – человековедение. Главный и единственный предмет писательского исследования – человек» [3, с. 14]. Антропоцентрическая особенность литературы отмечалась и ранее. А.П. Платонов (1899–1951) сделал вывод, что «...литература имеет

дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве, и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию» [5].

Итак, литература обращена к человеку. Он – главный центр её внимания. Здесь её предназначение, заданная вековой традицией сила и духовно-нравственная ценность. Говорят: человек – словно книга, которую надо правильно читать. В таком контексте «Светлая печаль» – своеобразная «книга книг», повествующая об истории человеческих судеб, где каждая глава – самостоятельный очерк о том или ином деятеле отечественной культуры и политики, в чьей жизни присутствовал Н.М. Рубцов. Автор достаточно подробно знакомит нас с историей состоявшегося диалога с современниками поэта, описывая различные стороны жизни и творчества Н.В. Груздевой, Б.М. Шишаева, В.Ф. Потанина, Г.Я. Горбовского, В.И. Юровских, Н.Б. Рачкова и других, многие из которых непосредственно окружали Рубцова.

Очевидно, что без активной, равнодушной позиции автора, без его многолетних усилий (поездок, встреч, звонков, писем и т.д.) читатель вряд ли узнал бы о ряде имён в отечественной литературе второй половины XX – начала XXI веков. По мере прочтения в его сознании образуется картина того, как отозвалась в жизни отдельных авторов рубцовская лира, как повлияла на индивидуальное творческое развитие.

Большое место в книге занял очерк «Поэт Николай Рубцов и Тюменский Север». В его основе – рассказ о намечавшемся визите Рубцова в Тюмень в декабре 1969 года. Остановлюсь на нём подробнее.

20 октября 1969 года К.Я. Лагунов, тогда ответственный секретарь Тюменской областной писательской организации, при содействии своего коллеги, журналиста Н.В. Денисова, отправил в адрес поэта письмо-приглашение, предложив ему принять участие в Неделе поэзии. Несмотря на официальные реквизиты, содержание текста носило тёплый, дружеский характер. «Дорогой Николай! – обращается к Рубцову Лагунов. – В середине декабря будет проходить четвёртая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени. Тюменская писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в Тобольске, на Ямале, в Приобье. (...) ...участники её выступят по тюменскому, ханты-мансийскому, нижневартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет» [2, с. 7]. Программа запланированных мероприятий была насыщенной и дополнялась возможностью провести индивидуальные творческие встречи с выплатой гонорара [2, с. 7].

Встретившись в Вологде с поэтессой Нинель Старичковой, дружившей с Рубцовым, С.А. Лагерев получил оригинал данного документа [2, с. 6, 7]. По воспоминаниям коллеги К.Я. Лагунова Николая Денисова, известно об ответном письме поэта (от 12.11.1969 г.), который сообщал: «Дорогой Константин Лагунов! Я получил Ваше письмо... Благодарен Вам за это предложение и отвечаю на него полным согласием. (...) Сердечный привет тюменским писателям и поэтам!» [Цит. по 2, с. 8].

О согласии Рубцова на приезд, по сведениям Н.В. Денисова, массовый читатель узнал лишь спустя много лет. 15.05.2004 года текст его опубликовала газета «Тюменские известия». На сегодняшний день неясно, где может храниться это письмо. Неясны и причины, почему Рубцов не поехал

в Тюмень [2, с. 6, 8–9]. Остаётся предполагать, какие изменения могли произойти в развитии литературы Тюменского Севера конца 1960-х гг., а возможно и в жизни самого поэта, если бы он посетил наш край. Сколько людей из писательской и журналистской среды привлёк бы его визит в Сибирь, сколько новых друзей он мог приобрести здесь... Ведь участниками и гостями таких встреч были не только лучшие писатели союзных республик, но и их коллеги из стран социалистической Европы [3, с. 13].

Раскрывая столь редкие факты, С.А. Лагерев значительно расширяет наши знания о Рубцове и восприятии его творчества в разных концах нашей страны, в частности, в западно-сибирском регионе. Поддержу мнение Сергея Алексеевича, который, развивая мысль Николая Коняева, пишет: сегодня именем Рубцова мы не только будем узнавать друг друга, но и не смотря на непростое время, **узнаём!** [*шрифт выделен мной* – Е.М.; 2, с. 5].

На самом деле Н.М. Рубцов сближает! Его творческое наследие помогает нам узнавать и открывать самих себя, природу человеческой души, а с этим лучше понимать отечественную историю и культуру. Яркий пример того – автор. Его знакомству и последующей дружбе с сургутским поэтом П.А. Сухановым способствовал общий интерес к творчеству Н.М. Рубцова [2, с. 70].

В своём очерке о П.А. Суханове С.А. Лагерев приводит его стихотворение, посвящённое Рубцову [2, с. 72, 73], и характеризует несколько фактов жизни, связанных с ним.

Оказывается, П.А. Суханов, будучи в Москве, на заочной сессии Литинститута, некоторое время «занимал ту же комнату в общежитии на улице Добролюбова, где ...жил и Рубцов» [2, с. 70]. Также он был «одним из тех, кто организовал первый Рубцовский вечер» в Югре, состоявшийся в 1986 году в Новой Фёдоровке под Сургутом [2, с. 70]. Снимок с данного мероприятия можно найти в приложении [2, с. 128].

Не менее примечателен следующий факт. В 1997 году на своём творческом вечере Пётр Антонович попросил Сергея Алексеевича прочесть стихотворение Н.М. Рубцова «Стихи из дома гонят нас...», но концовку его с особым, торжественным чувством «произнёс на весь зал сам» [2, с. 70].

Это были строки:

*Вот так Поэзия, она
Звонит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унижит
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё... [Цит. по.: 2, с. 70].*

Задаюсь вопросом: в чём мотивы такого публичного, открытого отношения П.А. Суханова к творчеству Н.М. Рубцова? Ведь он мог ограничиться только приветственными словами в адрес своего друга С.А. Лагерева, не читая стихи Рубцова.

Опираясь на вышеуказанные примеры из жизни П.А. Суханова, на анализ его творчества, предположу, что это внимание неслучайно. Оно является следствием наличия рубцовских тем и мотивов в его поэзии. По всей видимости, в основных идеях и концептах (время, природа, Родина, мир, человек) поэтика Н.М. Рубцова вполне могла явиться основой развития гражданской и духовной лирики П.А. Суханова. И как Н.М. Рубцов своей книгой «продолжил книгу Тютчева и Фета», П.А. Суханов продолжил книгу Рубцова.

В 2020 году, после открытия Рубцовского центра, сургутской администрации на основании решений городской комиссии по топонимике муниципальным библиотекам № 21 и № 3 присвоены имена Н.М. Рубцова и П.А. Суханова соответственно. Так, по словам С.А. Лагерёва, «поэты... встретились в культурном пространстве Сургута» [2, с. 72].

Сегодня за Уралом живёт человек, который больше 35 лет изучает жизнь и творчество Н.М. Рубцова. Созданный на основе коллекции С.А. Лагерёва Рубцовский центр в Сургуте – пока единственный в Сибирском регионе важнейший результат сделанной им кропотливой работы. Уверен: от встречи к встрече состав его участников будет только расти.

«Моё слово верное прозвонит!..» Эта рубцовская строка оказалась пророческой. На взгляд поэтессы Д.Е. Кан (см. раздел «Слово о поэте»), Рубцов «объединяет всех нас, таких разных и таких равных перед лицом его животворящего слова – детишек и пенсионеров, верующих и атеистов, мужчин и женщин, горожан и сельчан, северян и южан. Он великий фактор нашего осознания себя единым нерасторжимым целым в то время, когда это осознание особенно нужно России» [2, с. 92]. По указанию Г.Н. Красникова, «истинность и значимость поэзии Николая Рубцова именно в единстве с национальной культурой, которая даёт художнику широту и глубину взгляда на современность и тем самым включает его творчество в контекст отечественной истории» [там же].

В подтверждение этих высказываний добавлю мнение И.Г. Пановой, составителя сборника стихов, посвящённых Н.М. Рубцову – «Незакатная наша звезда» (1998): «Давно уже ...Рубцов из местного, областного (вологодского, архангелогородского, военно-морского) поэта превратился в общерусского, национального». (...) «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Мы часто убеждаемся в справедливости этих тютчевских слов» [4, с. 6].

В год выхода книги «Светлая печаль» исполнилось 85 лет со дня рождения Рубцова и 50 лет со дня смерти. Много это или мало для человека, оставившего глубокий след в нашей культуре? С годами творчество и личность его открывают нам всё новые грани.

«Сохраняя память об удивительном человеке и поэте, мы тем самым прикасаемся к своему изначальному, сокровенному – любви к Родине, и даже больше – ко всему живому на земле» [6, с. 11].

Убеждён, новая книга С.А. Лагерёва «Светлая печаль» легла полезным, добрым зерном в почву, набирающего силу поля литературного краеведения в Зауралье и Сибири. В ближайшее время оно даст свои благодатные всходы и привлечёт к творчеству Рубцова новых читателей.

Как писал Гёте, «нет гения без длительного и посмертного действия».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Венок Рубцову: сборник / Сост. С.А. Лагерёв, С.А. Сорокин. – Сургут: Союз журналистов г. Сургута, 2001. – 154 с.*

2. *Лагерёв С.А. Светлая печаль. – Сургут: «Библиографика», 2021. – 136 с.*

3. *Лагунов К.Я. Введение // Он же. Портреты без ретуши / Отв. ред. А.С. Шилова. – Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. – с. 3 – 21; (192 с).*

4. *Панова И.Г. Пред вечным миром чистоты // Незакатная наша звезда / Сост. И. Панова. – М.: Русский вестник, 1998. – с. 4 – 19; (112 с.)*

5. *Большую ценность имеют следующие слова: «Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти – всех мёртвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своём значении и делается ещё более*

незаменимой ничем. Если бы наша литература исполнила эту свою службу, она бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым ещё только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость». См.: Платонов А.П. Из записной книжки // <http://www.uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/platonov/zap-gaz-let.htm> [материал приводится по изданию: Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост. Н.В. Корниенко; публ. М.А. Платоновой. – М.: Наследие, 2000]; дата просмотра: 02.04.2022.

6. Фатеев Д.Н. Николай Рубцов (1936–1971) // Николай Рубцов. Стихи. / Вступ. ст., подг. текста и комм. Д.Н. Фатеева. – М.: Издательство «Святигор-Пресс», «Юнивер-Интер», 2005. – с. 5–11.

Рубцовской лирике

Я вновь
стихи его беру.
Певца –
лирическое Слово.
Чтобы
довериться перу –
Поэзии
великого Рубцова.

Читаю долго.
Ночью. Поутру.
И с нею
обретаю снова
Всё, что мне по сердцу.
И по нутру –
Что духа русского основа.

Здесь чувства к Родине
с природою сплелись.
И тишь её. Покой.
И благодать...

В душе моей
смятенной разлились –
И я испытываю радость.

Страницы книги
не спеша
С любовью трепетной
листая,
Я сделал верный
к сердцу шаг –
Деревню,
детство вспоминая...

Рубцов
раскрыл нам глубину.
И опыта, –
традицию столетий, –
Основ
святую старину,
вернул
на отчие подклети.

«Он много в жизни претерпел...»

(О Рубцове, 1936–1971)

Он много в жизни
претерпел.
Он много в жизни той
умел.
Он был застенчив,
добр, и смел.

В пространстве
мысли и души.
На перепутье
слов и дел.
Увидел

цель свою,
предел –
Природы
лирою служить.
За то и жил!
За то радел!
Немало смог.
Немало спел.
Как важно
этим дорожить.
Велик
стихов его задел.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

МИССИЯ АННЫ

Жизненный подвиг ненецкой писательницы Анны Неркаги

Она знает свою миссию.

Человек – подтверждение Бога. Ты веришь – Бог есть. Бог в тебе – это твоё божественное и житейское предназначение.

Бог – творец человечества, но человек – штучное произведение Творца, штучное создание. Бог потрудился над каждым из нас. Каждый из нас – единственная формулировка Господа, единственное предназначение, единственное благословение.

Я произношу всё это, имея в виду Анну Павловну Неркаги. Каждый из нас рождается со своей миссией. Жизнь дается ему, чтобы он эту миссию исполнил. Осуществил.

Многие, уже прожив свою – скучную или бурную – жизнь, так и не осознают, зачем они приходили в этот мир и сделали ли что-то по собственному божественному предназначению.

Анна осознает, зачем Бог призвал в эту жизнь именно ее. Более того, остро осознала, что она – специальный проект Бога. Именно она обязана сообщить человечеству, что Спаситель придет с Севера, а она у себя в родной Байдарацкой тундре должна подготовить место встречи – пришествия Спасителя. Спаситель придет только туда, где его ждут и любят.

30 лет назад талантливая писательница-ненька Анна Неркаги, вернувшись в родной чум старого Себеруя, собрала всех сирот Байдарацкой тундры (их оказалось ровно 12) и объявила им:

– Вы – мои дети.

Анна создала на фактории Лаборовой семейный детский сад, семейную школу, организовала поблизости на озере Тейнто в предгорьях Полярного Урала летний детский лагерь «Земля Надежды».

Что такое Армагеддон?

В ее родном ненецком языке есть словосочетание **Нгармахадана тон.**

Когда ты возрос – ты пришел.

Услышали? Армагеддон – земля Спасения.

Она готовит землю Спасения – в душах своих детей, в душах своих соплеменников-современников. Год за годом, уже второй век, второе тысячелетие Анна Павловна собирает у себя байдарацких детей – полных сирот, брошенных, неблагополучных, неустроенных, проблемных. Её приёмная семья за эти годы – почти сотня тундровых девочек и мальчиков. Ведь семья, если даже не вся в сборе – всегда вместе. Сколько, сколько? Детей не считают.

Этношкола Анны Неркаги – первая в стране Россия авторская школа – школа северной жизни. Жизни в современном мире, но в традиции житейского обучения и жизненного опыта родного места и родного народа. Неркаги не смирилась с тем, что её не шибко большой народ покорно, тихо и скромно уйдет с исторической сцены. Нет, она не борется с наступающим глобальным миром утраты всего человеческого и национального, она делает всё, чтобы ее великому отважному народу – арктическому авангарду человечества – нашлось достойное место и действие, участь и занятие.

Сегодня. Завтра. Всегда.

Её родной ненецкий – как и всякий северный малочисленный народ – уже так много потерял, что больше ему терять нечего. Только – жить! Жить радостно, деятельно и счастливо. Ведь для этого у ненцев автономного Ямала есть всё – ягельная тундра, олени, рыбные реки и озера, горы, незаходящее полярное солнце, мудрые отважные предки и главное – родная страна Россия. Родная заботливая Россия – сад народов.

У нее на озере Тейнто в голой тундре вы увидите и первую ее простенькую церквушку во имя Святой Троицы и великолепный рубленый из лиственницы собор Архангела Михаила. Не дождавшись ее приезда в Москву за орденом Андрея Первозванного, Патриарх всея Руси Кирилл сам приехал помолиться в храме Анны. Может, почувствовал, откуда придет Спаситель.

Создав, написав повести «Анико из рода Ного», «Илир», «Белый ягель», Апокалипсис XX века – роман «Молчащий», Анна надолго замолчала. Казалось – навсегда.

Но нет. Тот Кто, как она признается, Тот Кто стоит за ее спиной, когда она пишет, помог создать ей шедевр русской письменности, шедевр отечественной словесности «Мудрые изречения ненецкого народа».

Подчеркну: эта книга двуязычна, но это шедевр – русской словесности. Она издала «Мудрые мысли» за свой счёт – денег хватило на 30 экземпляров.

Сегодня она заканчивает «Легенды и предания родной земли» – эпос ямальских ненцев.

Она перенесла немало трагедий, но пожалуй, самая страшная из них, когда в «лихие девяностые» весь тираж ее великого романа «Молчащий» оказался на салехардской помойке и был сожжён.

Конечно, государство, власти Ямала, губернаторы Юрий Неёлов, Дмитрий Кобылкин, Дмитрий Артюхов, названный брат, лидер «Ямал-трансстроя» Игорь Нак, ей системно помогали и помогают. Но основные деньги на жизнь ее большая семья, семья Большой Мамы зарабатывает сама. Её семейное фермерское хозяйство «Надежда» первым на просторах полярной Сибири начало осуществлять национальную Президентскую программу развития внутреннего и международного туризма. Наверное, пока на Крайний Полярный Урал идут за арктической экзотикой, но уже часто, как когда-то к всемирной матери Терезе – к ней, Большой Маме Байдарацкой тундры.

Творец по натуре, Анна оказалась велика не только в литературе (она нобелевский номинант), но и в творчестве жизни, и своей, личностной, и в творчестве жизни своего родного народа.

Я – здоровый и скорее очень приземленный человек, давно знаю Аню, Анну, Анну Павловну, но сдаётся, явственно вижу трансформацию, как Большая Мама переходит в ипостась тундрового пророка. Всё, что я от неё слышу сегодня, говорится с подлинной страстью современного пророка.

Как-то недавно мне задали вопрос:

– Есть ли еще кто-то в родных пределах, на нашей земле кто-то масштаба Анны?

Я помороковал, честно задумался, огляделся окрест и понял:

Нет. Нет встречал. Не видно.

Нам, современникам, если мы даже не заблуждаемся, не всегда дано понять масштаб личности ближнего современника по человечеству.

Лично я счастлив быть современником нашей замечательной землячки, соотечественницы, великой подвижницы Анны Павловны Неркаги, которая вот уже 70 лет достойно исполняет предназначённое ей – в трудах и вдохновении нелегкой северной жизни арктического бытия.

Своей жизнью она даёт исчерпывающий ответ на вопрос, который задаёт себе всякое мыслящее существо: что делать?

– Делать предназначённое.

Придёт время, понятно, не короткое и, дай Бог, кому-то придётся писать «Житие святой Анны».

Полагаю, это наброски, тезисы к ее полному житию.

Станислав ЛОМАКИН

РУССКИЙ ЯЗЫК – ДУХОВНАЯ КОЛЫБЕЛЬ РОССИИ

История русского языка – это всеобъемлющая непостижимая тайна. Язык является духовной основой России, великой ее культуры, которая открывает черты русского мышления, сущность нации в той же степени, что и православная вера. Вера является не интеллектуальным актом, а образом жизни миллионов людей, и трудно представить жизнь человека вне культуры и веры. Язык, элемент культуры, выступает как хранилище событий, произошедших на разных этапах развития общества. Он отражает образ жизни этноса, его психологию, верования, систему ценностей, передаваемые через культуру поведения людей. Отечественные лингвисты озабочены понятийным вырождением, засорением, мутацией русского языка. Социологические исследования показывают, что число говорящих на русском языке в мире за последние 20 лет сократилось почти на 100 млн человек.

В нашей Конституции русский язык является языком государствообразующего народа. Русофобские режимы в государствах Прибалтики и на Украине запрещают учиться, вести бизнес и даже разговаривать на русском языке. Демографы констатируют: с начала 1990-х до настоящего времени общее число русских на планете сократилось на 20 миллионов.

Бросим ретроспективный взгляд на развитие истории русского языка. Солунские братья Кирилл и Мефодий создавали славянскую письменность не на пустом месте. Многие ученые-слависты полагают, что за век до крещения Руси исчезли многочисленные рукописи, говорящие о том, что в дохристианский период на Руси существовала письменность. Некоторые ученые утверждают, будто письменное наследие было сознательно уничтожено, чтобы будущие потомки не знали корней своей национальной культуры. Польский ученый Фадей Воланский утверждал, что славяне имели письменность еще до греков и римлян.

Но это лишь суждение ученых, не основанное на исторических фактах, а вот что касается существования письменности у руссов до кириллицы, то академики А.А. Шахматов, Б.А. Рыбаков высказывали мнение, что до христианства и в первые его века на Руси существовало несколько видов письма, и глаголица была последним из них. Эти ученые не одиноки в своих убеждениях. Археологические исследования подтверждают: в поселениях Черняховской культуры на Днепре (III–V века н.э.) на найденных глиняных сосудах и пряслицах были обнаружены рунические надписи.

Обращу внимание читателя на два исторических факта. Первое свидетельство «Паннонского жития Константина философа», согласно которому создатель кириллицы Кирилл видел в 860 году в Херсоне (Корсуне) Евангелие и Псалтырь «русскими письменами писано». Есть предположение, что Кирилл и Мефодий при создании славянского алфавита использовали эти древнерусские письма. «А грамоте русская явилася, Богом дана, в Корсуне русину, от нее же научился философ Константин, а оттуда сложив и написав русским языком», – говорится в одной древнерусской летописи. Второй исторический факт связан с имевшим место влиянием русской культуры на Хазарский каганат.

По сведениям арабских ученых, по их источникам, дошедшим до нас, в древней Хазарии пользовались «русским письмом». Данные факты привожу не для того, чтобы умалить роль Кирилла и Мефодия, а лишь затем, чтобы подчеркнуть мысль: из ничего не возникает что-то, всегда есть некая основа, фундамент.

История России раскрывается через языковые понятия, что находит свое выражение в этимологизировании, обнаружении лексической формы слова, в обращении к истории русского языка. Русский как любой язык – непознаваемая до конца, трансцендентная сущность, и он может сказать о себе только сам.

Никакие науки не могут адекватно отразить язык, понять его сущность, она состоит в его выявлении. Поясню на примере строчками волюгодской поэтессы Ольги Фокиной:

*Все прекрасно, ясно, мудро, просто!
Корни – в почве, ветви в синеве,
Стройный стебель – остов – под берестом
Кольца лет вокруг сердца. Лист в траве.*

В этих четырех строчках, на мой взгляд, заключена мудрость, философия жизни, отражающая природный цикл, выявляя закономерность всего живого на земле.

Выявление происходит через индивидуальное самосознание русского человека из исторической языковой сущности. Чтобы уничтожить народ, надо уничтожить его язык, культуру. В начале XX столетия один из русофобов С.С. Юшкевич писал: «Мы должны испортить русский язык... преодолеть Пушкина, объявить мертвым русский быт, словом, заслонить Русь от современности, русский народ от русского общества, свести на нет русскую оригинальность».

Можно вспомнить первого наркома просвещения России А.В. Луначарского, просвещавшего учителей на съездах в духе космополитизма, призывая не преподавать отечественную историю, и не стоит, по его мнению, учителям проявлять «...пристрастие к русскому лицу, русской речи, к русской природе... – иррациональное пристрастие».

Сегодня наши СМИ повторяют то, что вещал А.В. Луначарский почти 80 лет назад. Их пугает введение курса православной культуры, увеличение часов на изучение русского языка и литературы. Подобное отношение противников изучения православной культуры в школе вызывает недоумение у миллионов людей, заставляет задуматься об ограничении прав граждан России, что ведет к национальной и межконфессиональной вражде.

Православная культура на протяжении многовековой истории развития России формировала нравственность, создала духовные основы семьи, оказывала огромное воздействие на все сферы жизни Отечества. Все народы мира в своем развитии испытывали влияние других этносов, других культур, но основа, база была всегда существенной, отличительной, национальной чертой духовной колыбели государствообразующего народа. Именно в духовной колыбели русского народа надо искать социально-экономические истоки культуры и письменности. Православие являлось внутренним организующим национальным началом русской культуры. Нельзя понять национальную культуру без знания русского языка.

Один из величайших энциклопедистов России XIX века, лидер славянофилов Алексей Степанович Хомяков очень точно и объективно, с позиции глубоко верующего православного мыслителя оценивает вклад святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в развитие письменности, великой русской культуры.

*Слава вам, братья, славян просветители!
Церкви славянской святыя отцы,
Слава вам, правды учителя,
Слава вам, грамоты нашей творцы,
Будьте ж славянству звеном единенья,
Братья святыя Мефодий – Кирилл.
Да осенит их дух примирения
Вашей молитвой пред Господом сил!*

Надо нынешним поколениям славянских народов услышать первоучителей православных славян и А. Хомякова. Очень важно сегодня соединить духовную и физическую силу России, Украины, Белоруссии на православной основе при глобальном воздействии Запада и Америки на славянские народы в переустройстве их по западному образцу, не исключая реформирования русского языка.

Наша письменность прошла нелегкий путь в своем развитии. Она связана с идеалом русского человека, его ментальностью, отличною от других народов мира. Необходимо беречь родное слово, как написано в Священном писании: «В начале было Слово. Слово было у Бога. И Слово это – Бог». Слово окружает человека от самого его рождения до последнего часа жизненного пути. И сейчас, когда языковеды-реформаторы собираются провести реформу русского языка, а точнее, упростить его, остается надеяться на его самостоятельное выживание. Русский язык – духовная основа России, идеальное царство, от которого человек и вся наша великая культура вышли.

Несколько лет назад в Государственной Думе принят Закон о языке. Первые впечатления Закона о языке – чувство радости. Наконец-то среди депутатов нашлись радетели русского языка. Может, прекратится мат на заседаниях высшего законодательного органа страны, появится табуированное отношение к ненормативной лексике, засорению иностранными словами родного языка на радио, телевидении, в интернете, в литературе. Пришло время, когда необходимо сбережение русского языка. Сегодняшний беспредел в обществе, беспредел в языке – это расплата за бездуховность, в которой оказалась Россия.

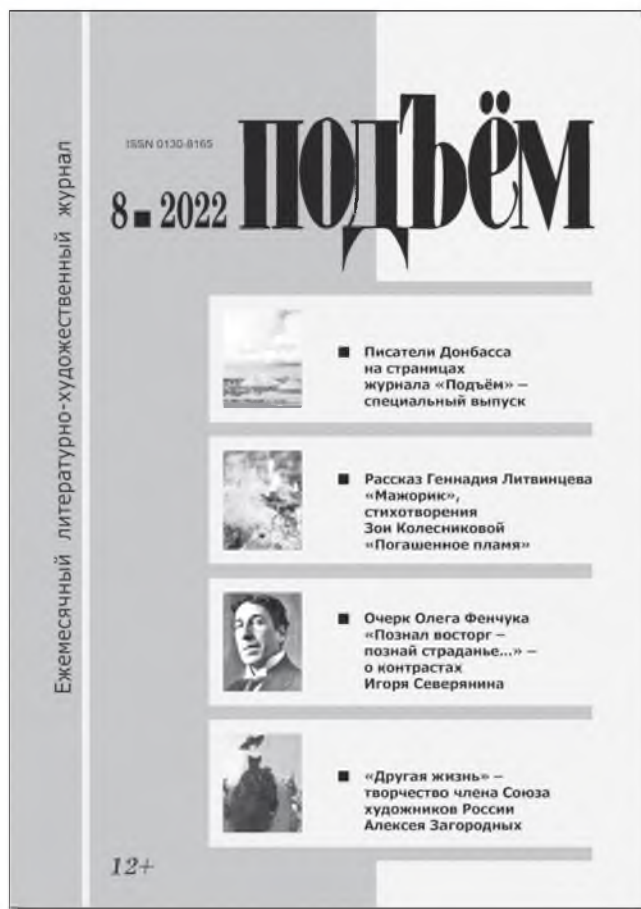
Хочется верить, что русский язык переживет трудные времена, все реформы-эксперименты. Как заметил в свое время поэт Ярослав Смеляков:

*...Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*

У НАС В ГОСТЯХ

*****

Журнал «ПОДЪЁМ» (Воронеж)

Российский ежемесячный литературно-художественный журнал «Подъём» был основан в январе 1931 года.

Бурно развивающаяся культурная жизнь той поры способствовала тому, что на сценах ведущих театров Воронежского региона ставились спектакли, отражающие современную действительность, художники ЦЧО показывали свои работы на выставке в Воронеже, здесь же был открыт музей изобразительного искусства, выходили книги местных писателей».

Журнал «Подъём» выходит до июля 1935 года. Накануне Великой Отечественной войны вместо журнала «Подъём» выходит альманах «Литературный Воронеж», в котором в последующие годы печатаются многие художественные произведения писателей-фронтовиков. Журнал со своим первоначальным названием возвращается к читателю в 1956 году.

С 1957 года «Подъём» приобретает статус всероссийского издания и затем становится одним из органов печати Союза писателей РСФСР

В наше время журнал выходит один раз в месяц тиражом 1000 экземпляров.

География авторов — широкая, в журнале «Подъём» представлены произведения писателей и поэтов Воронежского края, а также творчество литераторов из других областей России.

Иван ЩЁЛОКОВ

УХОДИТ ЭПОХА

* * *

Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трёпанный жизнью сосед-выпивоха
И как деревушка в болотах под Тверью.

Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит и всё! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.

Никто не помашет с порога платочком,
Никто не узнает про дату ухода.
Холодное пиво в тени по глоточку
Хлебают беспечная масса народа.

Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупо дождейкой впитается в землю.

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват –
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в цивильной толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь – не базар, только разницы нет:
Кто продаёт, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к счастливому старту...

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И по пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

Река и речь

Александрю Нестругину

Река разбудит плеском зори.
И эху утреннему в тон,
Перекликаясь, осокори
Рыбачить позовут на Дон.

Не одного, ни с кем придётся,
Не в разобщённости пустой,
А вместе с далью, синью, солнцем
И петушиной хрипотцой.

И в этой страсти пустяковой,
Когда полвека будто с плеч,

Взыграет рябью сквозняковой
Реки живительная речь.

Её чуть слышно над волною,
Стремнин гортанный говорок
Подхватит с лодкой надувною
И отнесёт за поворот.

Под лёгкий шёпот краснотала,
Под журавлиный трубный зов
Не смолкнет речь: в ней нет начала
И нет конца средь голосов.

* * *

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед – партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный – с конницей Будённый,
Белый – Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета пёстр, в былое канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью всплываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться как – не знаю.

* * *

Гадать – привычка скверная,
Загадывать – излишняя...
Давайте будем вербами,
Рябинами да вишнями.

Давайте будем рыбами,
Молчащими и плоскими,
Чтоб страсти не могли бы мы
Сердечные выплёскивать.

Листвой с весны до осени
Шептаться без истерики
У речки ли, у просеки
Или в цивильном скверике...

Наверное, так проще нам
Себя с судьбою сращивать,
Любить в себе всё прошлое,
Ругать всё настоящее...

* * *

Ты скажи мне, какое нам время по вкусу
И бывает ли вкус вообще у времён,
Если люди, подобно болотному гнусу,
Облепляют его изнутри испокон?

Я давно усомнился в своих ощущениях.
От любви – лишь тоска, от восторга – лишь вздох.
Виновато ли время в моих превращениях?
По-другому хотел, но наверно, не смог.

Я себя отдаю на потребу то дням, то годам.
Перемешано всё, и утерян отточенный вкус.
И гуляет луна по отглаженным фалдам гардины,
Будто пробует сердце на новый искус.

И гнусавит по телеку поздний ведущий.
Надрывается в песне любви соловей...
В этом времени кто я – зовущий, поющий
Или просто бредущий дорогой своей?

* * *

Когда-то был я октябрёнком,
Носил на помочах штаны.
Зато желанным рос ребёнком
У мамы, папы и страны.

Когда-то был я пионером –
К добру и помощи готов.
Для малышей служил примером,
Надеждою – для стариков.

Когда-то был я комсомольцем.
Нас юность к подвигам звала.

И верил я, что жизнь даётся
Вершить великие дела.

Когда-то был я коммунистом.
Ум, честь и совесть – всё при мне.
Шагал под знаменем лучистым
С мечтой о счастье и стране.

Когда-то был я тем и этим,
С реальным именем, судьбой.
Теперь я ник в глобальной Сети,
Мне никогда не стать собой.

* * *

Назад обернусь – докучно,
Вперёд загляну – тревожно.
Высокая дремлет тучка,
Ей всё в этом небе можно.

Ей можно дождём пролиться,
А можно и в речку кануть...
В ней прошлое не толпится
Мгновеньями и веками.

В ней будущее туманно,
Как звёздная пыль над дачей...
И кажется очень странным,
Что всё у людей иначе.

* * *

За трепетной гранью
Архивной любви –
Окошко с геранью,
Ладочки твои.

Насквозь пропылились,
Срослись со стеклом...
Мы в нём отразились –
Два неба в одном.

Хожу, не вступаю
Ни в спор, ни в борьбу.

Я знаю, я знаю,
Что память – табу.

У памяти много
Таких же, как я.
Любовь и тревога –
Одна колея.

Покой не нарушу...
Сквозь тонкую грань
Ладочками в душу
Свисает герань.

* * *

Дачный сюжет с виноградной лозой.
Скручены плети дымков от кострища...
Новый сезон открываем с тобой
В круговороте земной колготищи.

Радуюсь людям, галдят воробьи,
Облюбовали корявую грушу.
Что ещё нужно для поздней любви?
Чем оживить зимовавшую душу?

Годы для сердца – не рай и не ад.
Март раздувает от важности ноздри...
Ладим к опорным прутам виноград,
Чтобы продлить себя в солнечной грозди.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ВОРОНЕЖСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРИЗОНТ

В художественном пространстве жизнь литературы и современное российское бытие, к сожалению, в многом перекликаются при помощи отрицательных смыслов. С одной стороны, литература долгое время существовала на правах падчерицы в большом доме государственной политики. С другой – реалии, отраженные в образах прозы и поэзии, свидетельствуют о том, что наше общество страдает, фигурально говоря, острыми недомоганиями. То есть действительность, предстающая перед внутренним взором читателя, не располагает его к спокойствию и уверенности в собственном будущем, а литературные герои либо вызывают сострадание, либо осторожное отчуждение...

Часто вымышленный сюжет напрямую вытекает из видимых предметов и осязаемой конкретики. Но очень важно, чтобы литература, повествуя о вещах жестоких, не теряла собственного достоинства и не забывала о том, что она принадлежит к благородному искусству – изящной словесности; что правда творческого образа не должна убивать читателя, а тяжесть бытия все-таки есть отпечаток непрерывной жизни, в которой горе соседствует с нечаянной радостью.

Облик литературы для каждого географического места таит в себе и некое общее высказывание – и свое, отдельное, сохраняющее характер здешних людей, и особенность их взгляда на мир. Можно определить это последнее как самобытность и бережное отношение к традиции. Притом что традиция – отнюдь не повторение прежних образцов, а бережное развитие некогда заявленного художественного принципа. В таком случае во многом снимаются острые противоречия внутри современного творчества и вспоминаются слова Александра Блока из его пушкинской речи: «Для того чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать».

Воронежскую литературу, словно большую реку, берущую начало в струях чистого ручья, выводят из имен Алексея Кольцова и Ивана Никитина. В их строках и фольклорная полнота народной жизни, и интеллектуальная сокрушенность о тяготах и печальном несовершенстве земного и отечественного миропорядка. Минули исторические эпохи, пришли ранее неслыханные темы, словесность нашего края обрела невиданную прежде интонационную палитру. Однако давние, первичные оттенки воронежской художественной речи не исчезли, но будто растворились в поэтической крови новых творцов. Они подсвечивают их произведения то ярко и узнаваемо, то едва уловимо, когда сопереживание дается читателю постепенно и как бы нечаянно.

Проза Ивана Бунина, принадлежащего Воронежу по праву рождения, и Андрея Платонова, атмосфера произведений которого, кажется, соединилась с самим дыханием чернозема; стихи Осипа Мандельштама, занесенного сюда жестоким ветром судьбы, и строки Анатолия Жигулина, Алексея Прасолова, соприкасающиеся с воронежской почвой... Множество творческих миров составили воронежский литературный горизонт и одновременно оказались своего рода тектонической основой, на которой из драгоценной плодородной земли произрастают сюжеты и поэзия нынешнего рубежа тысячелетий. Вспомнив Гавриила Троеполь-

ского, Владимира Кораблинова, Евгения Люфанова, Николая Задонского, обратим взгляд на своих современников, только недавно отошедших в вечность – Юрия Гончарова и Ивана Евсеенко. Столь не похожие друг на друга по-человечески и как писатели, с течением лет они станут признанными классиками сегодняшней литературы, художественный вес их произведений будет непрекаемым.

Минувшие четверть века дали воронежской словесности многообразие тем и широкую стилистическую палитру, в пору творческой зрелости вступили новые поколения прозаиков и поэтов. Общей издательской площадкой стал журнал «Подъём», на страницах которого встречаются творческие фигуры самых разных убеждений и литературных пристрастий. Но объединяет их искреннее чувство принадлежности к художественной почве нашего края, в каких бы причудливых формах оно ни являлось порой перед читателем. Поклонившись признанным мастерам прошлого и настоящего, взглянемся в шестидесятилетних...

Повести и рассказы Натальи Моловцевой отличает задушевность интонации и любовь к своим героям. Эту прозу по внешним признакам можно назвать женской, однако вопросы и проблемы, которые в ней поднимаются, нельзя вписать в подобное снисходительное определение. Перед нами художник, обладающий замечательной внутренней свободой, но не отрекающийся от своего женского сердца.

Талант Александра Бунеева раскрывается в романах и рассказах, городской мир в его сюжетах приобретает фантазмагорические оттенки. Писатель на редкость точен в характеристиках людей и примет времени, а психологические черты его персонажей убедительны и достоверны.

Виктор Никитин, прозаик и драматург, совмещает реалистическое описание происходящего и гротеск внутреннего смысла событий. Однако при этом городская природа обретает под его пером поразительную яркость и лиризм.

Рассказы Александра Ягодкина показывают читателю истерзанную душу современного человека, которого плотно облекает паутина повседневности мегаполиса. Живое чувство смято холодной реальностью, но сокровенный человек еще жив и способен к собственному возрождению.

Молодые писатели, у которых яркое творческое будущее, – Алексей Ряскин, Ирина Турбина, Сергей и Владимир Черновы, Дмитрий Чугунов – открытие двух областных совещаний молодых литераторов, прошедших в 2008 и 2013 годах в Воронеже после десятилетий равнодушного отношения к судьбам творческой молодежи со стороны властных структур. Сегодня их произведения выдвигаются на соискание Исаевской литературной премии, а также возобновленной премии журнала «Подъём», где одна из номинаций присуждается автору нового поколения прозаиков и поэтов.

В рамках международного Платоновского фестиваля искусств намечена литературная программа с деятельным участием воронежских писателей. Все это медленный, но неуклонный сдвиг социальной политики в России в сторону по-настоящему творческую, когда действительность предстает перед художником как натура, а он не только рисует ее важнейшие черты, но и разгадывает их скрытый смысл, ускользающий от поверхностного взгляда. Лишь в таком взаимодействии, когда художественная мысль принимается во внимание людьми, ответственными за государственные решения, и будет жизнеспособна наша страна и ее культура.

Между тем современная русская поэзия насыщена интуицией будущего. Это всегда отличало отечественную музу, умеющую предугадывать завтрашний день и отчетливо обозначать настоящее в нескольких словах.

Лирические образы Александра Нестругина насыщены переживанием дней минувших и нынешних. Тревога за детей и родную землю, которая достанется им в наследство от отцов, пронизывает его поздние стихотворения.

В строках Валентина Нервина чрезвычайно отчетлив воронежский городской пейзаж. Осеннее настроение, грустная созерцательность объединяют отдельные картины, возникающие перед внутренним взором читателя, и сообщают им сердечную теплоту.

Стихи Ивана Щелокова часто публицистичны, но одновременно в них скрыта печаль. Порой череда внешних событий определяет развитие лирического сюжета, но всегда нравственное вопрошание составляет ядро поэтического высказывания автора.

Сергей Попов видит мир в тесноте предметов, которые его составляют, и мастерски изображает человека двадцать первого столетия, продирающегося сквозь лес цивилизации.

Сергей Луценко, Екатерина Макушина, Эльвира Пархоц, Екатерина Стрельникова – молодые поэты, которые очень скоро будут представлять воронежскую лиру на поэтическом небосклоне страны. Но уже сейчас их творчество привлекает внимание взыскательных читателей, истосковавшихся по живому голосу и юной душе.

История литературы, возросшей на отчей Воронежской земле, богата произведениями национального масштаба, имена писателей и поэтов, чьи корни питает наш чернозем, весомы и уважаемы в творческой среде. Но важно, чтобы зримая реальность существовала не в отрыве от художественного богатства прежних лет, и потому нам так необходимо пунктуальное и объективное литературное краеведение.

Россия всегда считалась литературной страной: художественные образы здесь непостижимо воплощались в действительные события и конкретных людей. Не случайно в конце двадцатого века была высказана глубокая мысль: то, что мы думаем о своей Родине, именно то с ней и произойдет. В этом есть тайная, неизъяснимая до конца духовная истина, уводящая нас от всего низкого и приближающая к недостижимой, кажется, высоте. Хочется верить, что русская литература поможет нашей государственности, и страна наконец-то обретет долгожданное равновесие – закона и справедливости, искусства и красоты, гуманизма и добра, разума и правды, потому что все иное не приближает нас к свету и разрушает сокровенный смысл нашего существования.

Геннадий ПЕТРЕНКО

НА БЕРЕГУ

* * *

Пора непрошенных дождей
И хмурых туч на небе тёмном...
Листва высоких тополей
Крепка к ветрам неугомонным.

За лето солнце обожгло
Простор земли – и спит устало,
По-детски сохранив тепло
Под ярко-звёздным покрывалом.

Я здесь, как дождь – незванный гость.
Но отражает лужа тело –
И рад: увидеть довелось
Надежды луч на свете белом.

* * *

Моя весна уж на ладони
Разливом беспокойных вод,
Как растревоженные кони,
Несёт по Дону хрупкий лёд.

Его прощальное мгновенье
Хоть возвышает на дыбы,

Но всё же бьётся в наводненье
О телеграфные столбы...

Душа хранить не перестанет
Картину Родины глухой,
В нагрудном унесу кармане
Любовь к земле моей домой.

* * *

Вода приземисто входила в берега
Моей почти что незаметной речки.
И обнажались чистые луга,
Теряя луж блестящие колечки.

Но скоро тот заветренный поток
Заветными исполнится мечтами:
Над речкой перекошенный мосток
Траву примнёт под детскими ногами.

* * *

Высветил месяц высь: Небо темнее сна, Звёзды перевелись... Хоть бы взошла одна!	Тихий собачий вой Путнику сбил следы. Но среди всех тревог Месяц осветит путь, Месяц – он тоже Бог, Если с земли взглянуть.
--	--

На берегу

Прошлогодний камыш
скошен намертво режущим ветром,
из уложенных стрел –
горы мусора на берегу...

Что же нового здесь,
в позабытом краю неприметном,
в зеленеющих тропах
на просторном весеннем лугу?

Те же воды текут
и впадают в моря-океаны,
то же солнце вверху
греет спины проснувшихся рыб.

И в низины заходят,
облаками движимы, туманы –
мимо белых берёз
к старым ивам в затонный изгиб.

А крапива ещё
ниже маленьких сочных травинок,
тянет вверх бахрому,
пелену нежным листьям прядёт...

Но свидетель дорог,
шаткий мост из дубовых жердинок,
растревоженно скрипнет –
и в сердце печаль снизойдёт.

* * *

Мой дом на восьми ветрах, Мой дом – перехват снегов, Хранит теплоты очаг И строчки моих стихов.	И белых лугов печаль, И звоны колоколов. Внизу – Осередь-река, Весенней воды простор, И лучик надежд, слегка Сокрытый вершиной гор.
--	--

* * *

Зажав узлом четыре уха,
Я в тряпке осень унесу.
Рыжеволосая старуха
Ещё не сбросила красу.

Плащом помахивает рваным,
Заплаты дождь к асфальту бьёт,
Но в продырявленном кармане
Не удержать Вселенной ход.

И я сменю четыре уха
На одноногий инструмент,
Чтоб белоснежные краюхи
Сгребать до новых перемен.

* * *

Чужая ты, чужой и я,
Чужие оба мы на свете.
Когда-то были мы друзья
И пел нам в поле тёплый ветер.

Чужое облако вдали,
Твои чужие занавески.

Чужая пядь твоей земли –
То огородные отрезки.

И пёс чужой чужую кость
Грызет в чужой теперь глубинке...
А помнишь: нам ведь довелось
И чаши пить по половинке.

* * *

Обнажились вороньи жилища
И нависли на голых суках,
А жильцы пропитание ищут
На раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им воля-раздолье,
На дорожных густых полосах
Гулы ветра пронзительной болью
Обвивают тропинки в лесах.

Всё одно – темноватая осень,
Чёрствый след, и парит вороньё.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твоё?..».

* * *

Высоким уровнем воды
Поднята гладь на тихой речке,
Деревьев стройные ряды
В моём затопленном местечке.

От ветра голову пригну –
А он от края и до края

Взбивает пенную волну
И в берега её толкает.

Раздольем здесь весна полна
И половодьем бесконечным,
И потому волна вольна
Запечатлеть себя навечно.

* * *

Месяц выгнулся подковой,
Пяткой встал на пьедестал –
Над макушкой сосновой,
На вершину белых скал.

Между небом и землёю,
Над звериною тропой,
Над моею головою
И раскрытою душой.

Небо мыслить помогало,
Не упасть в немую грусть
И под звездным одеялом
Видеть праведную Русь.

* * *

Первый снег, морозом скованный,
Хруст капустный под ступнёй,
Тёмный омут заколдованный
Под замёрзшею рекой.

Вот в саду просторном яблоня
Держит жухлую листву...
Торжествуешь ли ты, зяблая,
Или плачешь в синеву?

А под небом тропка свежая
От заветренных ворот
Вдаль уходит, непроезжая,
До неведомых широт.

Наталья МОЛОВЦЕВА

БЕЛЫ СНЕГИ ВЫПАДАЛИ...

Рассказ

Ты куда ушел, отец?

Земля уже поспела, просохла от весенних дождей – вот-вот возьмет-ся корочкой. Надо копать. Надо бросать в нее семена. Ты сколько жил, столько и делал это.

А теперь?..

Ты зачем ушел, отец?..

Мы, дети, думали, что тебе не будет конца. Как полю, на котором ты работал (за полем ведь – новое поле). Как небу – сколько не идешь, сколько не едешь – оно все равно над головой. Как времени, отмеряемому часами-ходиками: дошли до цифры 12 – и снова начинают свой круг.

Когда мы однажды увидели тебя сидящим на кровати (ноги уже от-казывались ходить), с бородой, отросшей до груди (бриться было уже тяжело, и ты махнул рукой: «Пускай растет; буду как настоящий дед»), мы несказанно удивились: а ведь дедом-то ты еще и не был...

Был пахарем. Был сеятелем. Убирал на комбайне колхозный урожай. Плотником был. Истопником. Господи, да кем только не был, какой только работы не переделал за долгую жизнь!

А вот чтобы по-стариковски праздно сидеть на кровати – таким мы тебя еще не видели.

Дольше всех к этому не мог привыкнуть сын. Названивая из Москвы и пережидая долгие гудки, он говорил потом: «Ты чего так долго не под-ходил к телефону?». Сын никак не мог понять, что путь до буфета, на котором стоял телефон, для отца теперь целое путешествие: сначала надо, держась за стену, добраться до холодильника, потом – до стола, стараясь ступить до него одним шагом, чтобы быстрее оказалась под рукой новая опора; ну а потом уж и до буфета недалеко...

Мы, дочери, все это уже видели и знали, и поняли, насколько это огор-чительно прежде всего для самого отца. Потому и поспешили сказать: «Дедом-то ты еще и не был – некогда было. Вот и побудь им!».

Но и тогда, после этих слов, казалось нам, что конца тебе все равно не будет. Ну не станешь работать – так и пора отдохнуть. Главное – ты ЕСТЬ, а нам большего и не надо: работать пришел наш черед. А ты вот сиди на кровати, и мы будем знать, что все самое главное в мире – на своем месте. И значит, можно спокойно жить дальше.

Только ТАМ, наверху, распорядились по-другому...

Одно из самых первых моих воспоминаний: зима, ночь. Мы едем из Верхней Ладки – из гостей – домой. Помню себя сидящей на санях-роз-вальнях. С кем? С мамой, конечно, в гости мы ездили к ее родителям. Наверное, с нами была и сестра (если разница в нашем возрасте – три года, а я уже п о м н и л а, значит, мне шесть, может быть, семь лет). Мы сидим в санях на соломе, а папка идет рядом, с вожжами в руках. Идет и во все горло поет-распевает:

*Еду, еду, еду к не-е-й,
Еду к Любушке сво-е-й...*

Мне нисколько не страшно, но у мамы на этот счет (насчет ситуации, в которой мы находимся) своя точка зрения:

– Садись в сани! Да правь скорей! Поморозим ребятишек-то...

Я еще мало что понимаю в отношениях родителей; я только чувствую, что папке хорошо, вольно, душа у него поет... но и мама, наверное, права: ночь, мороз за щеки кусает, а до дома еще далеко...

Много времени спустя я спрошу ее:

– А помнишь – мы в Верхоладку ездили? Возвращались ночью, на лошади. Папка еще всю дорогу песни распевал...

Мама всерьез задумалась. И так же серьезно ответила:

– Да разве мы мало ездили? А раз пел – значит, пьяный был. Всю жизнь, считай, пропил...

Нет, не хочу пока об этом. Вот о чем хочу, так это – о сказках.

Помню папкины сказки до сих пор. Сказки и голос, каким он их рассказывал. А как не помнить, если рассказывались они сначала мне, вслед за мной – через три года – сестре, а следом за ней – через восемь лет – брату. Вот эти, рассказываемые брату, помню особенно явственно. Слово «сказка» он еще не выговаривал и потому просил так: «Казу! Казу!» И начиналась «каза».

«Жила-была коза. И было у нее семеро козлят. Уходила коза в лес за молоком, а козляткам наказывала: никого не пускайте! Только уйдет коза, а волк тут как тут: «Козлепяташки, ребяташки, отворитесь, отомкнитесь»...

Я не знаю, почему папка вместо «козлятушки» говорил «козлепяташки», но слово это нам очень нравилось. А уж когда он начинал говорить за волка – сначала толстым, а потом, после того, как его язык подковал кузнец, тоненьким голоском... Не знаю, рассказывал ли кто еще в нашем селе сказки детям именно так, как наш папка. Он сам как бы становился незримым участником действия, каждый поворот которого обозначал особой, соответствующей ему интонацией. «А один, самый маленький, в печурку спрятался», – тут была и соответствующая моменту таинственность, и радость за находчивого маленького козленочка: смотрите-ка, не растерялся! И намек нам: мотайте, мол, себе на ус...

Для нас, до той поры в театре еще не бывавших, это был самый настоящий театр; мы слушали папку, забыв обо всем на свете. И что с того, что мне было уже за десять, а брату шел только третий год? Едва сказка заканчивалась, он, к радости сестер, опять начинал требовать: «Казу! Казу!».

И папка начинал новую, чаще всего – как старик ездил на базар за рыбой. «Вот один раз говорит старик старухе: «Напеки-ка мне, старуха, блинов»... Мы слушали и понимали: старик и старуха были всегда, и всегда старуха пекла блины, чтобы накормить старика, ублажить его перед тем, как он отправится на важное дело, – она этими блинами прибавит ему сил, заставит помнить о доме, о ней самой. Разве случайно старик, увидев на дороге лису, тут же решил: славная будет старухе шуба?!».

Еще мы слушали про курочку Рябу. Опять – старик и старуха, опять все знакомо и одновременно волшебным образом преображено, высвечено и дополнено папкиным голосом!

Мы были бы, наверное, счастливыми детьми на свете, если бы...

Я не знаю, почему между мужчинами и женщинами в нашем селе шла вечная война. И это не преувеличение. Единственным отличием от всякой другой войны было то, что те шли между государствами, а эта – между

супругами. Людьями, которые, кажется, должны и обязаны были жить в мире – к этому обязывало все: вековечный опыт жизни многих предшествующих поколений, наказания родителей, собственное разумение наконец.

Куда там!

Война в каждой семье шла особая. Кого-то муж просто гонял (материл, крушил мебель, выгонял на улицу, хотя бы и в ночь, жену и детей), кого-то еще и бил. Отец моей подружки Даши жену и гонял, и бил. Вот почему, завидев его, возвращающегося домой пьяным, она в ужасе бежала к матери – бабе Фросе, и та прятала ее в подполе. А как иначе? Суровый муж придет, учинит допрос, проглядит все углы. Как он не догадывался заглянуть в подпол – загадка; видно, не думал, что баба по доброй воле полезет в вечно холодное и сырое место, и не на минутку, не на полчаса, а пока муж не находится по селу в ее поисках, не истратит на них последние оставшиеся от попойки силы и не утомится наконец, завалившись спать. В конце концов дядя Сеня догонял тетю Тоню до того, что та заболела на нервной (а какой же еще?) почве. Муж повез жену по больницам. Возвращаясь, удивленно рассказывал мужикам: «Другим электрической расческой проведут по голове – отваливаются спать, как мухи. А моей хоть бы что – не спит и не спит»...

Закончилось все тем, что тетя Тоня выпила пузырек снотворного. Теперь она спала уже без просыпу, никто и никак добудиться ее не мог. Помню, мы стояли вокруг ее кровати (я, моя ровесница подружка Даша, два ее младших брата и баба Фрося) и смотрели, как мучительно тяжело – шумно, с хрипом – дышит тетя Тоня. Вдруг баба Фрося взяла меня за рукав и вывела в сени. Здесь она сунула в мою руку листочек бумаги и шепотом приказала: «Читай». Я поднесла листочек к глазам. Тети Тониной рукой там было написано: «Дети, простите, я больше не могу терпеть»...

Тетю Тоню увезли в больницу, а через несколько дней понесли на кладбище. «Мам, не ходи туда, не ходи!» – всю дорогу до могил кричал младший Дашин брат Вовка...

Наш папка был «гоняющим». Руку на маму не поднимал, но матерился так, что по нашим спинам пробегал холодный ужас, и посуду пошвыривал так резко, что сердце разбивалось о стенку вместе с ней. Однажды собрал всю нашу одежду и бросил в печь: «Сожгу на ...! Сам заработал – сам сожгу!»...

Долго выдерживать все это не хватало сил, и мы, дети, сами бежали из дома, скрываясь или у бабушки, или у папкиной сестры; один раз ночевали в правлении колхоза – на столах, потому что стояла лютая зима, и на полу было немногим теплее, чем на улице...

Только однажды папка поднял руку на маму, да и то «опосредствованно» – тяжелая, не знаю уж какими бумагами набитая папка полетела в мамин живот, в котором уже давно жила и просилась наружу наша новая сестренка. Скоро она и родилась, и каждый день жизни был для нее мукой: Мариночка (так мы называли ее) ни с того ни с сего вдруг синела и начинала задыхаться, откидывая голову назад... Когда она через несколько недель умерла, я услышала от маминой сестры слова, показавшиеся мне тогда странными и страшными: «Слава Богу, отмучилась!»...

Вот тогда-то я и написала письмо в «Пионерскую правду» (думаю, училась уже классе в пятом-шестом): «Помогите, наш отец издевается над нами как палач»...

Через какое-то время в дом зашел городского вида мужчина – в костюме, при галстуке:

– Вы писали письмо в газету?

Я гладила белье; от страха, застенчивости перед незнакомцем, взрослого «вы», так и не прекратив своего занятия, тихо прошептала:

– Писала.

– Да перестаньте вы гладить. Расскажите подробнее. Он что – всегда только пьет? Или еще и на работу ходит?

Тут я растерялась еще больше: конечно, ходит на работу. Только разве это оправдание всему тому ужасу, в котором мы живем? И как об Э Т О М можно рассказать подробнее? Об Э Т О М вообще невозможно рассказать; об Э Т О М можно только написать, да и то – от себя украдкой...

Ничего от меня не добившись, незнакомец ушел. А чуть позже меня вызвали в правление колхоза. Говорил со мной (опять как со взрослой, только уже без наводящего страх «вы») сам председатель колхоза, Владимир Алексеевич Наумов. Его авторитет не только в селе, но и в районе, и во всей нашей маленькой республике был таким, что школьники в сочинениях о будущей профессии писали: «Хочу стать Наумовым». От такого умного, пронизательного, всеми уважаемого человека я ждала П О Н И М А Н И Я. И вдруг услышала:

– Ты уверена, что ты права? Ты уверена, что поступила правильно?

Сердцу от таких слов стало холодно. Где-то внутри встрепенулось: «Как же не права, если написала чистую П Р А В Д У» ?

Владимир Алексеевич между тем продолжал:

– Ты еще маленькая. Ты многого еще не можешь понять. Поверь мне на слово: когда вырастешь, на многое станешь смотреть по-другому.

Вместо понимания и сочувствия – какие-то общие, ничего не значащие, не обещающие помощи и поддержки слова – так мне тогда показалось...

И я ушла от всеми уважаемого Наумова не просто разочарованная – убитая и огорченная. И долго жила с одной только мыслью: скорее окончить школу – и из дома. Как можно дальше...

Когда, в какое время, в каком возрасте стало зарождаться и крепнуть чувство, что все не так просто, как я написала в том письме? А может, это чувство жило во мне всегда, только я ему не доверяла?

Помню, папка меня, дошкольницу, за что-то отшлепал. Я так обиделась! Спустя время иду на улицу, а он копает землю на огороде. Иду и чувствую, что он на меня поглядывает. Ему меня жалко. Я все это понимаю без слов. Но мне-то нужны слова! Без слов и я понимаю, чувствую, что и мне его тоже почему-то жалко. Вон он – стоит, смотрит, может быть, ждет, что я подойду, повернусь хотя бы... Ну уж нет! Умные люди говорят, что руку на детей поднимать нельзя. А раз поднял (мне нисколечко было не больно, но так обидно!), значит, пусть мучится, пусть страдает... Да, но почему же мне его Т А К жалко? Мало того, я чувствую, что я его... люблю...

Еще помню: мы от папки ушли. Мама сказала: хватит! Ушли и стали жить на квартире, в соседнем селе, где мама работала в школе. Очень скоро она поняла, однако, что на ее зарплату нам не просуществовать, и скрепя сердце вернулась домой, к обидчику-мужу. Сколько мне было тогда лет? Наверное, я все еще не ходила в школу. Иначе почему тогда папка взял меня на руки, как маленькую? Взял, прижал к себе, и я увидела на его глазах... слезы. И услышала слова: «Как она могла... как она могла...».

Папка плакал, я тоже плакала... И так хорошо было у него на руках! И я опять его... любила!

Хотя пить он не бросил, нет! Иначе я никогда не написала бы того ужасного письма. В том-то и дело, что все в доме опять пошло по-

прежнему, и я подумала: вот напишу, и придет кто-то умный, и поговорит с ним, и он сразу переменится и станет другим. Станет жить п р а в и л ь н о – так, как живут герои книг, которые я читала, герои фильмов, которые я смотрела.

Но ни мой папка, ни отцы моих подружек правильно жить не तोпились. Были какими были: с черными от работы руками, пьющие, матерящиеся. Вот такие-то – нам и в голову не могло прийти – что они когда-то там воевали. Вернее, так: мы знали, что наши отцы были на войне, но чтобы они совершили там что-то, приблизившее Победу... Победу приближали герои, – так считали мы. А герои – это Александр Матросов, Зоя Космодемьянская и все им подобные. Наши же отцы...

Наши только и могут, собравшись за столом, орать во все горло:

*Вы-пьем за Родину,
Вы-пьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем!*

И выпивают, и наливают опять. А в перерывах между стаканами о чем-то там вспоминают, но мы к этим речам не прислушиваемся. Во-первых, потому, что, наученные матерями, уверены: пьяный человек ничего хорошего сказать не может. Во-вторых, потому, что внимание рассеивалось от постоянного страха: не перешла ли пьянка ту опасную черту, когда из дома пора бежать?

Чаще всего вспоминаю папку, выпивающего с Лукавым. Лукавый – такое прозвище было у учителя истории нашей школы. Почему? Бог весть. Лукавить он как раз-то и не умел, – всегда говорил то, что думал. Подозревать его в черноте внутренней, душевной, тоже не было оснований – никому никогда Лукавый не сделал зла. Наоборот: именно к нему да его жене Капе мама любила ходить за советами. Трезвый Лукавый – ума палата, – любую беду руками разведет. Да и не матерился он, трезвый (как, впрочем, и наш папка; по-трезвому редко только, в сердцах, срывалось с его губ матерное слово)... А вот поди ж ты – Лукавый – и все тут.

Заходил в гости он всегда чисто одетый, в наглаженной рубашке. Мама, конечно, суетилась, приглашала к столу; папка произносил свое коронное: «Щи да щи... Ты аппетитных капель давай!». Подавались «аппетитные капли».

Сначала мужики чинно выпивали по первой (пока была маленькой – помню граненые стаканы, потом – мода сменилась? мужики с возрастом стали слабее?) появились граненые же рюмочки. И первая, и вторая, и третья – пока шел чинный разговор. Сначала о колхозных делах, потом – о делах государственных (фамилии членов Политбюро так и мелькали в разговоре; вот бы поприсутствовать на таком «разборе полетов» кому-нибудь из них, – может, и дела в государстве шли бы по-другому...), потом приходил черед вот этого:

*Вы-пьем за Родину,
Вы-пьем за Сталина...*

С этого момента накалялись страсти: папка говорил о Сталине с восторгом (пусть уже и пьяным), Лукавый ему перечил, доказывал что-то свое. Папка не соглашался; у них начинался спор. И вот уже летят сбитые со стола тарелки, опрокидываются потерявшей твердость рукой рюмки... Счастье, если мужики – оба – сваливались спать. Лукавого как гостя мама уважительно, хоть и ворча, затаскивала на кровать; отец сваливался на пол тут же, у стола.

– Слава Богу! – радовались мы. Спят. Бежать из дома не надо...

Впрочем, Лукавый продолжал пугать и спящий: он во сне разговаривал. Глаза закрыты, лицо неподвижно, как маска, а изо рта вырываются слова, а то и крики... Жуть! Мурашки по телу!..

И вот такие-то мужики, по нашему тогдашнему разумению, ничего стоящего на войне совершить, конечно же, не могли. Александр Матросов мог, Зоя Космодемьянская могла. А наши...

Я уже сама давно была мамой, когда получила из дома письмо, в котором лежала еще и вырезанная из районной газеты заметка. Мама писала: «Вот, отец велел выслать. Пусть, говорит, дети почитают»...

В заметке шла речь о том, что «Рыжов Николай Еремеевич прошел большой и славный путь в годы Великой Отечественной войны. За мужество и героизм, проявленные в боях, отмечен правительственными наградами – орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга»...

Медали, орден... Да мы их в доме никогда и не видели! Куда же они подевались? Почему, пока мы росли, отец нам, детям, ни разу о них не сказал?!

Все, что помню из его рассказов о войне – как приехал он в июле сорок второго в город Горький учиться на минометчика. «Подхожу к казарме и вижу: на окошке Лукавый сидит. В руках гармонь, играет и песню поет»... Тут папка счастливо смеялся (приехал из села в далекий большой город, где – ни одной знакомой души, и вдруг на подоконнике открытого окна – Лукавый, друг детства, с которым вместе по садам лазили...).

За целую жизнь я не удосужилась спросить: они только учились – или и воевали вместе? Только из той газетной заметки узнала наконец, что «окончив курсы при первой учебной минометной бригаде «катюш», получив звание сержанта и должность командира орудия, некоторое время Н.Е. Рыжов оставался при учебной бригаде, готовил боевые кадры для фронта, а затем в службе разведки 456-й артиллерийской бригады прошел большой и трудный путь по огненным дорогам войны, завершив свою военную эпопею под Кенигсбергом».

Вот про Кенигсберг – знаю, помню. Как не помнить: папка рассказывал, как после освобождения города они с фронтовыми друзьями-товарищами откопали в саду какого-то дома флягу с вином. Откопали, наполнили кружки (надо же отметить такое событие – город взяли!), как вдруг у кого-то закралось сомнение: «А вдруг оно – отравленное?».

– Тогда мы решили так: пьем вместе! И – будь что будет!

– У-у-у, – доносился из чулана мамин голос. – И тут – про водку...

– Все живые остались! – победно заканчивал папка.

Мы и сами видели, что он живой. И еще раз убеждались: ну какие тут подвиги? Все думки были – про нее, окаянную...

... Я приеду домой на сороковины и остановлюсь на кухне, пораженная. На стене висел увеличенный папкин портрет. Такого папку – в военной форме – мы, дети, не видели и не знали. Мы помнили его другим, а он... Вон он глядит на меня с портрета, и такой молодой мощью, такой незнакомой нам красотой веет от него, что дух захватывает! И на левой стороне груди – медали (не придумал районный корреспондент!), а на правой, где полагается быть ордену... дырка на кармашке гимнастерки.

Эх, папка... Не умел ты беречь награды...

Такой же портрет я привезу потом домой. Сколько буду жить – столько и будет он висеть на стене. А потом детям накажу: берегите!

Что же касается «Выпьем за Сталина»... Я еще успею привезти ему книгу Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Спрошу потом: «Ну как?».

К тому времени выпивал он уже редко и мало, а трезвым разговорчивым не был. Только и услышу в ответ:

– Да-а-а... Ну мы хоть и кричали в боях «За Сталина», а воевали-то за Родину.

– Он ведь ничего уж не ест. Так, если яичко...

Сестра позвонила в новогоднюю ночь; мы: я, муж, дети, внуки сидели за праздничным столом. Сразу все стало неинтересно. Все заслонила одна мысль: домой, к нему. Я должна что-то придумать, как-то удержать его на этой земле...

Позвонили на станцию; оказалось – нужный поезд идет в нашу сторону буквально через два часа.

На следующий день, ближе к обеду, я вошла в родительский дом.

– Наташ, ты?

Голос у папки был негромкий, глухой, но он говорил!

И я сходу принялась его «воодушевлять»:

– Папк, ты чего? Чего сник-то?

– Да вот... И уколы кололи, и таблетки пил, а толку нет.

– Ну их, этих врачей! Смотри лучше, чего я тебе привезла...

А привезла я бальзам «Шипова дубрава», настоящий, как утверждала этикетка, больше чем на двадцати лекарственных травах.

– Папк, давай по маленькой-маленькой рюмочке... для аппетита...

И случилось чудо: папка стал есть! Суп!

Я уезжала (работа, дети, внуки...) счастливая: это папка-то ничего не ест?! Папка, который всю жизнь хлебал щи из большого блюда?! Пусть теперь не из блюда, пусть из тарелки, но ведь ест же!

На прощанье у нас состоялся такой разговор:

– Смотри, чтобы духом не падал.

– Не-е... У меня теперь вон какой ресторан (папка показал на табуретку у кровати, на которую мама ставила тарелку со щами). Вот только борода как у старика.

Тут меня и осенило:

– Папк, а ведь ты стариком еще и не был! Всю жизнь работал и работал. Как молодой.

Папка с готовностью эту мысль подхватил:

– А ведь и правда... Чего бы мне не пожить еще стариком-то?

Не получилось... Не привык он – стариком. Потому что стариком – значит без дела.

Летом я приезжала в отпуск; папка уже не ходил, но еще хорошо сидел на кровати. Говорили об обычном, житейском: во-первых, я боялась его утомить, во-вторых, боялась того, что д р у г и е разговоры он может воспринять как п р о щ а л ь н ы е. Он спрашивал про внуков, про дом, огород и картошку: «Много посадили в этот год?»

И тут выяснилось, что еще прошлой осенью всю картошку со своего усада он выкопал сам. Мама рассказывала:

– Взял лопату, и потихоньку пошел, пошел... Так и выкопал. Мы с Валей (дочь) и Никиткой (внук) таскали.

– Господи... Может, он ноги тогда и перетрудил?

– Его разве остановишь? Одно твердит: «Неужто кого нанимать? А я на что?»...

Всегда, всю жизнь папка все делал сам. Копал, сажал, убирал... Всю жизнь: семьдесят девять весен, лет, осеней: копал, сажал, убирал. К этому привык он, к этому привыкла земля...

Дом перестраивал – из ветхой избышки в крепкий пятистенок – тоже сам. Хлев, где всю жизнь стояла корова – тоже сам. Сарай, где хранились дрова и брикет... загончик для поросят... нашест для кур... изгородка... А какую террасу пристроил к дому: окна – на две стороны света, полка для книг, полочки для посуды... И крыльцо тоже застеклил, от улицы отгородил, дверь на петли повесил: ни собака, ни курица не зайдут, а для кошки внизу – маленький лаз...

Следующий тревожный звонок от сестры прозвучал осенью. Стоял ноябрь. Срок для зимы еще не пришел, – она попугивала холодами, но вместо снега сверху падал холодный дождь...

Я зашла домой и увидела на папкиной кровати кости, обтянутые кожей. И все-таки это был папка – живой! Но на этот раз он действительно не ел, не помогал даже волшебный бальзам, настоящий на двадцати лекарственных травах. Он и воду пил уже с трудом; чтобы облегчить дело, мама вставляла ему в рот маленькую пластмассовую воронку и тихонько, маленькими порциями, лила туда воду.

Как мало и с каким трудом он уже говорил! Чаще всего мы слышали от него одно только слово: «Баушка».

Наверное, именно с него, с этого слова, началась череда чудес...

Когда папке что-нибудь было надо, он делал призывный жест рукой; кто-нибудь из нас, дочерей, кидался к нему, но он делал уже протестующий жест и звал:

– Баушка, баушка!

Мы кидались за мамой, если она была на улице, или звали ее из передней, если она ложилась отдохнуть. Можно представить, как она уставала в ту пору, но с кровати вспархивала, как молодая: «Чего?». Папка показывал на рот – если хотел пить, или вниз – и тогда она поднимала с пола стеклянную банку...

Все остальное время папка просто смотрел. И это было главным чудом. Заключалось это чудо в том, что из папкиных глаз лилась Т А К А Я любовь... Я не знаю, какими словами назвать, какими словами определить ее. Я только чувствовала, что льется она почти осязательным потоком – как вода, и из глаз его перетекает прямо в наши души, и в этой любви-воде растворяется все: все обиды, вся горечь, все прошлые непонимания, растворяется и уносится прочь. А остается, сейчас и впереди, только она – чистая-пречистая любовь...

Наверное, он многое хотел сказать нам тогда, но уже не мог. Оставалось – только смотреть. И это последнее, что было ему под силу, он сделал так, что я

Н И К О Г Д А не забуду...

Уезжала домой я ранним-рано. На улице было еще темно, мы включили свет. Этот свет папке был уже тяжел; чтобы спрятать от него глаза, он опустил голову вниз. Когда я подошла к нему, чтобы попрощаться, он – и это еще одно чудо – выговорил вдруг целую фразу:

– Наташа... как хорошо, что мы повидались.

Я услышала в этих словах только радость встречи – только радость, и не смогла (не захотела?) расслышать прощания...

«Как хорошо, что мы повидались» – повторяла и повторяла я, пока ехала домой...

«Приезжайте. Папка умер»...

Теперь я собралась в дорогу вместе с мужем.

И папку увидела уже лежащим в гробу.

И все мы, собравшиеся у гроба, стали свидетелями еще одного чуда: у папки было Т А К О Е лицо...

Я опять ищущу и опять не могу подобрать нужных слов. Вспоминаю лицо родственницы, которую мы хоронили несколько лет назад: оно было озабоченным. Никогда не думала, что лицо умершего человека может быть озабоченным: а все ли вокруг меня происходит так, как должно, как надо? Не осудят ли люди за что?..

Папкино лицо было просветленно и благородно. Просветленно – понятно; просветлено любовью, которую он успел излить на нас, остающихся жить. Но откуда у механизатора широкого профиля, всю жизнь проходившего с черными руками, эти благородство и красота черт? Папка лежал красивый, как князь или граф, словом, аристократ, который всю жизнь свою плоть лелеял и холил. И сквозь эту самую по себе впечатляющую красоту – красоту черт и линий – проступала еще одна, другая, уже не телесная. Это было лицо человека, избывшего вечную нужду (ничего, ничего теперь не надо!), вечную работу (отдыхайте, руки!), а главное – вечную вражду и войну и отдавшего свою душу миру, любви и свету.

Отпевальщицы, заходя в дом, с тихим благоговением роняли:

– Это не старик – старец...

Самый неприятный месяц осени – ноябрь. Земля, деревья, кусты – все, все черно от дождей. Люди идут в дом – проститься с папкой – и несут на ногах грязь...

Но уходил он от нас по белому снегу. Вдруг кто-то, У М Е Ю Щ И Й В С Е, сделал так, что семнадцатого ноября выпал снег. И все стало бело и чисто: дорожка от крыльца дома до калитки, дорога до поворота на кладбище, дорога до самого кладбища... Вдруг вспомнилось, когда выносили гроб, как папкина сестра рассказывала:

– Бывало, зайду к вам, когда ты маленькая была, а Колька зыбку качает. Качает да поет:

*Тары-бары-растабары,
Белы снеги выпадали...*

Вот и несли мы его – по белому снегу...

Я смотрела на дорогое лицо и думала о том, что передо мной лежит не просто мой отец, а человек, всю жизнь себя отдававший. Его руками родное государство делало историю: побеждало врага, выполняло семилетки и пятилетки, создавало все, что только и есть вокруг. Не спорю, не спорю: отцу это тоже было надо: кормил семью. Но почему, почему он, создававший все, должен был всю жизнь обходиться минимумом? Минимумом еды и одежды? Минимумом жилой площади? Минимумом земли (ему дай волю, он бы такой огородище копал и убирал!)? И это еще не главное; главное в том, что его мало когда о чем спрашивали. Много он говорил только с Лукавым. И только в одном не было ему и его друзьям-товарищам ограничений: пей сколько хочешь!..

Господи, зачем сейчас об этом?.. Зачем – о земном? Ведь дальше...

А дальше лучше, наверное, не думать. Лучше довериться батюшке, умеющему провожать в последний путь. А мое дело – не закричать «нет», когда мужики поднимут крышку гроба, не упасть коленями на мерзлую землю, не забиться в истерике, но превозмогая боль и муку, вымолвить главное слово, которое не успела сказать при жизни: «П Р О С Т И»... Прости за В С Е...

И еще одно чудо случилось в тот день: провожая папку, мама плакала так, как, наверное, давно уже не слышали кладбищенские ивы. «А куда ты ушел... на кого ты меня оставил... у детей своя жизнь... остаюсь одна-одинешенька...».

Дорога с кладбища домой. В дом, где уже не было – и никогда не будет – папки...

Поминки. «Давайте помянем хорошего человека... фронтовика... всю жизнь работал... всем помогал... никого не обижал»...

Потом перемыли полы и посуду, вынесли столы. После всех переживаний и двух бессонных ночей легли наконец спать. Конечно, сон не шел. Все думалось и думалось, вспоминалось и вспоминалось... А тут еще свет от уличной лампочки бьет в глаза через окно – забыли задернуть штору. Надо встать и задернуть.

Просто встать и задернуть, но для этого надо пройти через всю комнату. Через ее середину. Середину, на которой еще недавно стоял гроб. Страшно...

Но свет назойливо-равнодушно продолжал бить в глаза. И я встала и пошла. Через середину.

Что тут случилось! Вместо страха... вместо страха на меня полилось вдруг такое... Радость, восторг – слишком резкие, слишком грубые слова. Благодать? Когда я шла через середину комнаты, мне стало вдруг благодатно. Как бывает только в церкви.

И означать это могло только одно: значит папка посылал утешение уже О Т Т У Д А...

... Увы, – одно из чудес, которые произошли, оказалось обращенным. Когда на следующее лето я приехала домой, опять услышала: «Всю жизнь мучилась с ним... всю жизнь пропил...». Стало так больно!

Так больно, что я действительно заболела. Лежала, мучилась; ну как этого можно было не понять: в последние свои дни он пережил такие муки! И он от них не спрятался, не ушел в смерть раньше положенного срока – он принял их на себя, и все пережил, и был помилован, был прощен Т О Й властью, выше которой нет... Как можно было этого не понять?

Или... или здесь все-таки совсем другое? Ужели и вправду:

Кто прощен, тот забыт.

Непрощенный вовек не разлюблен –

И душой не избыт,

И забвением не приголублен...

Ужели и вправду такое возможно?

И вдруг в сознании ли, в душе ли стало брезжить: а ведь папка сейчас меня бы не понял и не одобрил. Нет, не одобрил. Причина моей болезни – я сама; это мой эгоизм хочет, чтобы сейчас, когда один здесь, а другой Т А М – встретились и помирились. Но видно, срок этому еще не пришел. И мое дело – терпеливо ждать, а не судить.

И – жить дальше. А когда станет неумоготу, когда покажется вдруг, что жить стало нечем, вспомнить это: я у папки на руках, и он качает меня, как маленькую, и не плачет, но поет и поет эту незатейливую песенку:

Тары-бары-растабары,

Белы снеги выпадали...

Александр НЕСТРУГИН

ОСОКОРИНАЯ КОРА

* * *

Даже пафосом жизни привычным влеком,
Городок мой слова выбирает попроще...
Отменили знакомое слово «райком» –
«Что ж теперь, Белый дом?» – усмехается площадь.

Дон Кихот, Ланселот, де Базан дон Сезар
Жмутся рядом с пожаркой, где книжный был прежде.
Ждут Ходжу Насреддина, что скажет: «Сезам...»,
Городок наш пока ещё верен Надежде.

Занавесок под ветром крыла простыней –
Что пред ними невечности дальняя тучка?
А по пятницам вышедших в свет Дульсиной –
«Дунь, привет!» – окликает по-свойски толкучка.

И чужое привычным становится нам...
Вышку сотовой связи поставили в центре.
И зовётся старушками гордо так – храм –
Небольшая, лишь в праздники людная церковь.

И заходит порою закат с кумачом
Во дворы... Но Россия иная – была ли?
«Он не нашенский, – вскинется речь, – Пугачёв!».
«Ну а я?» – усмехнётся Кондратий Булавин.

Фонари по ночам беспокойно горят,
Сжаты плотно овражным да пойменным мраком.
И идёт в Пустозерск мимо храмовых врат
Проповедовать старую правду Аввакум...

Мистраль

Их, крутящихся пылью под бурей,
Размело на двенадцать стран...
Но мистраль, в окна бившийся к Бунину,
Был полынью воронежской пьян.

И палило ли сердце, сквозило ли,
Строки слепо светлели лицом
Рядом с теми худыми лозинами,
Что остались в снегах под Ельцом.

Август

Заката спеет волчье лыко,
И зорек тьмы вороний глаз...
Летит над кручей метелика,
Летит над плёсом метелика –
Наверное, в последний раз.

Перехитрив судьбу скупую,
У плена выскользнув из рук,
Играет жизнь она вслепую,
Свою играет жизнь вслепую
Сутулым сумеркам излук.

Ни слов, ни наших нот не знает,
Ни озарений, ни потерь,
Но ведь и наше всё играет...

Всё подобрав на слух играет –
И листопады, и метель!

И так понятна эта речь нам
Своей мелодией простой,
Как юность в платье подвенечном...
Как юность в платье подвенечном
С летящей по ветру фатой!

Метла, метлица, метелица,
Теченья мотыльковый тальк...
Наверно, это плёсу снится,
И мне, наверно, это снится,
Но так светло и хрупко снится,
Так больно, милосердно так...

Прощание

Спросишь тихо – в тон тебе ответчу.
Взгляд уронишь – хрипотцу сглотну...
Всклени налив, решусь я: «Ну, за встречу!»
И запнусь на влипшем в горло «ну».

И потянем горькую, не морщась...
Что за хмель? О вечном и пустом
Молча говорим... Нет, дважды молча!
Руки немо уронив на стол.

И сухой занюхивая коркой,
Вижу, не расплакавшись едва:
На глоток ещё осталось горькой
У меня. А у тебя – на два...

* * *

Как свои камни в гору лихо мы
Катили, юностью пьяны!
И стали вроде вровень с мифами,
Ворочавшими валуны.

Но как Вийон с вином и драками,
На суши на шестой одной
Когда, скажи? – мы стали врачами,
Не сдутой пеною в пивной...

Не потрясли. Но сердце тронули
Эпохи с именем «Застой».
...И стали мы пропавшей Троею
На суши на одной шестой.

Сизифам мы не посторонние,
Что катят камни на Парнас.
Но мифы, нами сотворённые,
В лицо уже не помнят нас.

* * *

Я красный! Ну а вы, ребята смелые,
«Комса» былая, записались в белые,
И вот мои ровесники, «годки»,
Гурьбой меня берёте за грудки.
Мол, отвечай, красняк, за время мерзкое –
За наши клятвы, песни пионерские...
Вы нам за всё ответите, «совки»:
За Зимний, за Сиваш, за Соловки!
– Ответим, – говорю, – зачем кричать?
Назвали всё, за что мне отвечать?
Но почему же вы, ребята скромные,
Забыли про «Вставай, страна огромная»?
Вам даже над рейхстагом алый стяг –
Как деревенский родственник в гостях.
А вынь ты скрепу эту лишь одну –
Господь не поручится за страну,
Где смерть пила из Волги, из Невы,
Из Дона, из Москвы-реки... Но вы
С неистовством мятущихся натур
Сыграть решились в сто клавиатур
Историю – с чужих, фальшивых нот...
Но песни не забыл свои народ!
Из незабытых тех всего одной
Он вас смахнёт «Священною войной»!
А я... Да, признаю свою вину:
Мой дед – кулак, отец мой был в плену...
Меня же в плен никто не брал, я сам
Под ельцинскую дудочку плясал,
«Борис, борись!» – шаманил, как в бреду...
Я сам себя за то предаю суду.
За ту страну, за ту войну, за ту
Не смытую со строчек красноту,
Что не по чину мне, не по летам,
Казалось бы... Но я остался там,
Где жизни всей основа из основ –
Матросов, а не Власов и Краснов.
И знаю я, как вы ни правь скрижали,
Что я остался, вы – перебежали...

* * *

Как её теперь добиться, славы?
Спросишь – нет гусяного пера!
И бумага серая корява,
Как осокориная кора.

И стыда такого наберёшься,
Вспомнив то, что не горит дотла...
Новгород писал вон на берёсте,
И дошло ведь! И Москва прочла...

Запад

Снобы с блескучими люстрами фраз,
Как они тянут из темени нас!

Но припасли – для любой из Росий –
Свет не слепящий: фитиль, керосин...

И прикрутили Европы на треть
Русскую правду и русскую смерть.

И укоряют теперь, что коптит
Русское время: то совесть, то стыд.

Надо бы этот бардак прекратить...
Вплоть до потёмок его прикрутить!

Только пугает земных воротил
Русский ответ: керосин – и фитиль...

* * *

Писать ещё трудней, чем жить...
Когда декабрь
В глаза снежит
И век
Смерзается меж век,
Как смеркшее свеченье рек
В сырых ресницах тростника...
Но коль не лжёт
Твоя строка,
Она душе надежду даст!
... Так плуг отваливает пласт,
И он лежит – тяжёлый, влажный...
И помня пустословья стыд,
Чернеет правдой небумажной
И солнцем, бьющим в срез, блестит.

Римма ЛЮТАЯ

ЖИЗНЬ В РОЗОВОМ ЦВЕТЕ

Жила-была Розовая Лавка... Не удивляйся, малыш: обо всём, даже самом неожиданном, что встречается тебе в мире и о чём можно, удивившись, подумать: «Надо же, вот оно какое есть!..» – обо всём этом чуть позже скажут: «Это было, жило тогда – я помню...». Может быть, ты сам вспомнишь что-то дорогое сердцу или кто-то другой задумается о прошедшем. И этот свет, сияющий нам из давних дней, эта бывшая радость и верность поддержит душу в трудные минуты.

Итак, в большом городе жила-была Розовая Лавка. Однажды утром спешащие по своим делам прохожие – а было их ой как много!.. – обнаружили неподалёку от проезжей части незнакомую конструкцию из розоватого дерева. «Вчера вроде её не видели. Зачем и как она тут появилась, Бог знает, – пожали плечами люди. – Лавка, похоже. Ну лавка и лавка. Пусть стоит...».

Действительно, ничего особенного не было в невысокой Розовой Лавке – ни изящной резьбы, ни накладных металлических украшений, ни даже цветастой рекламы, которая сегодня привычными кляксами пятнает места обитания людей, – ничто не искажало её естественного, с чистыми обводами вида. Однако Лавка, безусловно, была диковинная: какая-то и не городская, и не деревенская: слишком простых, но одновременно и особенных очертаний. Она смотрелась странно во взвихренной человеческой суматохе, что почти всегда кипит в каменном котле городских улиц. Неуловимая эта странность во многом определялась не только формой Розовой Лавки, но и необычным материалом, из которого та была сделана. Её гладкая, словно сияющая изнутри древесина пахла цветами и ладаном и будто дышала. В общем, маленькая Лавка казалась лишней в суетливом мире производства и потребления – там, где живая душа так часто угнетена жёстким ритмом и звуком работающих механизмов...

Лавка стояла на пыльном растрескавшемся асфальте – и словно изливала тёплый свет изнутри. Этот чудный свет не пропадал ни днём, когда солнечные лучи разогревали поверхность Розовой Лавки, ни к вечеру, когда из налетевшей тучи проливался на город дождь, ни ночью, приносившей покой усталым горожанам. В первую же ночь к Лавке пришли первые посетители: сначала Рыжая Собака-Двоглазка устроилась было под нею подремать, но потом, встрепенувшись, вдруг заторопилась куда-то по своим звериным делам... За нею явился независимого вида трёхцветный Пятнистый Кот и, легко вспрыгнув на сиденье, потёрся спиной о покатуую деревянную боковину. Затем столь же изящно спустился наземь, чтобы через минуту исчезнуть в темноте. А под утро бессонный ветер, пригнав несколько листьев, заиграл, закружил их между ножек Лавки...

С рассветом город зажил своей обычной деловой жизнью.

К Лавке подходили теперь многие: то старик присядет передохнуть на пути к автобусной остановке; то парень-студент, поставив сумку и вытащив планшет, что-то быстро диктует, стоя рядом, в закреплённый на толстовке микрофон; то жизнерадостная мамочка, пристроив на сиденье дочурку, поправляет малышке берет...

Как-то однажды была суббота. Многие люди отправились отдохнуть за город от напряженной рабочей недели, и на улицах стало заметно тише. И вот незадолго до полудня к Лавке подошёл Мальчик и сел на неё, положив ладони на свежую ещё древесину. Ему надо было дожидаться здесь Мать, которая стояла в очереди у овощного киоска – она строго-настрого наказала ему никуда не уходить и сидеть смирно!.. Мальчик, прислонившись к спинке, уместился поудобней и легко похлопал Лавку по доске – так, как если бы это было живое существо: кот, или собака, или... олениха.

Лавка точно понравилась ему: уютная, какая-то настоящая, она источала терпкий древесно-цветочный запах. Мальчик вспомнил, как Отец повез его к морю, к своему Отцу, и как они все втроем ходили в зоопарк. Там любопытная молоденькая олениха подошла к ним, стоявшим у самого барьера, и вдруг доверилась детской искренности, позволила Мальчику погладить свой тёплый, с нежным сиреневым отливом пятнистый бок, а потом пугливо вздрогнула и отпрянула, унеслась в дальний угол вольера... Такая же тёплая и живая, чувствовал Мальчик, была и Лавка.

«Это Розовая Лавка», – так назвал он её про себя. Он знал, что точно угадал имя. Закрыв глаза, он стал раздумывать о том, как на берегу знакомого ему морского залива выросло Розовое Дерево, и как оно, раскинув шелестящие ветви, тянулось к небесам и радовалось миру, благоухая розами и ещё чем-то невыразимо приятным. И как он, Мальчик, сидел под Деревом, спиной чувствуя прохладу его глянцевого коры, прислушиваясь к току соков внутри ствола...

Мальчик покинул эти места, когда лето было на исходе. Вскоре пришли осенние бури и ледяным порывом надломили хрупкий ствол Розового Дерева, и оно со стоном рухнуло, раскинув ветви по холодному грунту – смеси смёрзшегося песка, гальки и снежной крошки.

Наутро живущий поблизости Мастер – отцов Отец – увидел упавшее Дерево и забрал его к себе. Искусно очистив лишнее, он сделал из него небольшую Розовую Лавку, а оставшийся в почве комель подлечил. И следующей весной маленькие веточки, проклюнувшись из повреждённого ствола, осторожно потянулись вверх...

Лавку же Мастер переправил в город и поставил её неподалёку от дома Мальчика, чтобы тот, присаживаясь на неё временами, вспоминал просторное море и усыпанный мелким галечником летний берег, на котором росло чудесное Розовое Дерево, и конечно – самого Мастера...

– Мама, мама, садись, это Розовая Лавка, она из Розового Дерева от папиного Отца!.. – радостно сообщил Мальчик подошедшей Матери.

– Ну что ты, малыш, розовых деревьев не бывает. Бывают липы, дубы, березы, сосны... много разных деревьев на свете. Но розовых нет, вряд ли... Хотя лавка и правда хорошая, древесина здесь какая-то необычная, – Мать села рядышком.

– Да, да, мамочка!.. она пахнет розами, и морем, и ветром, и криками чаек, и солнечными бликами на воде, и маленькими рыбками – они так здорово прыгают над её поверхностью!.. и ещё... радостью, – задыхаясь от восторженных воспоминаний, поспешно перечислял Мальчик. И Мама, улыбнувшись, погладила сына по русой голове.

– Ты прав, мой хороший. Розовое Дерево тоже есть...

И они вернулись домой, а Розовая Лавка осталась на месте, и образы, так живо нарисованные Мальчиком, ещё долго витали в её ночных снах и дневных грёзах.

Миновало лето, и осень, и зима. Весной на месте, где стояла Розовая Лавка, кем-то решено было устроить летнее кафе: укрепить временный навес от солнца, разместить несколько пластиковых столиков, приставить пластиковые же литые стулья. И продавать там напитки, закуски, мороженое: люди всегда хотят есть и пить, а летнее кафе приносит хорошую прибыль... Так и сделали. Явился обстоятельный хозяин, осмотрелся: Розовая Лавка занимала полезное место, мешала, и её вывезли из города в лес. А там бросили на опушке, сломав спинку и повредив ножку, впрочем, это неважно. Да и о чём жалеть – кому эта нелепая штука глянется, тот, верно, заберёт и деревянную колченогую инвалидку...

Прошло несколько месяцев, и Лавка действительно пригодилась: её, изрубив на чурки, бросили в костёр, который согрел от холода весёлую компанию школьников, что учились способам выживания в дикой природе.

В ту ночь Лавка горела легко и радостно, в последний раз источая в пространство свой необычный розовый аромат. Сидящие у костра дети притихли, задумчиво глядя на пламя... И души их замерли, вдруг ощутив: что-то необычное, благоухающее, величественное и прекрасное всегда присутствует в мире. Оно живёт в шелесте трав, каплях дождя, падающих с веток, живой игре огня, временами затмевающего свет звёзд, порывах ночного ветра... и в дружеском единении, собравшем их вместе вокруг костра.

А Розовая Лавка в уже бестелесной своей теплоте поднималась к тёмному небу вместе с дымом, полным сияющих огненных искр. И сливаясь с прохладным ночным простором, вспоминала родной морской залив с прозрачной водой, где она выросла стройным Розовым Деревом и где и сейчас гурьбой стояли у берега её братья и сёстры – островерхие тополя и нежные живописные туи, что повторяли очертания издалика видного старинного маяка, который зажигает вечерами свой свет для кораблей, плывущих у горизонта. Ей казалось, что теперь, окутанная горячим терпким ладаном, она то ли летит по небу, то ли бежит по самым краешкам облаков, словно пугливая олениха с тёмными крапинками на сиреневых боках. Или парит, как волшебная синяя птица с пушистыми длинными перьями, и сияющие голубые вихри, играя, несутся с нею рядом нескончаемым туманным шлейфом...

А потом птичьи крылья превратились в прекрасные ветви Розового Дерева. Усыпанные нежными ароматными цветами, они тянулись ввысь, к дивному Незримому Свету – туда, где неизменно ждёт все верные души только любовь, только ясная радость и мир...

Изменившейся до неузнаваемости, но по-прежнему живой и даже обретшей какое-то новое, небывалое бытие Розовой Лавке вдруг привиделся спокойный взгляд Мастера, который, подняв упавший ствол Дерева, держал когда-то его – нет, не его, а её саму на руках... И прозвучали в памяти слова, задумчиво произнесённые им в безмолвное пространство, но обращённые к кому-то дальнему, невидимому и дорогому: «Это ваш мир... храните и возделывайте его».

Зоя КОЛЕСНИКОВА

КРАЕШЕК СОЛНЦА

* * *

Этот домик на тихой воде.	Это август! Созрели плоды...
Мы к нему глубиною причалим.	Как угодно сей миг назови –
Весь в зелёные ветви одет,	мы полжизни его дожидались.
так радушен – до слёз, до печали.	Постоим, помолчим о любви,
Постоим у вечерней воды...	о которой и в снах не сознались.

* * *

Я уже тебе не позвоню,
ты мой голос больше не услышишь.
И вослед покинувшему дню,
ночь к тебе опустится – на крышу.
День впитал немислимые свойства
и души, и тела, и ума...
И гадая над его устройством,
не печалься, не сходи с ума.
Постучится завтра в наши ставни
ясная возвышенная суть:
если мы мудрей сегодня стали,
станем и нежней когда-нибудь.

* * *

Я перестала думать о любви.
И говорить о ней я перестала.
Она в углу, забытая, в пыли,
лежать, приговоренная, устала.
Ноябрьский день был полон суеты,
но светлый час напоминал о лете...
И падал луч, и согревал цветы –
те самые, что лучше всех на свете.
Деревья принимали образ твой,
сквозило в них доверие и память.
Подумалось: увидимся зимой.
А если нет? – Погашенное пламя
ни ясеня, ни клена не зажжется.
Напрасно пробивается к ним солнце.
И вот тогда мне очень страшно стало.
.....
Я перестала думать о любви.
И говорить о ней я перестала.
Но в храм вошла
и там её застала...

* * *

Полупритоженная лодка.
Полуистлевшая листва.
Река в свинцовой глади кроткой
купают древние слова,
чтобы последние минуты
сберечь от сглаза и молвы.
Наверно, это будет мудро,
что и они теперь – на «вы»,
ведь это светская молва...

.....

Полупритоженная лодка.
Полуистлевшая листва.
На белом свете зябко, знобко.

* * *

С.П.

Искала талая вода
свои похожие причалы,
и птицу бережно качала
в своих объятиях, когда
меня впервые провожал,
но взглядом ласково держал...
И оттого душа взлетала,
и солнце празднично сияло
на золоченых куполах...
Природа, мудрая, молчала,
превозмогая боль и страх.

Апрельский ветер лишь проснулся,
ко мне печально обернулся,
чтобы застыть на проводах,
нам посылая добрый знак.
И neodетые берёзы,
грядущим грозам вопреки,
нас дожидались у реки,
скрывая искренние слёзы.

* * *

Силы небесные! Где вы?..
Здесь, на Земле, неуют.
Ангелы – справа и слева –
грустную песню поют...

Вот уже утро. Светает...
там, далеко, на краю...

Кто-то незримый играет
горькую песню свою...

.....

Двери откроем и выйдем
там, далеко, на краю...

Краешек солнца увидим,
света его колею...

Новогоднее

Дебаркадер, занесённый снегом...
В праздничном убранстве дерева
будто бы скользя, идя за светом,
мне шептали добрые слова.
Где мерцали утренние свечи,
там сиял разбуженный восток –
словно говорил мне: «Время лечит...»,
думая, что истину изрек.
Только почему-то на распутье
нескольких времён да и дорог
путь мой среди долгих трудных буден
у ковчега вечности прилег.

* * *

Мама в детстве за руку вела.
Помню нашу долгую дорожку...
А ещё – те добрые дела,
что кому-то праведно помогут...
Разогретый воздух допьяна.
Сердце, охлажденное смятением...

Среди многих – жизнь моя одна
шелестит уходом постепенным.
С каждым оборвавшимся теплом
хочется нам мудрыми казаться,
среди самых главных честных слов
хочется продлиться и остаться.

* * *

А ветры осенние снова устали,
открыли небесные нежные хляби...
А воды зеркальные с лёгкою рябью
глядят, как сбиваются вороны в стаи.
Река обращает нас к теме участия
Великого Неба и малой Земли,
Она понимает безмерное счастье,
которое мы сохранить не смогли.
Там будут сиять купола не над нами,
и клекот и щебет себя воплотит
в незнание наше, начавшись с печали,
о том, что планета летит и летит...

* * *

Как в сумерках бесправны силуэты!
Вмелованы в беспечный мрак небес,
они ещё дрожат и ищут света,
который беспрепятственно исчез...
Он станет исчезать когда угодно
и прятаться, и жить – сам по себе...
Совсем как я... Хотела быть свободной,
пока не знала вовсе о тебе.

* * *

Горестным ликом креста
День обрывается снова.
Словно сорвался с моста,
Падает так бестолково...

Падает брошенный день,
Падает невыносимо...
Как обгоревший плетень
Падает в прошлую зиму.

* * *

Наверное, весна, коль вишня зацвела,
наверное, судьба, коль по ночам не спится...
А в ранние часы звонят колокола,
наверное, пора нам о душе молиться.

Мне снился дикий сад. Там тихо. Даже птицы
давно уж не поют, почувствовав разлад:
не надо повторять, что можно притвориться
и даже защититься, пусть без щита и лат.

Тебе сходить с ума, а мне заметно вянуть
среди людей чужих, среди холодных стен.
Шагнуть, чтоб не упасть. Мучительную память
вдвоём стереть с листа. И ничего – взамен.

* * *

Эти грустные листья тополя...
Во вселенной совсем одна,
приютилась душою около
эта женщина у окна...

Как теряются дни и месяцы!..
Листья падают с тополей,

приближаясь к Небесной лестнице,
к той, которая всё видней...

Погрустневшие листья тополя...
Дни сентябрьские напролет,
там, где ставни при ветре хлопают,
соловей для неё поёт...

* * *

«Мы с тобой полюбили друг друга...» –
Ах какие простые слова!
Тридцать лет неизбежного круга
постигала моя голова.

Лунный свет заползает за шторы,
проникает во все времена,
где скопились великие горы
писем, песен... И завтра луна,
как вчерашние десять столетий,
улыбнётся влюблённым не нам.
И никто не посмеет на свете
не поверить не нашим словам.

Сергей ПЫЛЁВ

ЧЕЛОВЕК ГОСПОДА

*И сделал Господь Бог Адаму и
жене его одежды кожаные, и одел их.
Библия, Бытие, гл. 3, ст. 21*

И похоронил Адам Еву...

Была зима, конец января; день за днем старик долбил могилу в око-
стеневшей, мертвой земле, как терзал ее и себя.

Адам похоронил Еву рядом с Авелем и Каином. Он все сделал один.
Никто не пришел помочь ему, никто не пришел проститься с Евой.

Прежде чем расстаться с женой навсегда, Адам бережно сдул с ее лица
снежинки. Правда, они тотчас снова налетели. И снова он сдул их, до-
хнув бессильным теплом в тысячелетнее лицо Евы. Оно было напухшее
от морщин, словно под кожей у нее проросли корни той долгой, тяжелой
жизни, которую им завещал Бог. Только Адам и через этот ветхий лик
всегда видел юную, райскую Еву...

Он всхлипнул, как закашлялся.

Любил ли он Еву, как теперь люди, молодые и старые, любят друг
друга, Адам не знал. Он не выбирал ее. Она была плоть от плоти его, и
сейчас он как бы хоронил самого себя. Он будто бы умер в ней и в то же
время остался жить мертвым.

Адам взгляделся в дорогу, которая вела к нему на гору. И плакальщиц
не видно, хотя он, договариваясь с ними, обещал каждой и сыра, и вина,
и благовоний. Не много, но обещал. Много, в достатке сейчас ни у кого
не было. Второй год земля ни весной, ни осенью не знала дождей. Даже
летняя роса не накрывала полей. Люди по всей долине извели и зайцев,
и вепрей, даже шакалов и тушканчиков. Адам жил на горе и видел, что
там, внизу, над городом, больше не роятся резвые голуби. Их тоже или
съели, или обменяли на зерно.

Уже триста лет Адам и Ева жили в пещере на горе. В долине у них ос-
тался хороший дом из обожженного кирпича, а во дворе в колодце никогда
не исчезала, на зависть многим, такая чистая и легкая вода, какую они
пили только в Раю. И все-таки они ушли, потому что люди век от века
все больше сторонились их, а порой даже открыто ненавидели. Особенно
доставалось Еве. Однажды соседка, зайдя за водой, будто бы случайно
ударила ее по пальцам крышкой колодца и не сдержалась, захохотала,
глядя, как Ева страдает от боли.

Так что они в конце концов ушли на гору и жили одни, сами по себе, и
особенно не жалели об этом. Тем более что Енох, сын Каина, первое время
часто поднимался к ним. Это был еще молодой, двухсотлетний муж, ко-
торый ходил в пурпурных одеждах, посыпал заплетенные в семь косичек
волосы золотой пудрой, а из благовоний пользовал дорогое алойное дерево,
которое привозили с далекого Цейлона. Енох всегда привозил подарки,
обнимал Еву, целовал бороду Адама. Только если раньше он любил рас-
спрашивать их о Рае, о том, какой из себя Бог, какие ангелы, то в последнее
время Енох стал раздраженно-молчаливым и торопился назад. Прошлым
летом в свой последний приезд он и вовсе обидел Еву. Енох привез ей в

подарок серебряную цепочку с маленькими колокольчиками, которая надевалась вокруг лодыжки.

– Мне почти тысяча лет, а ты хочешь, чтобы я уподобилась твоим розовощеким девушкам?

– Это очень дорогая безделушка! – гордо сказал Енох. – Правда, мне она досталась почти даром. Если не хочешь ее носить – обменяй на что-нибудь. Хотя бы на осла. А то как-то даже от людей стыдно: жили в Раю, знали самого Бога, а век от века пешком ходите!

...И обрил Адам в знак траура каменным, еще эдемским ножом свою бороду и свои белые, старчески нежные кудри, – и пошел вниз, в город, к Еноху, оплакать вместе смерть Евы.

Тяжелый ветер ударил Адама, но он даже не почувствовал его палящей морозной силы: на нем были те самые кожаные, не знающие сноса одежды, которые Бог, изгоняя их с Евой из Рая, тем не менее заботливо пошил им своими руками. И было это, слава Богу, хорошо сделано, очень хорошо. Эти одежды от Господа согревали в стужу и давали прохладу в зной.

Когда Адам проходил ущелье, где обычно прятались в непогоду его голуби, то не услышал их привычного, басистого воркования: как видно, и до них добрались люди из долины. Только какой-то последний летун еще подавал среди скал свой кроткий, заунывный голос, будто прощался с Адамом.

Отсюда, с высоты, виднелись у горизонта другие, далекие горы. Лет семьсот назад, когда тоже навалился голод и люди дошли до того, что ели воловий помет, они потребовали от Адама вести их искать Рай. Он помнил, что где-то за горными кряжами была страна Эдемская с ее благодатными обильными кущами.

Они долго искали ее и никак не могли найти, словно она сделалась не-видимой. Никто тогда не вернулся живым, кроме него.

...Несмотря на холод, все равно уже чувствовалось, что эти дни у зимы последние и скоро грянут первые грозы, а следом миндаль озарится повсюду благовонными февральскими цветами...

И спустился Адам под вечер с горных троп, и пришел к Еноху.

Внук встретил его в походных козьих одеждах, верблюжьих сапогах, а на поясе, шитом золотом, у него провисал короткий меч.

– Через час мы выступаем! – сказал Енох. – Прости, из-за этого я не пришел на похороны.

– Нам угрожает враг?

– Нам угрожает голод!

– И куда вы идете?

– Мы хотим найти Рай!

– Однажды я уже водил людей на его поиски.

– Я знаю. Все погибли.

– Потом обвинили во всем меня...

– А как ты хотел? Тебе дорога туда самим Богом заказана! Теперь мы пойдем сами. Это общее решение. И вообще, дед, уходи скорей в горы. Многие здесь настроены против тебя. И очень решительно.

– Нас с Евой всегда недолюбливали...

– На этот раз все гораздо серьезней!

– Как-нибудь перетерплю...

– Люди открыто требуют казнить тебя!

– Какое же преступление совершил этот старик? – гордо сказал Адам.

– Ты не знаешь? – побледнел Енох. – У тебя отшибло память? Ты забыл, что из-за вас с бабкой Бог проклял весь род людской, обрек нас на тяжкий труд в поте лица, страдания, а в итоге на смерть, которая подобна смерти скотов?! Конечно, вы-то успели пожить в Раю в свое удовольствие! Вам хоть вспомнить есть что!

– Я же рассказывал... Нас совратил Змей ... – подавленно пробормотал Адам.

– А вы были безмозглые твари?! – крикнул Енох. – Бог настрого запретил вам жрать с Древа познания! Помнишь, я в детстве без разрешения не смел даже прикоснуться к твоему мечу? А как хотелось! В общем, вы вляпались по уши! Вот теперь иди и объясни этим голодным, несчастным людям, как и почему вы с бабкой довели их до такой скотской жизни!

– Ты думаешь, я побоюсь это сделать!? Правда, Ева умела говорить более складно, но я тоже найду что им сказать! – твердо проговорил Адам.

– Иди, иди, – сухо заметил Енох. – Как только эти несчастные увидят тебя, они тотчас обнажат мечи!

– Меня ничто не пугает... – вздохнул Адам. – Я уже как бы умер. Я умер вместе с Евой. Ведь она была плоть от плоти моей. А дважды умереть нельзя.

– Не храбрись! – судорожно вскрикнул Енох. – Они изрубят тебя на куски и бросят их голодным собакам!

Адам стал развязывать на себе одежду.

– Тогда на всякий случай я оставлю это тебе. Жаль, если попортят.

– Ну да! Ты же рассказывал: сам Бог трудился над твоими кожанками... – усмехнулся Енох.

– Он так старался... – тихо сказал Адам. – Я всю жизнь проходил в этих одеждах и горя не знал. Спасибо ему!

Енох побледнел:

– Знаешь, дед, в последнее время, если честно, многие стали серьезно сомневаться в твоих рассказах про Рай, про Бога. Кое-кому они вообще кажутся бредом! Может быть, и на самом деле ничего не было?..

– И все-таки вы идете искать Рай?..

– Что нам остается делать? У нас нет выхода!.. А райские одежды оставь при себе. Они никому не потребуются. Ты у себя в горах отстал от жизни: сейчас все достойные люди предпочитают меха, тонкую шерсть, шелк...

– Прощай, Енох... – сказал Адам.

– Я дам тебе плащаницу. Ты завернешься в нее и незаметно выйдешь из города.

– Меня узнают в любом случае! – усмехнулся Адам.

И он вышел от Еноха.

Обмеркло: на небо пришли первые и какие-то тощие, словно бы голодные звезды. В этих позднейнварских сумерках особенно чувствовалось, что у зимы остались ни мало ни много последние часы.

Адам вдруг отбросил палку и громко сказал в темноту:

– Эй, люди, это я, Адам! Я здесь!

И он услышал собачий перелай: дружный рык целой своры, рвущейся с поводов, чтобы настичь близкую жертву. Там и там, рыская, замелькали факелы. По глухому топоту деревянных подошв Адам уловил, что в его сторону бежит толпа.

Он машинально оглянулся на дом Еноха: окна были темны. Ему вдруг захотелось сделать глоток вина. Адам судорожно улыбнулся и медленно тронулся навстречу людям.

Чьи-то сильные руки подхватили старика, и через минуту он сидел в чужом доме. Огня не было. Мимо опалело пронеслись собаки, от злобы кусая друг друга.

– Здесь тебя не найдут, – услышал Адам.

– Я не боюсь их. Я теперь ничего не боюсь. И все же я благодарен тебе. Назови себя!

– Сейчас не время, – был ответ.

– Что-то голос мне твой знаком, – строго заметил Адам. – Ты не сын Еноха Ирад?

– Нет.

– Тогда Евал, муж моей дочери Сары?..

– Выпей вина, старик. Сосуд на столе.

– Ты как мысли мои угадал... – вздохнул Адам и приложился. – Вино, между прочим, у тебя славное! Никогда такого не пробовал!

– И в Раю?

– В Раю мы с Евой были чисты как ангелы!

– Пока не добрались до запретного плода?

– Что ты про это знаешь!? – глухо вскрикнул Адам. – Никакого запретного плода не было! И никакого Змея-искусителя! И запомни, никто нас с Евой из Рая не выставлял! Я сам ушел. И увел с собой жену. Надоело жить на всем готовеньком. Потом же лишнего шага не ступи... Меня Бог поставил там садовником, а я хотел пасти овец, пахать землю... А больше всего мне хотелось завести голубей!

По улице опять с криками пробежали люди: шума и гама там хватало.

– Мне бы поговорить с ними... – приподнялся Адам. – Нам давно пора объясниться! Я, пожалуй, пойду. Они опять собрались искать Рай... И собрались на этот раз идти без меня! А мне тоже хочется на него хоть глазком взглянуть...

– погоди, старик, – сказал незнакомец. – Лучше расскажи еще чего-нибудь.

– Некогда мне тут с тобой... Да и нечего больше! – ворчливо отозвался Адам.

– А про смерть Евы?

– Откуда ты знаешь, что она умерла? Никто даже проститься с ней не пришел...

– Я был.

– Как же это так, если я тебя не видел?

– Еще раз говорю: сегодня днем вместе с тобой я стоял на могиле Евы.

– Да кто ты такой?! – строго вскрикнул Адам. – И чего тебе надо?..

Незнакомец присел на корточки раздуть огонь, бледно мерцавший на глиняном полу. Костерок послушно, с готовностью залохматился свежим пламенем. Он вспыхнул как заиграл.

И увидел Адам лицо Его.

– Это Ты?!

– Здравствуй, Адам.

– Как же я сразу не догадался?..

Адам неуклюже, по-стариковски, опустился на одно колено, потом на другое.

– Прости, Господи! Я такого тут по неведению наговорил...

– Ты не сказал ничего дурного.

Адам судорожно, неуклюже молчал.

– Господи, а как там сейчас наш Сад?..
– Его уже нет.
– Конечно, столько лет прошло... Я уже счет своим годам потерял.
– Тебе ровно девятьсот тридцать. А Сад я вырубил. Он мне все время о вас с Евой напоминал.

Господь подошел к окну и еще что-то тихо сказал.

– Я не расслышал, – смутился Адам.
– Ничего. Это я сам с собой, – был ответ. – А теперь, старик, мы расстанемся. Ты вернешься в горы. И никто не тронет тебя. Любовь людей к тебе не обещаю, но свои годы ты доживешь спокойно. И вот еще что: проси, Адам, чего хочешь, пока я здесь.

Адам закрыл глаза.

– Проси, не тяни.

– Господи! – порывисто сказал Адам. – Голод поразил народ. Накорми страждущих...

Господь резко обернулся.

– Тех людей, которые хотят найти Рай и жировать там? Которые кроме золота, вина и девок ничего не желают? Прости, Адам, но я раскаялся, что создал человека!

И сказал Он:

– Истреблю его с лица земли.

...Адам как очнулся. Он был на улице, и был один. В растеплившемся первовесеннем воздухе пахло от домашних очагов свежим хлебом, жареным бараньим мясом и курдючьим жиром. Молчали наевшиеся, оглохшие от сытости собаки. И тихо так, словно город только что родился.

После недавнего дождя под ногами лежали сплошные лужи. В них потаенно отражались звезды.

Адам ступал бережно: ему казалось, он идет по небу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

*****

Май

В Тюмени прошёл вечер памяти писателя-фронтовика Евгения Шермана (Ананьева).

Евгений Григорьевич Шерман во время Великой Отечественной войны был командиром взвода, батареи, начальником разведки артполка. В боях за Варшаву тяжело ранен и в 1944 году демобилизован.

Награждён двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией». В 1945–1948 годах работал корреспондентом газеты «Труд», затем в газетах Курганской и Тюменской областей. С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР.

По сценариям Шермана-Ананьева снято тридцать три документальных фильма о Западной Сибири. Автор нескольких книг очерков о первооткрывателях недр Западной Сибири, о коренных народах Севера: «Хозяева тундры» (Тюмень, 1953), «Остров нефтяных робинзонов» (Свердловск, 1961), «Под стальным парусом» (Тюмень, 1963), «Цвет тундры – голубой» (Свердловск, 1973).

Июнь

Делегация тюменских писателей принимала участие в работе традиционного Международного фестиваля книги на Красной площади в Москве. В рамках фестиваля состоялись презентации писательского проекта «Уроки родиноведения с Анатолием Омельчуком» и передачи «Литературные встречи» на Первом интернет-ТВ, а также книги Сергея Козлова «Романовы. Преданность и предательство».

Презентация всех трёх проектов организаторами фестиваля транслировалась в прямом эфире в соцсетях.

* * *

Впервые за 60 лет существования областной писательской организации в Москве прошла встреча сотрудников столичных библиотек с тюменскими писателями. Перед московскими библиотекарями с рассказом о своих книгах и проектах выступили Леонид Иванов, Сергей Козлов, Анатолий Омельчук.

* * *

В Москве состоялась встреча тюменских писателей с югорским землячеством. Проживающие в столице бывшие жители Ханты-Мансийского автономного округа, работе в котором они отдали по несколько десятилетий, продолжают интересоваться жизнью родного региона – некогда единой Тюменской области, в том числе литературным творчеством земляков.

Почётный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук, более 20 лет отработавший на Севере, Почётный работник культуры и искусства Тюменской области Сергей Козлов, много лет бывший учителем и директором Горно-Правдинской средней школы ХМАО, а затем – журналистом окружных изданий, и Почётный работник культуры и искусства Тюмен-

ской области Леонид Иванов рассказали о своих новых книгах, объединяющем Тюменский регион литературном альманахе «Врата Сибири», о своих творческих планах. А югорские москвичи читали гостям свои стихи, дарили поэтические сборники, главной темой которых остаётся Север, что навсегда закрепился в их сердцах.

* * *

Показом документального фильма по сценарию известного писателя Анатолия Омельчука «Мир и война Саввы Есипова» началось осуществление нового проекта писательской организации с Тобольской митрополией.

Выбор этого фильма для презентации проекта, осуществляемого по благословению митрополита тобольского Димитрия, был определён тем, что в Тобольской духовной семинарии, на базе которой проводится совместное мероприятие, в учебном плане семинарии как раз есть изучение летописей Саввы Есипова, в том числе его первое в истории Сибири художественное произведение «Повесть о городах Таре и Тюмени».

Всего в рамках проекта будет показано семь документальных фильмов по истории Сибири. Все они сняты по сценариям и при непосредственном участии писателя, Почётного гражданина Тюменской области Анатолия Омельчука.

* * *

В Ишиме состоялись торжества по случаю награждения победителей 16-й Международной премии им. П.П. Ершова за произведения для детей и юношества.

На этот раз из 472 участников принципиальное жюри победителями назвало Валерия Кострючина из Минска, Виктора Кокосова из Санкт-Петербурга, Екатерину Шелеметьеву из Санкт-Петербурга, Валерия Копнинова из Барнаула, Василия Михайлова из Тюмени, Ларису Семенищенкову из Брянска и Ольгу Ахтырскую из Ялуторовска.

Дипломантами 16-й Международной литературной премии им. П.П. Ершова стали Виктор Гитин (Самара), Денис Ефимов (Санкт-Петербург), Виктор Борисов (Вологда), Виктор Макиенко (Латвия), Виктор Медведев (Казахстан), Юрий Леонов (Москва), Илья Резник (Москва).

Июль

В Тюмени в День города состоялся традиционный Литературный марафон.

На протяжении восьми часов без перерыва проходила встреча тюменских читателей с ведущими писателями области. Открыли праздник книги краеведы Станислав Белов, Анатолий Омельчук, Александр Петрушин, Рафаэль Гольдберг, Станислав Ломакин, представив любителям истории свои новые книги. О своих издательских проектах рассказал собравшимся бессменный руководитель благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов. Затем место у микрофона заняли авторы художественной прозы и поэты, в том числе молодые.

Маргарита Чекунова не только читала свои новые стихи, но и показала отрывок из фильма, снятого по её написанному в стихах сценарию. Она же выступила в нём режиссёром и исполнителем одной из ролей.

Воспитанники детской студии при городской библиотеке показали небольшой спектакль по книге выдающейся ненецкой писательницы Анны

Неркаги «Мудрые высказывания ненецкого народа», а руководитель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов рассказал о жизни и творчестве автора, чьи книги переведены на английский, немецкий, китайский языки. Произведения Анны Неркаги несколько раз выдвигались на соискание Нобелевской литературной премии, но исключительно по политическим мотивам она присуждалась другим авторам.

О своих новых книгах рассказали читателям лауреаты международных и всероссийских премий Сергей Козлов и Александр Новопапин, Леонид Иванов.

Особый упор организовавшие Литературный марафон сотрудники Центральной городской библиотечной системы сделали на юных читателей. Для них в разных частях города в течение дня работало несколько интерактивных площадок.

Август

В Тюмени детская библиотека № 3 получила имя писателя Станислава Мальцева.

На протяжении 60 лет Станислав Мальцев придумывал любимому читателями Зайке Пете и его друзьям новые и новые приключения. На них выросли нынешние бабушки и дедушки и теперь с удовольствием читают эти книги своим внукам, а те зачарованно слушают сказки о весёлых похождениях неунывающих героев.

Именно Зайка Петя и Кузя Щучкин принесли автору особый успех, и он не изменял им на протяжении десятилетий.

Имя писателя детской библиотеке присвоено по ходатайству регионального отделения Союза писателей России.

Сентябрь

В Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева после летних каникул областной клуб любителей литературы «Арион» открыл новый, 13-й по счёту сезон.

Открывая встречу, руководитель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов главным событием в литературной жизни назвал издание серии «Первая книжка» из пяти поэтических сборников молодых авторов. Такая серия издана впервые за 60 лет существования областной писательской организации. А произошло это благодаря поддержке депутата Тюменской областной Думы Ивана Вершинина. Иван много лет работал в сфере культуры и хорошо понимает необходимость поддержки культурных проектов, в том числе молодых писателей.

В серии напечатаны авторы Ямала, Югры и юга Тюменской области Виты Акимовой, Олеси Журавлевской, Ирины Трофимовой, Романа Поплавского и Евгения Ширяка.

Октябрь

Подведены итоги 3-го Международного Филофеевского конкурса духовно-нравственной литературы. На него поступило более 80 работ из городов России от Камчатки до Крыма и Калининграда, а также из Казахстана, Белоруссии, Донецка, Республики Коми, Ямало-Ненецкого и

Ханты-Мансийского автономных округов, Башкортостана, Татарстана. В составе жюри работали два доктора филологических наук, известные писатели из разных городов России от Читы до Твери и даже Израиля.

Победителями стали Николай Тостиков (Вологда), Александр Орлов (Москва), Геннадий Сазонов (Вологда). Дипломами конкурса награждены Виталий Богомолов (Пермь), Павел Кренёв (Москва), Андрей Попов (Сыктывкар), Наталья Бородкина (Ялуторовск), Владимир Квашнин (пос. Саранпауль, ХМАО),

Константин Ковалёв-Случевский (Москва), Анатолий Труба (Москва), Камиль Зиганшин (Уфа).

* * *

Библиотека села Суерка Упоровского района получила имя своего земляка, члена Союза писателей России Виктора Захарченко.

Виктор Захарченко более десяти лет работал ответственным секретарём литературно-художественного альманаха «Врата Сибири», был хорошо известен как лирический поэт, публицист и литературный критик.

Коротко об авторах

АНАШКИН Эдуард Константинович – член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живёт в Самарской области.

АХТЫРСКАЯ Ольга Павловна родилась в Тюмени 7 июля 1950 года. Была третьим ребёнком в семье, после неё родилось ещё три брата и сестра. В двухлетнем возрасте переболела полиомиелитом, прокатилась по стране такая эпидемия. С 1960 года жила в Ялуторовске. Лет в десять начала писать стихи, некоторые печатались в газете. В юности пробовала писать и рассказы. После окончания средней школы два года прожила в Ханты-Мансийске. Работала в ателье портнихой: уже с пятого класса с удовольствием шила для всей семьи. Вернулась в Ялуторовск. В 1975 году вышла замуж (оставила свою фамилию). В 2005 году Ялуторовская библиотека напечатала сборник стихов «Бескрылая птица». Лауреат Международной литературной премии им. П.П. Ершова 2022 года. Живёт в г. Ялуторовске Тюменской области.

БАЛТИН Александр Львович родился в Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик – в 2007-м в журнале «Florida» (США), как литературный критик – в 2016-м в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США. Произведения А. Балтина публиковали различные популярные журналы и периодические издания. Лауреат различных литературных премий и литературных конкурсов. Стихи переведены на итальянский и польский, эссе – на болгарский и фарси.

БЕЛКИН Сергей Васильевич окончил Литературный институт им. Горького. Работал журналистом, редактором Уватской районной газеты, затем долгое время – заместителем директора департамента информационной политики Тюменской области. В настоящее время на пенсии. Член Союза журналистов РФ. Живёт в Тюмени.

БЕЛОУСОВ Андрей Дмитриевич – директор Каширинского литературно-краеведческого музея Курганской области.

ГАБДЕЛЬ Махмут – псевдоним прозаика Абдулина Махмута Касимовича (24.05.1951), уроженца д. Митькино Вагайского района Тюменской области. После 10 классов прошел обучение в Тобольском областном культурпросветучилище и Челябинском государственном институте куль-

туры; по трудовой биографии прошел путь от методиста РДК до начальника управления культуры, был строителем, буровиком, учредителем частной литературной газеты, строителем газопроводов на Севере; член Союза журналистов СССР (1989), Тюменского и Ямальского отделений Союза писателей РФ (1995), лауреат Литературной премии Ямала (2013), лауреат Всероссийской литпремии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2021), его имя включено в энциклопедию «Ямал». Рассказы «Земляки», «Чертово колесо», «Татарчонок», авторская легенда «Великий сын народа» вошли в учебники и хрестоматии, такие как «Литература Тюменского края» (1996), «Страна без границ» (1998). «Мифология, фольклор и литература Ямала» (2001), «Хрестоматия тюменских писателей» (2015) и изучаются в некоторых школах ЯНАО и Тюменской области. Живёт в г. Казани.

ГУМЕНЮК Михаил Дмитриевич родился 27 сентября 1950 года на Украине. С 1984 года живёт в России. С 2010 года является членом Союза писателей России, с 2015-го – Санкт-Петербургского отделения. С этого же времени жизнь и творчество поэта связаны с городом на Неве. Поэт, прозаик. Автор сборников поэзии на русском языке «Лебединая быль» и «Околдовала сердце моё Русь», сборника поэзии и прозы на украинском языке «Кришталева відлуння Карпат». Переводил стихи белорусских поэтов на русский и украинский языки. Печатался в изданиях Ямала, Анапы, литературно-художественных изданиях Киева, Москвы. Автор текстов более 20 песен на русском и украинском языках, к семи из них написал музыку.

ЖУРАВЛЕВСКАЯ Олеся Сергеевна родилась 7 октября 1989 года в посёлке Мортка Кондинского района Тюменской области, где и проживает по сей день. Работает инженером-программистом. Как утверждает, воспитывается девятилетней дочерью, годовалым псом, тремя кошками, четырёхлетней черепахой и иногда родителями. «Моя любовь – она сильна, она непобедима! Моя любовь – она нужна, она необходима!» – таким было первое стихотворение, которое Олеся написала в 7 лет. В младших классах сочиняла сказки, переделывала популярные песни. В старших начала писать рэп... Окончив институт в Тюмени, вернулась домой и к стихам. Печаталась в коллективных сборниках и альманахе «Эринтур» («Поющее озеро»), в сборнике прозы и поэзии Всероссийской литературной премии «В начале было слово» в 2021 году.

ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ Ольга Ивановна родилась 12 октября 1962 г. в Омске, в 1986 году окончила Тюменский медицинский институт и клиническую ординатуру по офтальмологии. Автор пяти поэтических сборников: «Как хорошо в моей России» (2001), «Весеннее окно» (2009), «Летние этюды» (2009), «Лиловый вечер» (2010), «Танец листопада» (2012). Печаталась в областной периодике, журналах «Невский альманах» и «Сфинкс», «Сибирские огни», «Алтай», интернет-журнале «Истина», в печатном варианте в Лондоне, коллективных сборниках «Ода Тюмени» (2008), «Золотой листопад надежды» (2011). Член Союза журналистов и Союза писателей России с 2010 года. Живёт в Тюмени.

КОЛЕСНИКОВА Зоя (Покорная Зоя Константиновна) родилась в с. Елизаветино Воронежской области. Окончила исторический факультет

Воронежского педагогического университета. Поэт. Член Союза писателей России с 2001 года. Автор девяти стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах «Подъем», «Наш современник», «Берега», «Новая Немига литературная», «Молодая гвардия», альманахах «Академия поэзии», «День поэзии – XXI век» и других литературно-художественных изданиях. Лауреат премий «Кольцовский край» (Воронеж), Святой Татианы (Санкт-Петербург), премии Николая Гумилева (Коктебель) за книгу «Выбирала цветы по цвету...». С 2010 года – руководитель литературной студии «Современник» при Воронежской писательской организации. Живёт в Воронеже.

ЛОМАКИН Станислав Константинович родился в 1941 году в селе Кыштовке Новосибирской области. После седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

ЛЮТАЯ Римма Викторовна родилась в 1958 году в Воронеже. Окончила теоретическое отделение музыкального училища, Литературный институт им. Горького (семинар Ал. Михайлова и Г. Седых), аспирантуру. Преподавала в музыкальной школе, работала художником и звукооператором в театре, ответственным секретарём в газете и региональной организации Союза композиторов России, была исполнительным директором Воронежской организации Всероссийского хорового общества. В настоящее время – выпускающий редактор православного издания «Вестник Антониевского храма» (Воронеж) и журнала «ЭкоГрад» (Москва). Поэт, переводчик, литературный и театральный критик, музыкальный публицист. Публиковалась в журналах «Смена», «Литературное обозрение», «Москва», «Подъём», «Простор», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор». Член Союза журналистов и Союза композиторов России. Обладатель Шекспировского диплома премии «Золотое перо Руси». Живёт в Воронеже.

ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. В 1993 году окончил Литературный институт имени М. Горького – семинар критики, учился в аспирантуре. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Литературный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Публиковался во многих литературных журналах и альманахах, в том числе «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Дом Ростовых», «Волга – XXI век», «Сибирь», «Огни Кузбасса», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Нева», «Сибирские огни», «Аргатак», «Новая Немига литературная», «День поэзии XXI век – 2012 год». Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014). Лауреат между-

народных и всероссийских литературных премий. Член правления Союза писателей России, председатель совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

МАРКИЯНОВ Андрей Александрович родился в г. Тюмени 30 июня 1959 г. Член Союза писателей России. Стихи начал писать лет в 12, прозу – во время прохождения военной службы. В 80-х гг. продолжал писать стихи и прозу, публиковался в периодике. Был в переписке с В. Астафьевым с 1990 года. Стихи и рассказы публиковались в журналах «Сибирские огни», «Сибирское богатство», «Врата Сибири», «День поэзии» (Санкт-Петербург), «Александр», «Светоч», «Жемчужина» (г. Брисбен, Австралия), в Германии в альманахе «Эдита» (Unzensiert № 11). Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

МАТАЕВ Александр Анатольевич – автор тонких, чувствительных стихов, понятных людям языка, поэзии и музыки. Активный участник фестивалей авторской песни. Впервые стихи опубликованы в сборнике уральских поэтов «России маленькая часть», изданном в честь 40-летия шаимской нефти, затем появился авторский сборник стихов «Красные плюс белые». Помимо стихов пишет прозу. Член Союза писателей России, живёт в г. Урае Ханты-Мансийского автономного округа.

МОЛОВЦЕВА Наталья Николаевна родилась в селе Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала в газетах Магаданской, Сахалинской, Воронежской областей, Якутской АССР. Публиковалась в газете «Литературная Россия», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Странник», «Ковчег», сборниках прозы. Автор книг прозы «Меня оклики», «Тонкий серпик луны», «Берега вечности». Лауреат премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живёт в городе Новохопёрске Воронежской области.

НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других. Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», конкурса им. С. Есенина, премии «Родная речь» журнала «Подъём». Награждён медалью В.М. Шукшина. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович родился 27 февраля 1946 г. в п. Могочино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. До 1987 г. – радиорепортёр «Ямалрадио» в г. Салехарде. 33 года (до 2019 г.) возглавлял Тюменское областное телевидение – президент телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Автор около 200 документальных телефильмов о Ямале, Югре, Сибири, Севере и Арктике. Лучшие из них изданы в формате фильм-бука «Сибирская сага – 77». Первая книга «Салехард» издана в Свердловске

в 1978 г. Средне-Уральское книжное издательство выпустило книги документальной прозы «Зов Арктики», «Рыцари Севера», «К неведомым вершинам», «Солёная Арктика». В Союз писателей СССР приняли в 1990 г. Переводился на английский, французский, испанский, немецкий, китайский, хантыйский и ненецкий языки. В формате флеш-бук издана электронная книга-библиотека «Книга Сибири», в которую вошло 50 написанных им книг. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тюменской области, Почетный нефтяник, награжден орденом Дружбы. Литературные премии П. Ершова, П. Бажова, В. Маяковского, Д. Мамина-Сибиряка, И. Ермакова, В. Шишкова, «Слово», литпремия губернатора Ямала, «Югра», орден «Звезда Достоевского», Большая литературная премия России.

ПАРОМОВА Наталья Александровна родилась в 1950 г. в городе Энгельсе Саратовской области. С 1955 г. живёт в Тюмени. Окончила Уральский госуниверситет им. А.М. Горького (кафедра истории искусств профессора Б.В. Павловского). С 1968 по 1979 г. являлась научным сотрудником областной картинной галереи. С ноября 1979 г. по июнь 1982 г. работала в экскурсионном отделе Государственного Русского музея (Ленинград), затем вернулась в Тюмень, преподавала в училище искусств, детской художественной школе им А.П. Митинского. С 1999 г. – старший научный сотрудник Тюменского музея изобразительных искусств. С 2017 г. – главный сотрудник отдела музейных технологий Музейного комплекса им. И.Я. Словцова. Имеет публикации в научных сборниках Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, музеев Московского кремля. Автор концепций и экспозиций тематических выставок «От острога до столицы», «Цветы – воспоминание о рае», «Мир детства», «Романовы и Сибирь», «Вселенная Свиридова», «Романтика соцреализма». Награждена знаком «За достижения в культуре».

ПЕТРЕНКО Геннадий Вячеславович родился в 1964 году в селе Александровка Павловского района Воронежской области. Окончил Павловское педагогическое училище, исторический факультет Воронежского государственного педагогического института, служил в рядах Вооружённых сил, работал учителем физкультуры, истории, ОБЖ, тренером по лапте. Ветеран труда. Печатался в районных и областных изданиях, журнале «Подъём». Работает контролёром КПП в ООО «Павловское монтажное управление». Живёт в городе Павловске Воронежской области.

ПЛЮХИН Павел Семёнович родился 10 октября 1948 года в селе Карагайском Верхнеуральского района Челябинской области. В 1972 году с отличием окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. После окончания института остался в нем работать младшим научным сотрудником. В 1973 году переехал в город Нижневартовск. В это же время его лирические произведения печатались в литературных изданиях Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. В 2010 году успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Автор пяти книг и 57 публикаций в коллективных изданиях и журналах Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. Член Союза писателей России с 2011 года. Заслуженный энергетик Ханты-

Мансийского автономного округа – Югры (2008). Почётный нефтяник Тюменской области. Живёт в городе Тюмени.

ПЫЛЁВ Сергей Прокофьевич родился в 1948 году в городе Коростене Житомирской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал журналистом в воронежских изданиях, главным редактором журнала «Воронеж: Время. События. Люди», заместителем председателя правления Воронежской организации Союза писателей СМССР. Автор десяти книг прозы. Лауреат премии «Кольцовский край», журнала «Берега». Живёт в Воронеже.

РЯБИЙ Михаил Михайлович родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993). Автор более 160 публикаций, статей о творчестве писателей, книг по литературоведению и критике. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских литературных премий в номинации «Литературоведение». Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами». Работает преподавателем в Николо-Сольбиномском монастыре.

СОЛОДОВА Татьяна Ильинична – писатель-краевед, автор 23 изданных книг, основатель серии «Жизнь замечательных людей Тобольска» (ЖЗЛТ). Неоднократный лауреат регионального конкурса «Книга года». Награждена медалью 2-й степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» и медалью «Н. Рубцов» за значительный вклад в развитие краеведения Сибири, литературно-краеведческие труды, развивающие «в назидание потомству» глубокое чувство патриотизма. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Московское отделение). Член Союза писателей России.

СТРЕЛЬНИКОВА Екатерина Сергеевна родилась в п.г.т. Анна Воронежской области. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Учится в аспирантуре, преподаёт, работает в университете. Победитель молодежной номинации всероссийского конкурса «Словенское поле» (2020). Публиковалась в журнале «Подъём», региональных изданиях. Живёт в Воронеже.

ТАРАБАЕВА Ирина Александровна трудится в газете «Тюменские известия», много лет ведет литературную тематику, хорошо знакома с большинством тюменских писателей и сама, кстати, сочиняла стихи и участвовала в семинарах молодых авторов. Свою поэтическую деятельность начинала под опекой члена Союза писателей России Александра Гришина, имя которого присвоено одной из библиотек Тюмени. Автор и ведущая рубрики «Писатель без обложки», опубликовала в газете десятки интервью с известными тюменскими авторами.

ТОЛСТИКОВ Николай Александрович родился в 1958 году. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал в газетах. Окончил духовную семинарию, принял духовный сан, ныне он – священнослужитель.

тель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Член Союза писателей России. Рассказы и повести отца Николая публиковались во многих российских и зарубежных журналах. Автор книг «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». Награждён медалью «Василий Шукшин», учрежденной Союзом писателей России. Член Союза писателей России. Победитель 3-го Филофеевского конкурса духовно-нравственной литературы. Как признанный прозаик работал в жюри многих престижных международных и всероссийских литературных конкурсов.

ФИЛОНОВ Кирилл Николаевич родился в Петропавловске в семье железнодорожников. В 2011 году окончил Омский государственный университет путей сообщения. Ещё в студенческие годы будущий инженер заинтересовался творчеством, писал стихотворения и рассказы, был редактором газеты при вузе, участвовал в общественной жизни учебного заведения. В 2010 году принял участие в семинаре молодых литераторов в г. Омске. Кирилл Филонов является председателем Северо-Казахстанского областного литературного объединения имени М. Аверина. Член Союза писателей России. Дипломант литературного конкурса «Мир и Отечество», III место (Курган, 2020), «Истоки» (Белгород, 2021), «Здесь наша сила» (Белгород, 2022).

ЧУХЛАНЦЕВА Елена Юрьевна родилась в Удмуртии, на ст. Пычас. В школу пошла в Ижевске, окончила в Тюмени. В 1984 году получила диплом инженера-механика Киевского института гражданской авиации. Руководила лабораторией в Ижевском аэропорту. В НР Конго занималась общественной работой при культурном центре советского, затем российского посольства. Там и появилась мысль писать. Вернувшись в Тюмень, занималась переводами и преподаванием английского языка, но мысль о писательстве не оставляла. Первый рассказ появился в 2005 году. Затем написала еще несколько рассказов о животных. В Удмуртии выпустила (самиздат) микротиражом книгу для детей с первыми рассказами. Несколько рассказов опубликовано в журнале «Урал».

ШИРЯК Евгений Маркович родился в 1972 году на севере Тюменской области, в посёлке Игрим. В десятом классе начал писать стихи, печатался в районной газете «Путь к коммунизму». Поступив в Тюмени в индустриальный институт в 1988 году, продолжил стихотворные опыты. Писал в основном для себя, нигде не публиковался, но тем не менее считал текущие стихи достойными. А потом начал публиковаться в интернете, стали появляться читатели, даже песни зазвучали на его стихи. Первый официальный успех – диплом второй степени на межрегиональном конкурсе бардовской песни имени Николая Старченкова в номинации «Поэзия».

ЩЁЛОКОВ Иван Александрович родился в 1956 году в Воронежской области. Автор двенадцати книг. Печатался в «Литературной газете», альманахах «День поэзии. XXI век» за 2006–2021 гг., журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов), «Русский литературный журнал в Атланте» (США), «Новая

литературная Немига» (Белоруссия), «Азербайджан», в литературном альманахе «Казахстан – Россия» и других коллективных сборниках. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. В настоящее время главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём», председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

работы разных лет художника Бориса Ивановича Паромова.

На обложке:

Паромов Б.И. «Тюменская тройка». 2016 г. Оргалит, акрил. 105x165

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 14.11.2022 г.
Дата выхода номера в свет 14.12.2022 г.
Формат 70x1081/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 2282. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

*Верстка номера: Дерябин Сергей Александрович.
Корректор: Рыжкова Елена Александровна.*

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

